327
В 75

В·Б·ВОРОНЦОВ

ДЕЛО «АМЕРЭЙША»

В·Б·ВОРОНЦОВ

ДЕЛО «АМЕРЭЙША»

Политические столкновения в США по проблемам Китая

Издательство
«Международные отношения»
Москва 1974

327.21
В 75

Воронцов В. Б.

В75 Дело «Амерэйша» (политические столкновения в США по проблемам Китая), М., «Междунар. отношения», 1974.

208 с.

В книге рассказывается о внутриполитической борьбе в США по вопросам отношения к Китаю и в связи с этим о преследовании лиц, связанных с журналом «Амерэйша», которые обвинялись в разглашении государственной тайны. К делу оказались причастными ведущие американские специалисты по Китаю. Анализируя документы дела «Амерэйша», записи бесед американских представителей в Яньани с Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем, автор раскрывает методы и средства китайской политики США, позицию маоистского руководства КПК по многим внешнеполитическим проблемам, прослеживает изменения, происшедшие в американо-китайских отношениях со времен второй мировой войны до наших дней.

$\text{В}\ \frac{11105—021}{003(01)—74}\ 4—74$ 327.21

ВЛАДИЛЕН БОРИСОВИЧ ВОРОНЦОВ

ДЕЛО «АМЕРЭЙША»
Политические столкновения в США по проблемам Китая

Редактор **Т. Д. Лосева.** Оформление художника **О. Н. Коняхина.** Художественный редактор **Р. А. Казаков.** Технический редактор **Т. С. Ковалева.** Корректор **Э. К. Гаврута.** А06539. Сдано в набор 24/X-1973 г. Подписано в печать 18/II-1974 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,61. Тираж 50 000 экз. Изд. № 06/73 И. Издательство «Международные отношения», 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24. Зак. № 792. Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 71 коп.

© Издательство «Международные отношения», 1974 г.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

●

Марксисты-ленинцы немало делали и делают, чтобы охладить пыл неуемных авантюристов в политике, сохранить самое драгоценное для человека — мир. Для достижения этих высоких целей КПСС разработала широкую внешнеполитическую программу, одобренную XXIV съездом коммунистов Советского Союза и справедливо названную Программой мира.

В новых условиях разрядки международной напряженности, сменивших отчуждение периода «холодной войны», отнюдь не исчезает противоположность между двумя общественными системами. «Мы не можем забывать, — отметил Л. И. Брежнев на торжественном заседании, посвященном вручению Украинской ССР ордена Дружбы народов, — что есть государства, где влиятельные круги добиваются, чтобы мир и впредь лихорадила напряженность, чтобы росли военные бюджеты, продолжалась гонка вооружений. Мы были и остаемся принципиальными противниками империализма» [1].

Ныне ведущие политические деятели капиталистического мира почти единодушно признают невозможность использования военной силы в целях сокрушения социализма. Это важнейшее обстоятельство толкает империалистических политиков и идеологов на поиск новых путей противоборства с миром социализма. Серьезное значение в этом отношении противники социализма придают антисоветскому, антисоциалистическому курсу маоистов на международной арене.

Проходивший в августе 1973 года X съезд КПК подтвердил приверженность маоистского руководства гегемонистскому, шовинистическому курсу в области внешней политики. Западные обозреватели, комментируя решения съезда, подчеркивали, что в соответствии с утвержденной съездом линией Советский Союз считают в Пекине «врагом № 1». «Нью-Йорк таймс» особое внимание обращала на различное отношение инициаторов съезда к СССР и США. «В коммюнике и политическом отчете Чжоу Энь-лая съезду, — отмечала газета, — со-

держались резкая критика в адрес Москвы и предупреждение об опасности «внезапного нападения» со стороны Советского Союза. Соединенные Штаты были изображены как сверхдержава, идущая к упадку, но Чжоу Энь-лай тем не менее заявил, что китайско-американские отношения «несколько улучшились».

В Пекине подыгрывают, как показал съезд, противникам разрядки напряженности в мире. Там торпедируют идею создания системы коллективной безопасности в Азии, стремятся воспрепятствовать политическому урегулированию на Ближнем Востоке, пытаются расширить свое влияние в «третьем мире» в ущерб интересам национально-освободительного движения. Очередной съезд КПК свидетельствует о готовности маоистского руководства и дальше идти на беспринципное блокирование с любыми силами ради достижения своих гегемонистских целей, спекулировать на антисоветских, антикоммунистических настроениях в странах капиталистического мира. В свою очередь, кое-кто на Западе, в том числе и в США, следуя постулатам антикоммунизма, оправдывает и зачастую поощряет антисоветизм маоистов, создавая, таким образом, благоприятную почву, питающую авантюризм во внешней политике Пекина. Ставка на антисоветизм маоистов, попытки осложнить советско-китайские отношения отнюдь не служат делу разрядки международной напряженности, делу сохранения мира и безопасности народов.

●

30 января 1973 г. в госдепартаменте царило оживление: многочисленные гости собрались на прием в честь группы американских дипломатов, служивших в Китае в период второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Первое слово предоставили лауреату премии Пулитцера — историку Барбаре Тачмен. Сегодня ведь собрались ее друзья, в обществе которых она, еще молодая журналистка, провела немало времени, горячо обсуждая запутанные китайские проблемы. Историк с глубоким уважением называл имена Эдмунда Клабба, Джона Сервиса, Джона Дэвиса, Дж. Картера Винсента и ряда других дипломатов, посвятивших лучшие годы своей жизни китайской политике США. Немало говорилось и о лишениях тех, ради которых сегодня состоялось торжество, о

несправедливом к ним в прошлом отношении со стороны соотечественников. Большинство из них в первые послевоенные годы были отстранены от работы, подверглись судебному преследованию. Теперь же ораторы призывали учесть опыт прошлого, не оставлять без внимания предупреждения и советы специалистов, строить политику с учетом существующих фактов, не поддаваясь эмоциям. Значительную часть своего выступления Б. Тачмен посвятила Дж. Сервису. И не случайно. Биография Дж. Сервиса весьма характерна для представителей школы американских дипломатов-азиатоведов, сложившейся в довоенные годы. Потом слово взял Дж. Сервис. Ныне, подчеркивал он, обстановка в Латинской Америке, Африке и отдельных районах Азии схожа с положением в Китае 40-х годов... Изоляция США от революционных движений современности может привести американцев к тому, что они окажутся «за бортом» [2].

Каков опыт американских дипломатов в Китае? Почему к их советам не прислушивались в свое время в Вашингтоне? Почему они подверглись судебному преследованию, остались без любимой работы и почему их сегодня чествуют как героев дня? Ответы на эти вопросы следует искать в событиях прошлого и настоящего...

В один из февральских дней 1945 года глава секции по делам Юго-Восточной Азии исследовательского отдела Управления стратегической службы (американская разведка в период второй мировой войны — УСС) Кеннет Е. Уоллес просматривал январский номер авторитетного в то время ежемесячного нью-йоркского журнала «Амерэйша». Журнал слыл вполне респектабельным. Он издавался компанией «Уоллес Браун инкорпорейтд», а большую часть финансовых расходов нес миллионер Фредерик Вандербильт Фильд. Казалось, на страницах такого журнала вряд ли можно было встретить что-либо способное заинтересовать разведку, но на этот раз Уоллес был потрясен. Один из материалов, появившихся на страницах этого печатного органа, весьма походил на подготовленный им недавно документ закрытого содержания, подчеркивавший отсутствие необходимой согласованности в планировании английской и американской политики в отношении Таиланда.

Американская разведка действительно проявляла тогда особую заинтересованность в таиландских делах, стремясь подчинить освободительное движение в Таилан-

де интересам единого фронта колонизаторов. Начальнику разведывательной службы США в Таиланде Смиту было поручено убедить руководителей подпольного движения не поднимать восстания до тех пор, пока не будут получены соответствующие указания. Американская разведка, опираясь на феодально-помещичьи круги, используя недостаточную организованность патриотического движения, отсутствие единого фронта в антифашистской борьбе, сумела, в конце концов, подчинить своему влиянию движение «Свободное таи», чем оказала неоценимую помощь колонизаторам.

Сотрудники УСС перелистали страницы январского номера журнала «Амерэйша». Им тоже показалось странным то обстоятельство, что свет увидели материалы, противоречащие тезису об «американском антиколониализме» и показывающие, что колонизаторы действуют, когда это выгодно, в едином строю. Разведчики всполошились. Перед различными звеньями УСС была поставлена задача выяснить: каким путем идет утечка секретных сведений? Решили начать с журнала. В полночь 11 марта 1945 г. группа сотрудников УСС тайно проникла в здание редакции «Амерэйша» на Пятой авеню. Во время обыска, как показали впоследствии на расследовании сами сотрудники УСС, были обнаружены секретные документы и свежие копии с них. ФБР, не раздумывая, установило тщательную слежку за сотрудниками журнала и теми, кто какими-либо путями общался с редакцией. Вездесущие агенты ФБР пошли по следу за сотрудниками дипломатического ведомства. Судебному преследованию подвергся ряд сотрудников журнала «Амерэйша» и лица, связанные с ним. На них возложили тяжкие обвинения в шпионаже, разглашении государственной тайны и т. д. Поскольку к делу оказались причастны ведущие специалисты по Китаю, его содержание стало предметом острых дискуссий о методах и средствах китайской политики США. Возникло дело. Тщательно состряпанное, оно во многом обязано усилиям тех, кто в США был заинтересован в обострении «холодной войны».

Спустя более четверти века после описанных событий дело «Амерэйша» получило новое звучание. Под редакцией проф. Кьюбека вышли в свет объемистые тома документов, фигурировавших во время расследования дела и розыска виновных, и дискуссия вокруг этого дела постепенно стала трансформироваться в сложную полити-

ческую игру, которая не ощущала недостатка в желающих принять в ней участие. Кьюбек скрупулезно проштудировал около тысячи, как он сам отмечал, «неличных» документов. Среди 315, опубликованных им, 101 принадлежал перу кадрового дипломата, специалиста по Китаю Дж. Сервиса. С легкой руки составителей эти документы и были представлены читателю как наиболее важные.

Проф. Кьюбек старался доказать, что документы, опубликованные благодаря его усилиям, были «найдены» ФБР в редакции журнала. Однако Дж. Сервис, выступивший с опровержением, утверждает: большинство бумаг изъято из его рабочего стола уже после ареста. 69 документов, отобранных Кьюбеком, были прямо и без каких-либо затруднений (если эти слова действительно могли отражать подлинное положение дел) изъяты из личных архивов арестованного дипломата.

Кьюбек преподносит читателю интригующую версию, будто все «найденные» (подходящий эвфемизм!) документы относились к категории правительственных и носили сугубо закрытый характер. Дж. Сервис возражает, подчеркивая, что часть документов носила сугубо личный характер (переписка, личные записи и т. д.), а другая представляла собой известные публикации Мао Цзэ-дуна (например, «Исследование китайской деревни») и Лю Шао-ци (например, «О работе над собой»), которые вряд ли можно отнести к категории секретной документации, даже если они и были найдены в редакции «Амерэйша»? Какой ученый, занимающийся проблемами современного Китая, удержится от соблазна заполучить для своей библиотеки такого рода материал?

Спор по делу «Амерэйша», когда он касается методов деятельности американской охранки, отражал и отражает безусловно глубокое беспокойство ревнивых поборников идеалов буржуазной демократии. Но главной темой в этом споре стали, конечно, оценки положения в Китае периода второй мировой войны, деятельности КПК и гоминьдана — оценки, которые давались и даются поныне сторонниками различных, порой противоположных, средств и методов осуществления китайской политики США.

Форсированные темпы нормализации американо-китайских отношений, активизация китайской политики США в начале 70-х годов и дискуссия вокруг проблем этой политики привели к публикации огромного количе-

ства документов, связанных с историей американской вовлеченности в китайские дела и фигурировавших во время расследования по делу «Амерэйша»[3]. Эти документы дают солидную пищу для размышлений об американском опыте в этой стране, о позиции руководителей КПК в отношении США и т. д.

В настоящей работе речь пойдет не только о деле «Амерэйша», хотя это событие само по себе может стать предметом исследования, но и о крупных политических событиях, о людях, которые были долгие годы связаны с китайской политикой США.

Трудно оценить значение аргументов, находящихся в теоретическом багаже сторонников новой китайской политики США, не обращаясь к конкретной исторической действительности. Поэтому автор предпринял попытку прежде всего выявить предпосылки появления в США различного рода исторических концепций, оправдывающих активизацию современной китайской политики Вашингтона. Многие американцы, побывавшие в годы второй мировой войны в Китае, резко критиковали режим Чан Кай-ши и даже противопоставляли этому режиму яньаньскую систему как более совершенную форму организации общества в Китае. Антисоветизм маоистов в значительной мере определил для идеологов антикоммунизма актуальность противопоставления прошлой деятельности КПК и гоминьдана.

В настоящей работе показаны истоки критики американскими специалистами чанкайшистского режима в годы второй мировой войны, причины появления, в частности, на страницах журнала «Амерэйша» позитивных оценок коммунистического движения в Китае. Многие эксперты, группировавшиеся вокруг журнала «Амерэйша», и сегодня выступают, надо сказать, с новым подъемом, в качестве пропагандистов гибкой китайской политики, в роли теоретиков, пытающихся вооружить своих соотечественников из правящей элиты аргументами и концепциями, которые могли бы не только оправдать движение вашингтонской администрации в сторону сближения с Пекином, но и дискредитировать идеи научного коммунизма, практику строительства социализма как в Китае, так и в других странах. Именно поэтому в работе немало внимания уделено разбору позиций ряда видных американских политических деятелей, ученых и журналистов по различным аспектам китайской политики.

Глава I

●

«АМЕРЭЙША» В ЯНЬАНИ

Первые визитеры

В июне 1937 года группа любознательных американских журналистов, стремившихся глубже вникнуть в существо событий, происходивших в Китае, отправилась в Яньань. Трое из них — Г. А. Биссон, Ф. Джаффе и О. Латтимор входили в редколлегию журнала «Амерэйша». Им предстояло преодолеть гоминьдановскую блокаду освобожденных районов, контролируемых КПК. Пришлось тщательно маскироваться. Джаффе сыграл роль развязного богатого американца, направляющегося в горы на лечение, Латтимор — его переводчика, а Биссон — друга и попутчика. Гоминьдановская охранка поверила Джаффе, и план удалось осуществить. 21 июня 1937 г. первые представители журнала «Амерэйша» прибыли в Яньань.

Поездка членов редколлегии в Яньань не могла не сказаться на содержании журнала «Амерэйша». Он становится трибуной для энтузиастов-авторов, наиболее осведомленных в китайских делах. Издатели «Амерэйша» обрушивают на читателя поток информации о внутриполитическом положении в Китае, о положении в освобожденных районах. Журнал начинает привлекать внимание читающей публики, его замечают и признают в правительственных кругах. Тираж растет.

С первого своего появления в марте 1937 года и до последнего номера в июле 1947 года журнал с симпатией отзывается о движении китайских коммунистов. Ведущие лидеры КПК с готовностью дают интервью прибывшим в Яньань журналистам, принимают участие в обедах, ленчах, различных поездках, охотно позируют перед фотоаппаратами. Пройдут годы и путешественники предоставят для публикации фото: улыбающийся Мао Цзэдун в центре группы авторов «Амерэйша».

Американцы, побывавшие в канун войны на Тихом океане в Яньани, были людьми различных взглядов и

побуждений. Американский журналист Эдгар Сноу проник во временный центр Красного Китая — местечко Баоань (Северная Шэньси) за год до поездки группы «Амерэйша». Свои впечатления о поездке, о беседах с руководителями КПК Сноу изложил в книге «Красная звезда над Китаем», вышедшей в 1938 году.

Э. Сноу, тогда еще малоизвестному американскому публицисту, повезло. Он первым из своих коллег поведал читателям биографию и взгляды Мао Цзэ-дуна в те годы. Эдгар Сноу, ставший, по существу, пропагандистом маоизма, уже тогда отмечал способность Мао Цзэ-дуна к лавированию, склонность к поиску наиболее приемлемых путей давления на противника («Лобовое наступление — не китайский путь»). После «Движения 4 мая» Мао Цзэ-дун решил, как писал Сноу, посвятить себя политической деятельности среди студентов. Однако, по его собственному признанию, будущий основоположник маоизма не мог разобраться в мешанине идей «либерализма, демократического реформизма и утопического социализма. Он выступал и как сторонник американской „доктрины Монро" и „открытых дверей"»[1]. Мао Цзэ-дун читал в переводе «Манифест Коммунистической партии» Маркса и «Классовую борьбу» Каутского. «С 1920 года, — поведал Мао Сноу, — я начал считать себя марксистом»[2]. Признать себя марксистом не значило быть таковым.

Спустя много лет Э. Сноу станет известен как личный друг Мао, и на смерть его Пекин откликнется трогательным соболезнованием. Тогда же он первым, а вслед за ним и «Амерэйша», воспел национализм Мао Цзэ-дуна, воздал должное его субъективизму и волюнтаризму. «Прорвав существовавшие в то время многочисленные преграды, он с энтузиазмом рассказывал народам США и других стран о руководимой председателем Мао Цзэ-дуном революционной борьбе в Китае...» — говорилось в телеграмме Чжоу Энь-лая вдове Э. Сноу. В пекинской прессе особо отмечалась книга «Красная звезда над Китаем» и «проникновенные чувства» покойного автора, с которыми она рождалась.

Во время пребывания Э. Сноу в Яньани активную деятельность в освобожденных районах развернула известная журналистка Агнесса Смедли. Она давно простилась с Америкой. Судьба забросила ее в Германию. В Китай она прибыла в 1929 году корреспондентом «Франкфуртер цайтунг». В 1933—1934 годах вышли ее книги[3], в которых

была с пафосом представлена героика будней Красной армии Китая.

Агнесса прославилась своей бурной энергией; от нее в различные уголки мира шли письма с приглашениями иностранным журналистам посетить Красную Шэньси. Казалось, что ее деятельность слилась в жизнью Китайской Красной армии. Она искренне невзлюбила гоминьдан, на который смотрела как на защитника «привилегированного класса, индифферентного к проблеме благополучия масс». Ее относили к разряду борцов за дело КПК. И если Смедли говорила «мы», то окружающие должны были считать, что она говорит за 8-ю Красную армию. Сохранилась ее фотография. Коротко стриженые волосы, строгий взгляд, губы слегка тронуты улыбкой, надвинутая на лоб фуражка с красной звездой, гимнастерка, портупеи и неизменные спутницы — две автоматические ручки в левом кармане.

Агнесса Смедли, дочь прачки, усматривала в победе КПК панацею от людских несчастий, страданий и несправедливости. Журналистка, однако, отрицала не только систему эксплуатации, империалистические порядки, но и восставала против любой власти, против семьи как ячейки общества, считая брачные узы отжившим анахронизмом, институтом порабощения женщины. Бунтарский дух не позволил А. Смедли овладеть научным наследием марксизма, она оставалась в плену анархистских воззрений.

Среди ведущих авторов журнала «Амерэйша» называли имена Эванса Карлсона, Анны Луизы Стронг, Майкла Линдсея.

Сын священника, капитан Карлсон начал свою карьеру, завербовавшись во флот. Он служит в Китае в Шанхае и Пекине в 1927—1929 годах. В 1935 году бравый офицер, назначенный в охрану президента, встретился с Ф. Рузвельтом. Президент любил использовать личные источники информации, и вскоре Карлсон выехал в Китай. Он должен был в строго секретном порядке информировать президента о происходящих в Китае событиях. Официально Карлсон выступал в роли наблюдателя от военно-морских сил. Прибыв в Китай, капитан сразу же направился в штаб 8-й Красной армии. Карлсон должен был выяснить, насколько реальны слухи о борьбе КПК против японцев. В качестве доказательства реальности этой борьбы он послал президенту захваченные японские

документы, дневник и отороченный мехом мундир. Храброго и предприимчивого офицера сравнивали с вольтеровским Кандидом, со свойственным ему идеализмом воспринявшим яньаньскую действительность.

В мае 1938 года Карлсон побывал в Яньани, беседовал с Мао Цзэ-дуном. Он смотрел на яньаньских коммунистов глазами военного, закаленного спартанской службой в морской пехоте, и подходил к деятельности КПК, основываясь в большей степени на своем чисто военном опыте. Его поражало свободное общение командиров и солдат, совместное обсуждение военной стратегии, высокий дух армии[4]. Историк Барбара Тачмен, вспоминавшая деятельность Э. Карлсона, подчеркнула односторонний, чисто американский («риторика американской мечты») подход своего соотечественника к политическим проблемам Азии[5].

Анна Луиза Стронг считалась талантливой, наблюдательной — в США ее часто называют «великой» — журналисткой. По своему происхождению А. Стронг принадлежала к аристократам, стопроцентным американцам. Ее отец — крупный клерикальный деятель своего времени, безусловно, внес определенный вклад в формирование филантропических взглядов дочери. Приверженность идеалам американской мелкобуржуазной демократии, восставшей против подавления крупными капиталистическими левиафанами прав мелкого предпринимателя, склонность к протестам в защиту академических свобод, наконец, личное участие в благотворительной деятельности среди неимущих слоев американского общества не могли не повлиять на выбор Стронг своего жизненного пути. Она пользовалась авторитетом в среде левых, зараженных мелкобуржуазными идеями, в среде либерально мыслящей интеллигенции, принимала участие в рабочем движении, прониклась симпатией к революционной борьбе других народов и в то же время с необыкновенной легкостью восприняла и подняла на щит мелкобуржуазную платформу китайского национал-коммунизма. Но даже в период расцвета своего творчества Стронг поднималась едва ли выше добросовестной объективности буржуазного журналиста. Анна Луиза Стронг, сказал о ней редактор «Амерэйша» Джаффе, «никогда в действительности не понимала ни социализма, ни марксизма».

Большее время, чем кто-либо из иностранцев и авторов «Амерэйша», посещавших Яньань, провел в освобож-

денных районах Майкл Линдсей. Сын английского лорда, он получил блестящее образование и начал читать в пекинском университете лекции по политическим наукам. Аргументы, находившиеся в теоретическом багаже М. Линдсея, основывались на представлении о КПК как о партии социалистов, аграрных реформаторов («Яньаньская система — не коммунизм, а аграрная демократия», «Коммунизм в Китае — ничего, кроме аграрной реформы», «Новое наименование для древней китайской проблемы — недовольство крестьянина помещиком» и т. д.[6]). Линдсей отмечал военный, экономический и политический прогресс в освобожденных районах. КПК видит впереди, делился он с читателями «Амерэйша», «длительный период развития своей страны в условиях существования капиталистических, демократических институтов».

В духе Линдсея высказывался и Г. Форман. К тому времени он приобрел огромный опыт корреспондентской работы, представляя на Дальнем Востоке различные американские газеты и издательские компании. В своей книге «Доклад из Китая» Форман сумел познакомить своих сограждан с темами, которые обсуждались им с Мао Цзэ-дуном в Яньани в начале 40-х годов. Читатель книги Формана познакомился с декларируемой Мао Цзэ-дуном платформой КПК.

Позиция Мао, отмеченная журналистом, весьма показательна, особенно если иметь в виду стремление лидера КПК подчеркнуть особый и чисто национальный, независимый от внешнего влияния (в том числе и СССР) характер коммунистического движения в Китае. «Мы не боремся за коммунизм в общественном и политическом смысле, который имеется в виду в Советской России, — заявил Мао Цзэ-дун Форману. — В своем намерении освободить эти миллионы (крестьян. — *В. В.*) и повысить их жизненный уровень путем осуществления аграрной реформы мы, однако, не пойдем так далеко, как это сделали в Советской России, — отобрать земли у помещиков и распределить народу... Мы модифицировали эту политику таким образом, чтобы заставить помещиков снизить арендную плату до разумных пределов, убедив их в то же время, что эта пониженная рента будет регулярно оплачиваться арендатором. В этой области мы отличаемся от Советского Союза в экономическом смысле. Политически мы также отличаемся от него, поскольку не призываем к дикта-

туре пролетариата и не планируем ее, мы не призываем к коллективизму, который подавлял бы личную инициативу, — мы в действительности будем поощрять конкуренцию и частные инвестиции. При условии приемлемого соглашения мы разрешим и будем приветствовать иностранные капиталовложения в торговлю и промышленность в районах, которые контролируем... Мы являемся отсталой страной и поэтому нуждаемся в иностранных инвестициях... Мы стремимся ограничить возможность установления однопартийной диктатуры, которая практикуется сегодня гоминьданом»[7].

Форман прослыл среди своих коллег падким на сенсации журналистом. Книгой о Китае он еще раз подтвердил это мнение о себе.

«Амерэйша» — читателю

Представления американцев о Китае, и о Яньани в частности, формировались под воздействием целой серии книг, статей Э. Сноу, А. Стронг, О. Латтимора, Ф. Джаффе, Г. Биссона и многих других публицистов, которые, несмотря на различия в оценках деятельности КПК и причины этих различий, в большинстве своем сходились в одном: в Китае будущее за более прогрессивным движением, руководимым КПК.

Позитивные оценки коммунистического движения в Китае, деятельности лидеров КПК и популяризация их взглядов на страницах журнала «Амерэйша», что особенно ярко проявилось в разгар второй мировой войны, можно, видимо, объяснить комплексом различных факторов. Общий дух антифашистской, освободительной борьбы в мире, — а в первых рядах сражений шли коммунисты, — в значительной мере поднял авторитет коммунистических партий. Решающее сражение шло на советско-германском фронте, и первое в мире социалистическое государство, руководимое Коммунистической партией, приняв на себя главный удар фашистского агрессора, с честью вышло из суровых испытаний, которые лишь подтвердили могущество социалистического строя. Писать в это время о деятельности коммунистов различных стран — значило говорить о стойкости и героизме передовых, наиболее прогрессивных сил времени, стоящих в центре борьбы с агрессией и фашизмом, писать иначе — значило идти против течения, теряя авторитет среди чи-

тающей публики, — дело не последнее для буржуазного публициста.

Американские публицисты либерального толка с восторгом воспринимали утопические и эгалитарные идеи, последователями которых становились многие лидеры КПК. В мышлении американского интеллигента первой половины XX века, хорошо знакомого с историей своей страны, идеи коммунизма ассоциировались с сектантскими коммунами, где духовная жизнь подчинена религиозным канонам, с опытами в США утопического социалиста Р. Оуэна, с принявшим в середине XIX века массовый характер на американском континенте фурьеристским движением. Некоторые американские обозреватели (например, издатель журнала «Нейшн» М. Стюарт), оценивая деятельность КПК, проводили аналогию с популистским движением в американской истории — массовым движением мелких аграриев против крупного капитала. Обреченное на неудачу популистское движение не прошло бесследно. Американский либерализм не раз обращался к мировоззрению популистов, к мечте о создании общества более гуманного, чем когда-либо существовавшего в истории, с разумным распределением благ, моральным усовершенствованием человека, способным излечить любые социальные язвы промышленного века. Это мечта, высоконравственная в своей изначальной основе, могла обрести реальную перспективу и социально-экономическое обоснование лишь в условиях социализма, целью которого становится благо человека, удовлетворение материальных и духовных потребностей трудящихся, совершенствование творческих способностей личности. Но американский либерал искал и находил для себя в освобожденных районах Китая примеры, убеждавшие его в жизненности идей американской революции, джефферсоновских призывов к свободе, равенству и братству. Он становился свидетелем того, как носители мелкобуржуазной идеологии в КПК умело апеллировали к связанным с религиозным даосизмом крестьянским движениям, культивировали в освобожденных районах традиции крестьянской революционности. Многие американцы вдохновенно воспринимали идеи эгалитаризма, вознесенные на пьедестал в период тайпинского восстания и широко пропагандируемые в освобожденных районах. Эти идеи в гипертрофированной форме воплощались в становившемся

обычным представлении об идиллическом обществе людей, спаянных между собой общим стремлением к самопожертвованию ради скорейшего воцарения на всей планете социальной справедливости. Выдвижение подобных целей было равносильно провозглашению идеала при игнорировании необходимости избрания реальных средств их достижения. Христианство стало известно своей проповедью любви к ближнему, индуизм — добродетельным отказом от собственности, идеи равенства и братства, вдохновлявшие коммунаров и борцов за независимость США, посеяли надежды на создание общества социальной справедливости, но это были далекие от реального воплощения мечты. Только марксизм, как глубоко научное мировоззрение, вскрыл причины социальной болезни человеческого общества и помог найти действенные пути ее исцеления.

На рост интереса в США к деятельности КПК влияли и опасения в империалистических кругах по поводу крепнущего единства и сотрудничества демократических сил в борьбе с реакцией и фашизмом. Правящие круги империалистических государств имели к тому времени сложившиеся представления о коммунистах как о когорте людей, интересы которых выходят далеко за узконациональные рамки. Советский Союз оказывал китайскому народу бескорыстную помощь в его борьбе с японской агрессией. Известно, что в результате усилий КПК, левых патриотических сил Китая, под влиянием международного коммунистического движения и Советского Союза был создан единый фронт китайского народа в борьбе с японскими агрессорами. В этих условиях бескорыстная помощь Советского Союза способствовала не только успеху китайского народа в борьбе с японской агрессией, но и создавала благоприятные условия для укрепления позиций левых сил в стране, росту авторитета Китайской компартии. «Если Китай хочет стать независимым, то он никак не может обойтись без помощи социалистического государства и международного пролетариата... — писал Мао Цзэ-дун в 1940 году. — Это особенно относится к помощи Советского Союза, которая является необходимым условием завоевания окончательной победы в войне против японских захватчиков. Отказаться от помощи Советского Союза — значит обречь революцию на поражение»[8]. С осени 1937 года до начала 1942 года в тылу и на фронте действовало более пяти тысяч советских людей.

Многие из них пожертвовали жизнью во имя выполнения интернационального долга — помощи китайскому народу. Только советские летчики-добровольцы, находившиеся в Китае с лета 1939 года, недосчитались в своих рядах более 200 человек, павших смертью храбрых. Даже в первый, особенно тяжелый для советского народа период Великой Отечественной войны, в Китае оставались советские специалисты, советники, летчики-добровольцы. Лишь действия гоминьдановского правительства, вставшего на путь откровенного провоцирования Японии на войну с СССР, усилившего нажим на районы, контролируемые коммунистами, почти прекратившего при этом активные боевые действия против Японии, вынудили Советское правительство к марту 1942 года отозвать всех своих советников. Антисоветская кампания, развернутая гоминьдановскими властями, привела, по существу, к прекращению торговых и иных связей между СССР и правительством Китая. Американская военная помощь, в больших количествах поступавшая с 1942 года в Китай, стала использоваться гоминьданом в основном для укрепления своих войск, блокировавших 8-ю и Новую 4-ю армии[9].

Опыт первого в мире социалистического государства, оказывавшего материальную и моральную поддержку революционной борьбе народов угнетенных стран, в том числе антиимпериалистической борьбе китайского народа, интернациональная помощь коммунистов мужественной борьбе испанского народа, бескорыстие и преданность идее в борьбе с силами фашизма, крепнущее единство мирового коммунистического и рабочего движения вызывали у мировой буржуазии опасения за свое будущее. Вряд ли в этих условиях следует считать случайным тот живой интерес буржуазной печати к весточкам из Яньани, к тем фактам, которые могли как-то поколебать сложившиеся и казавшиеся неизменными представления о коммунистическом движении как о едином и монолитном феномене, как о движении, возглавляемом передовой партией рабочего класса, ставящей в качестве основной цели построение социализма.

Постороннему наблюдателю было чрезвычайно сложно вникнуть в суть происходивших в Китае событий. В стране с преобладанием мелкобуржуазных слоев населения оказались особенно живучи предрассудки национального эгоизма, национальной ограниченности. Еще в

далеком прошлом складывались династические традиции, создававшие благоприятные условия для расцвета в будущем шовинистических настроений среди китайских националистов. Отрицательно также сказалась на судьбах коммунистического движения Китая и слабость пролетарской базы революционного движения в этой стране. С конца 20-х годов до 1942 года лидеры КПК «варились» в «крестьянском котле». Уже в 1930 году левооппортунистическое руководство КПК во главе с Ли Ли-санем из всего арсенала средств борьбы с линией Коминтерна отдавало предпочтение «антимосковскому» знамени. Свои авантюристические планы Ли Ли-сань строил на провоцировании империалистических сил против Советского Союза. Он и его сторонники считали возможным «пожертвовать Советским Союзом в интересах китайской революции».

Читатель книги Э. Сноу «Красная звезда над Китаем» получал, пожалуй, впервые возможность думать о китайских коммунистах не как о представителях вселяющей страх империалистам сильной своим интернациональным духом боевой коммунистической организации, а всего лишь как об «аграрных реформаторах». Сноу поведал о сильной националистической струе в КПК, представил националистические тенденции в деятельности китайских коммунистов в качестве проявления высоких патриотических чувств. Книга «Красная звезда над Китаем» встретила бурные и противоречивые отклики. И если идеологи буржуазии аплодировали ей, то подлинные коммунисты и их единомышленники осудили книгу как написанную в духе антикоминтерновских и троцкистских взглядов. Мао Цзэ-дун же заявил, что политика КПК, его взгляды изложены в книге «правильно» и что Э. Сноу — «автор правдивой книги о нас».

Издательства капиталистического мира воздали должное Э. Сноу. Его книга вышла огромным тиражом и выдержала много изданий; она увлекла представителей либерально мыслящей интеллигенции, толкнула их на переоценку деятельности гоминьдановского правительства. Посетившие Яньань американцы уносили с собой разнообразные впечатления после многих дней и часов, проведенных в обществе руководителей КПК. Мао представлялся им человеком особого склада. Меньше всего его заботили те черты из всего своеобразия революций, которые имели международное значение, он рассматривал

национальное своеобразие революции в качестве главного и решающего фактора, определяющего деятельность КПК. Борьба за «национальную свободу» не обязательно, и так думал не только Э. Сноу, должна привести к коренным социальным преобразованиям, к антиимпериализму в подлинном смысле этого слова. От глаз американских специалистов не ускользнули честолюбивые устремления лидера КПК, озабоченного перспективами личной власти, испытывавшего неприязнь к Коминтерну, к Советскому Союзу. «Крестьянским эгалитаризмом» назвал Э. Сноу увиденную им систему административного управления в Яньани[10]. Благодаря работам Сноу и его коллег в американской литературе рождалось представление о китайских коммунистах как об «аграрных реформаторах».

Громоздкость задач, которые стояли перед редколлегией журнала «Амерэйша», можно понять, особенно если учесть распространенную среди американских читателей индифферентность к азиатским делам. В 1942 году, четыре месяца спустя после Пирл-Харбора, в результате опроса общественного мнения выяснилось: 60% опрошенных американцев не могли найти на карте мира ни Китая, ни Индии. К концу второй мировой войны еще большее количество опрошенных не имели представления о том, где находится Чунцин, Манила, Владивосток. Большинство, даже из числа образованных людей, не могло сказать, где следует искать Сингапур. Китай казался большинству американских граждан далекой и загадочной страной. Мир в глазах американцев, в том числе и тех, кто стоял у штурвала американской политики, представлялся в то время в основном разбросанным по обе стороны Атлантики. Нельзя было не увидеть парадоксальности этого явления, рассматривая его прежде всего с точки зрения усиления влияния США в мире, связанного с традиционным стремлением американцев укрепить свои позиции на Востоке, с противоречивым процессом ломки институтов классического европейского колониализма. В это время выкристаллизовывалось новое, необычное, как казалось, для буржуазной мысли, направление журнала «Амерэйша», представляющего в позитивных тонах коммунистическое движение в Китае.

Сравнения между положением в освобожденных районах и в гоминьдановском Китае говорили не в пользу последнего. В материалах «Амерэйша» чувствовался

растущий интерес редакции к положению в Китае, к проблеме взаимоотношений между гоминьданом и КПК. В 1937—1938 годах читатель журнала знакомился с оптимистическими высказываниями относительно перспектив единого фронта в Китае, в 1939—1941 годах КПК все в большей степени представляется авторами «Амерэйша» в качестве прогрессивной организации. После 1941 года на страницах журнала появляется критика, сначала слабая, политики чанкайшистского правительства, но вскоре эта критика начинает сопровождаться призывами покончить с гоминьдановскими «репрессиями в отношении всех народных движений», с блокадой освобожденных районов.

Творческий поиск родил концепцию «двух Китаев». Перед глазами читателя «Амерэйша» возникала картина беззаконий и коррупции гоминьдановского полицейского государства. Американские публицисты, пользуясь трибуной журнала, не раз обращались к горючему материалу, который готов был вспыхнуть пламенем революции по всему Китаю. Этот горючий материал — недовольство нищетой страны и роскошью избранных. Ведущую роль в прогрессирующем движении вперед демократического Китая, как подчеркивал не один иностранный наблюдатель, играла Компартия Китая. Журнал все чаще и чаще помещал заявления лидеров КПК, остро критикующих американскую политику безоговорочной поддержки чунцинского правительства[11]. Эта позиция журнала «Амерэйша» в основном соответствовала линии главнокомандующего союзными войсками на китайско-бирманско-индийском театре военных действий американского генерала Стилуэлла, пытавшегося мобилизовать все силы в Китае (в том числе и КПК) на борьбу с Японией.

Глава II

●

ДЖ. СТИЛУЭЛЛ — ЧАН КАЙ-ШИ: КРИЗИС ДОВЕРИЯ

Американцы в Чунцине

Чунцин, где обосновалась резиденция Чан Кай-ши, выглядел в разгар войны мрачно. Превалировали темные тона. Хрупкие дома, весьма уязвимые для японских бомб, покрыты тусклыми маскировочными красками, стандартное, темносинее одеяние жителей... В 1941—1942 годах город бомбили днем и ночью, иногда налеты длились сутками. Под аккомпанемент бомбардировок японская тайная дипломатия готовилась к решающему прыжку на невидимом фронте. В Чунцин непрестанно забрасывалась японская агентура, чанкайшисты, соблазняемые сделкой на антикоммунистической основе, с почетом встречали и провожали посредников по секретному диалогу о мире между чунцинским правительством и Японией.

Подходящей идейной основой для компромисса между Чунцином и Токио могли, возможно, служить пронацистские настроения, бытовавшие в среде чанкайшистов. Дипломат Дж. Дэвис докладывал Стилуэллу в июле 1942 года о существующем идеологическом сходстве между чунцинским режимом и нацистами. В правительственных кругах, выражал свое беспокойство Дж. Дэвис, наблюдается благожелательное отношение — оно не скрывается — к нацизму, поощряемое известиями о военных успехах Гитлера. Единственными немцами в Чунцине, которых направили в концентрационный лагерь, стали... немецкие евреи, нацисты же оставались на свободе[1].

«Мирное наступление» японцев в Китае и тайные политические спекуляции Чан Кай-ши не могли не волновать американцев, глубоко заинтересованных в стабильности китайского фронта. Американская разведка тщательно следила за флиртом между Токио и Чунцином. Возможное японо-китайское сближение, докладывали американские разведчики, может привести к созданию «антизападного» союза всех азиатских народов[2]. Прези-

дент Рузвельт разделял такого рода опасения, предполагая возможность заключения сепаратного мира между Токио и Чунцином[3].

Американцы проявляли в столице гоминьдановского Китая значительную активность В январе 1943 года Китай подписал с США и Англией договор о ликвидации прав экстерриториальности. Эти соглашения — они должны были продемонстрировать великодушие США и Англии — отнюдь не сковывали американскую деятельность в Китае. США содержали в Чунцине военный атташат, отделение Управления военной информации, бюро по оказанию помощи Китаю, отделение Красного Креста, многочисленные корреспондентские пункты печати и радио. Миссионеры — им Китай всегда казался обетованной землей — не жалели ни сил, ни средств ради упрочения позиций американцев в Чунцине. Наибольшее оживление царило в штабе Стилуэлла, с которым Вашингтон связывал тогда свои надежды в Китае.

История «заговора» против Чан Кай-ши

«Пребывание генерала Стилуэлла в Китае, — заклеймил позже своего соотечественника генерал Хэрли, — связано в истории с заговором, имевшим целью свергнуть националистическое правительство Китая, установить вместо него коммунистический режим, и не может быть отделено от деятельности целой прокоммунистической организации, действовавшей в то время в правительстве США»[4].

Стилуэлл превыше всего ставил знание китайской действительности, ибо на своем опыте убедился, сколь много это значит для политика и военного. Он начинал карьеру в Китае с чина младшего офицера, до начала войны служил военным атташе (1935—1939 гг.) при Чан Кай-ши. Дж. Стилуэлл находился в Чунцине с 6 марта 1942 г. и занимал пост главнокомандующего союзными войсками на китайско-бирманско-индийском театре военных действий, начальника штаба Чан Кай-ши и заместителя командующего союзными войсками на юго-восточном театре военных действий.

12 июля 1943 г. Стилуэлл появился в рабочем кабинете Чан Кай-ши. Бывалый генерал — в его руках, по существу, оказались основные рычаги военной стратегии США в Китае — угадывал тяжкие для союзников послед-

ствия губительной политики Чунцина. Он стал объяснять чунцинскому диктатору общую военно-политическую обстановку на европейском и тихоокеанском фронтах. И, надо признать, аргументы опытного военного били в цель. По своему размаху сражения на советско-германском фронте значительно превосходят военные действия на Тихом океане. Советский народ несет основное бремя борьбы с передовым отрядом мирового фашизма, судьбы второй мировой войны решаются на полях России. Стилуэлл был прав. Только за 1943 год Советская Армия разгромила 218 вражеских дивизий, уничтожила 14,3 тыс. самолетов, 7 тыс. танков, 5 тыс. орудий, было потоплено 296 неприятельских кораблей различных классов. Известен вклад американских вооруженных сил в общее дело борьбы против фашизма: ожесточенные бои за Сайпан, при овладении Марианскими островами американцы потеряли убитыми 5 тыс. человек, сражение у Лейте, схватки на ближних подступах к Иводзима и Окинава — эти и другие события говорили о значительной роли США в антифашистской коалиции. Японцы переходят к обороне, и их планы компромиссного мира с Чунцином связаны в основном с желанием компенсировать в Китае потери, понесенные на Тихом океане. В связи с этим Стилуэлл предупреждал Чан Кай-ши: компромиссный мир таит для Китая угрозу гражданской войны.

Встреча со Стилуэллом, а затем и с американским послом Гаусом, передавшим Чан Кай-ши недовольство Рузвельта закулисной дипломатией Чунцина и пассивностью гоминьдановских армий на фронте, несомненно, повлияли на позицию чанкайшистов. Много лет спустя ревностные защитники гоминьдана превозносили «геройский подвиг» Чан Кай-ши, якобы сослужившего неоценимую службу всей антифашистской коалиции своей стойкостью в переговорах с Токио и отказом пойти на компромиссный мир с японцами. Чанкайшистские благожелатели намеренно забывают, что в условиях побед на советско-германском фронте и коренного перелома в ходе второй мировой войны Чунцин вынужден был уступить американцам. Решение о компромиссном мире было бы для Чан Кай-ши равносильно самоубийству. Он предпочел выразить преданность делу союзников и желание получить американскую помощь и вооружение.

Отказ Чан Кай-ши от сепаратной сделки с Токио отнюдь не обозначал конец трудностей для американской

политики в Китае. У дипломатов Вашингтона появились новые — и не менее тягостные — заботы.

Иные авторы, нападая вслед за Хэрли на обвиняемых по делу «Амерэйша», относят Дж. Стилуэлла к числу явных и основных благожелателей «пятой колонны» в госдепартаменте. Стилуэлл смотрел, считает, например, проф. Кьюбек, на давнишнего врага Чан Кай-ши — Мао Цзэ-дуна «дружественными глазами». Сторонники такого подхода к оценкам деятельности американского командующего выдвигают следующую версию: «антинационалистические», то есть античанкайшистские, элементы в госдепартаменте пытались использовать позицию Стилуэлла в качестве рычага для давления на госдепартамент с целью повернуть политику США от поддержки Чан-Кайши лицом к КПК; генерал просил о назначении в его штаб на роль советников лиц, убеждения которых были известны как античанкайшистские, промаоистские; люди из окружения Стилуэлла считали, будто только Мао сможет повести Китай по демократическому пути. Сильная группа «леваков», по мнению Кьюбека, использовала симпатии Стилуэлла к китайским коммунистам, его антипатии к Чан Кай-ши как средство поворота американской политики в благожелательном для КПК направлении[5]. Одним из этих «леваков» стал агент по связи при генерале молодой дипломат Джон Патон Дэвис. Стилуэлл признавал, что знание Дэвисом китайской действительности, несомненно, принесет определенную пользу его штабу и ему лично[6]. Желание Стилуэлла приблизить к себе опытных специалистов по Китаю, какими были Дж. Дэвис и Дж. Сервис, ставится в вину генералу и рассматривается не иначе, как акт неприкрытого предательства. Такая злобная критика отражала тоску доктринеров и невежд по золотым для них временам маккартизма.

Линия Стилуэлла

«Я не знаю иного человека, — отзывался Рузвельт о Стилуэлле, — который имел бы способности, силы и решимость, необходимые для предотвращения разгрома Китая»[7]. Действительно, линия Стилуэлла, направлявшего гигантские усилия на мобилизацию ресурсов Китая, приходила в противоречие с позицией чанкайшистов. Картина, с которой Стилуэлл познакомился в Китае, не могла не поразить генерала: чанкайшисты саботировали

военные действия против Японии, не прекращали налеты на 8-ю и Новую 4-ю Народные армии, тесным кольцом блокады окружили освобожденные районы. В провинциях, находившихся под властью гоминьдана, демократические элементы подверглись репрессиям, преследовались агентами особой службы Чан Кай-ши. Политика гоминьдана, коррупция в государственном аппарате Чан Кай-ши вызывали острое недовольство народа, резко ослабляли антияпонский фронт в Китае. Чан Кай-ши облюбовал свой вариант политики «дешевой войны» и двадцать лучших дивизий бросил на блокирование освобожденных районов. Численность чанкайшистских войск, направленных осуществлять контроль освобожденных районов, достигла 800 тыс. человек[8]. Одним из следствий политики, которую проводил Чан Кай-ши, явилось ослабление китайско-бирманско-индийского театра военных действий. Блестящую характеристику этому району военных действий дали журналисты Уайт и Джекоби: «Это была какая-то невообразимая смесь мероприятий по обеспечению тыла сражающихся войск, взяточничества, различных конфликтов, путаницы и трагического бессилия»[9].

Трезвый подход к событиям на китайско-бирманско-индийском театре приводил Стилуэлла к выводу о необходимости обратиться к 8-й и Новой 4-й армиям. В интересах «большой стратегии» он считал вполне реальной возможность использования сил китайских коммунистов в любом районе Китая, пытался заставить гоминьдановцев отказаться от преследования коммунистов, вооруженных наскоков на Народную армию Китая. Предложения военного представителя США гоминьдановское руководство встречало в штыки.

Стилуэлл и Чан Кай-ши расходились по многим вопросам военной стратегии. Один из них, и наиболее важный, — проблема использования военно-воздушной мощи. Ченнолт, командующий американским авиационным подразделением, находившимся на службе у гоминьдана, и сам Чан Кай-ши уповали главным образом на использование воздушных сил. «105 истребителей, 30 средних бомбардировщиков, 12 тяжелых понадобятся для того, — хвастал Ченнолт, — чтобы нейтрализовать действия японских военно-воздушных сил, возможно, за 6 месяцев... и, таким образом, поставить Японию на колени»[10]. Деятельность командования воздушного соединения США в Китае

вполне удовлетворяла представителей монополий от ведущих отраслей промышленности США: американские планы ведения войны в Китае в основном силами воздушной армии, ярым сторонником которых был Ченнолт, соответствовали и пожеланиям Чан Кай-ши: гоминьдановцы стремились сохранить свои сухопутные силы для борьбы с коммунистами, а войну с Японией вести за счет американской техники. Сторонники использования американских военных ресурсов для укрепления авиации США на китайском материке усиленно пропагандировали идею о том, что Япония может быть сокрушена лишь воздушной мощью с «той поддержкой, которую китайские местные силы смогут оказать» [11]. Дело доходило до стычек. Во время японского наступления Чан Кай-ши просил Стилуэлла предоставить бензин для своей авиации. Генерал в резких тонах отклонил просьбу, посоветовав командованию китайской армии взять бензин из своих собственных резервов [12].

Конечно, американских инициаторов планов расширения воздушной войны, а также их приверженцев из среды гоминьдановцев не удовлетворяла линия Стилуэлла: они с глубокой неприязнью взирали на его усилия по мобилизации ресурсов Китая на борьбу с Японией и тайно надеялись на перемены в американском командовании в Китае. Чан Кай-ши любыми путями хотел уклониться от требования Стилуэлла увеличить войска для борьбы с Японией. «Китайцы не выполняют своих обязательств,—сетовал перед Рузвельтом Стилуэлл, — они должны давать людей, а американцы позаботятся об их вооружении и подготовке» [13]. Президент обещал воздействовать на Чан Кай-ши. В Чунцине, однако, настойчиво упирались. Свой отказ направить в Бирму войска Чан Кай-ши цинично объяснял занятостью и «борьбой с коммунистами».

В январе 1944 года между Стилуэллом и англичанами было достигнуто соглашение об участии в бирманской кампании гоминьдановских войск, сосредоточенных в Юньани. Английский военачальник Маунтбеттен, возглавивший объединенное англо-американское командование в Юго-Восточной Азии, послал письма Рузвельту и Черчиллю с просьбой оказать влияние на Чан Кай-ши [14]. В критическое для союзников время военных действий на Тихом океане Рузвельту пришлось подписать солидное количество посланий к чунцинскому правителю с требованиями уделять больше внимания бирманскому театру

военных действий. Чаще всего Чан Кай-ши удавалось ловко уклоняться от ответа или ограничиваться молчанием. Большинство отказов из Чунцина направить в Бирму войска официально объяснялось чрезмерной «занятостью», «борьбой с коммунистами и подготовкой к отражению готовящегося наступления японцев».

Пока американские политики и стратеги уговаривали Чунцин, японские войска, форсировав реку Чиндзин, вторглись в Ассам и Манипур, начали наступление на Индию. Вашингтон не мог оставаться нейтральным: в январе 1944 года Рузвельт поставил в известность Чан Кай-ши, что, если гоминьдановцы не начнут наступления из Юньани, оказание помощи по ленд-лизу будет прекращено. Чан Кай-ши все же пришлось направить войска в Бирму. Впоследствии он жаловался, что вынужден был уступить давлению, что никогда не был согласен со Стилуэллом и что кампания в Бирме обошлась ему слишком дорого. «Мы взяли Митчину, но потеряли, — подводил итог Чан Кай-ши,—почти весь Китай» [15]. Стилуэлл «не понимал китайского народа», категорически восклицала мадам Чан Кай-ши, и допустил ошибку, послав одну из лучших гоминьдановских дивизий в Бирму [16]. Лучшие штыки чанкайшисты хотели сохранить для опоры своей власти.

Хотя основные сражения, обозначившие конец безраздельного господства японского флота в водах Тихого океана (Коралловое море, Мидуэй), происходили вдали от китайских берегов, они и последующие успехи союзников на море существенным образом влияли на изменение места и роли китайского фронта как в японской, так и в американской военной стратегии. По мере ухудшения военно-политического положения государств оси японское командование придавало все большую значимость китайскому фронту в связи с необходимостью расширения и активизации жизненно важных транспортных артерий, которые обеспечивали приток сырья из оккупированных районов Юго-Восточной Азии, доставку необходимого военного снаряжения армии и флоту. Японское командование стремилось борьбой за коммуникации в Китае в значительной степени компенсировать потери на морских путях. Разведывательная служба США приходила к выводу: японские потери по наземным коммуникациям в Китае должны составить лишь 20% потерь перевозок, осуществляемых морским путем. Открытие в Китае наземных коммуникаций по связи со странами Южных мо-

рей снижало бы, таким образом, транспортные потери Японии на 80%.

И хотя задачи стратегического значения, которые ставили перед собой противостоящие на китайском фронте стороны, изменялись в связи с общей военно-политической обстановкой на фронтах второй мировой войны (на первом этапе тихоокеанской войны японское командование в равной мере уповало на дипломатические, разведывательные, как и на чисто военные, пути наступления в Китае), проблема борьбы за коммуникации на китайской территории не только не теряла для Японии своей значимости, а, напротив, становилась еще более острой по мере приближения конца войны. В этом, скорее всего, следует искать наиболее важные причины планирования и осуществления японским командованием наступательных операций на китайском фронте. В 1944 году оно в первую очередь стремилось к захвату сквозной магистрали от Маньчжурии до границ Индокитая и Бирмы.

Польский автор Станислав Павляк справедливо отметил, что генерал Стилуэлл начал действовать в Китае, когда в руководящих сферах США и среди американских военных, занятых планированием, преобладало мнение о том, что Китай сможет внести значительный вклад в скорейшую победу над Японией. «Американцы рассчитывали, — пишет о планах США С. Павляк, — создать на территории, находящейся под контролем Чан Кай-ши, ряд новых авиабаз, обеспечить эффективную оборону уже существующих аэродромов и приложить усилия с целью создания баз такого же типа в Северных районах Китая, в тылу у японских войск. С этих баз, как предполагали в Вашингтоне, американцы должны были наносить удары по японскому флоту и по объектам на японских островах» [17].

Японское командование принимало во внимание и опасения перед возможной активизацией действий американской авиации с материковых баз и потому направляло свои удары на аэродромы в Китае. Во время беседы с полковником Барретом, главой американской миссии в Яньани (отчет Барретта от 22 сентября 1944 г.) Чжу Дэ, говоря о намерении японцев обеспечить в Китае сквозные коммуникации до Индокитая, подчеркивал, в частности, желание Японии эвакуировать этим путем свои войска из Малайи и укрепить ими свои армии в Китае. Чжу Дэ, ссылаясь на трудности борьбы с Японией при наступлении с

моря, настоятельно требовал высадки американцев на китайском берегу [18]. Подобная точка зрения руководителей КПК соответствовала в общих чертах взглядам большей части офицеров, приобщенных к военному планированию в Вашингтоне. План, поддержанный представителем президента при Объединенном комитете начальников штабов адмиралом Леги, имел главной целью вынудить Японию к капитуляции удущающей морской блокадой и опустошительными налетами американских бомбардировщиков на японские острова. Сторонники этого плана в Вашингтоне требовали первоочередного захвата Тайваня и высадки на китайском материке. Командующий американскими вооруженными силами на Тихом океане генерал Макартур, напротив, настаивал на овладении прежде всего Филиппинами и продвижении к Лусону. Японское наступление на китайском фронте, оккупация японцами важнейших авиационных баз на материке решили, в конце концов, спор «Лусон или Формоза?» в пользу Макартура [19].

Значение китайского фронта в общей стратегии США несколько уменьшилось, что не могло не сказаться на положении Стилуэлла.

Не личные антипатии Стилуэлла к Чан Кай-ши («личная вендетта Стилуэлла»), как это часто представляют иные историки, а противоречивость самой американской политики в Китае обусловила серьезные расхождения между американским генералом и чунцинским диктатором. Миссия Стилуэлла в Китае в годы войны соответствовала основному стратегическому замыслу правящих кругов США — нанести наиболее ощутимые удары по Японии, используя, и как можно полнее, резервы Китая. Генерал Стилуэлл видел перед собой три наиболее важные, как ему представлялось, конкретные задачи — 1) сохранить Китай на стороне союзников в борьбе с Японией, предотвратив назревавшую сепаратную сделку между Чунцином и Токио; 2) использовать в военных действиях на материке людские ресурсы Китая, а не США; 3) использовать китайскую территорию в качестве базы настоящих воздушных и будущих наземных операций. Мобилизация ресурсов объединенного Китая предполагала, в Вашингтоне учитывали и дальнюю перспективу, создание на китайской территории мощного антисоветского плацдарма. В канун Каирской (конец 1943 г.) конференции военное ведомство США предложило Чан Кай-ши

обсудить вопрос о подготовке и вооружении за счет ленд-лиза 90 китайских дивизий. США хотели, отмечают американские военные историки, «создать на Дальнем Востоке огромную, мощную армию, способную противостоять Советской Армии в Сибири» [20].

Историки еще вспомнят о деятельности генерала Стилуэлла в Китае, а сторонники различных подходов к проблемам китайской политики США еще не раз используют биографию генерала в качестве веского аргумента, подтверждающего их взгляды. Дж. Стилуэлл, как опытный военный и знаток китайской действительности, в значительной мере связал свою судьбу с китайской политикой своей страны и вполне объективно отражал на практике противоречивость американской внешнеполитической и военной стратегии периода войны. Свалившиеся на плечи Стилуэлла задачи требовали от генерала глубокой осведомленности о положении в стране и на фронтах, решимости в осуществлении планов по мобилизации ресурсов Китая на борьбу с врагом. Именно поэтому генерал сам просил назначить в его штаб советниками молодых, но хорошо подготовленных дипломатов, ибо считал, что знание китайской действительности — основа для принятия наиболее результативных решений. И то, что эти дипломаты были впоследствии привлечены по делу «Амерэйша», — один из выдающихся курьезов истории.

Надежда увидеть в послевоенном мире сильный, противостоящий как СССР, так и Японии Китай завладела умами многих американских политиков. Эти надежды учитывались при планировании военной стратегии. Однако Чан Кай-ши пытался направить всю американскую помощь (деньги и снаряжение) не против Японии, — пусть союзники и без его участия поставят на колени общего врага, — а против оппозиционных сил, в защиту собственной диктатуры. Здесь-то и следует искать главные причины спора между Стилуэллом и Чан Кай-ши. Этот спор принял угрожающий характер, когда встал вопрос о посылке американских наблюдателей в Яньань.

Глава III

●

ДЖ. СЕРВИС В ЯНЬАНИ

В деле «Амерэйша» фигурировали объемистые папки документов, но большая и наиболее важная часть этих документов связана с деятельностью американских официальных представителей в Яньани, с именами Дж. Сервиса, Дж. Дэвиса.

Решение о миссии «Дикси»

Впервые предложение о направлении американской миссии в Яньань сделал в июне 1943 года Дж. Дэвис в докладе на имя Стилуэлла. Автор доклада подчеркивал значение освобожденных районов для осуществления общей военной стратегической задачи США, и капитан Карлсон, единственный военный представитель США в Яньани, не мог поставлять столько сведений, чтобы удовлетворить возросшие потребности американских стратегов.

В основе идеи сотрудничества американских политиков с КПК лежали различные мотивы. Реально мыслящие люди в США не могли не видеть, что для скорейшего достижения победы над державами оси необходимо сотрудничество в рамках антифашистской коалиции и с Советским Союзом и с теми силами национально-освободительных движений, которые он, верный принципам пролетарского интернационализма, постоянно поддерживает.

Инициаторы миссии «Дикси» (под таким названием фигурировала в документах группа американских наблюдателей в Яньани) учитывали и долгосрочные политические цели. Блокада освобожденных районов и изоляция КПК могли бы, по мнению Дэвиса, вынудить китайских коммунистов «склоняться» к связям с СССР. Одна из целей миссии «Дикси» — ослабить в КПК тенденции к сближению с Советским Союзом, а также препятствовать по-

пыткам гоминьдана установить контроль освобожденных районов путем гражданской войны [1].

15 января 1944 г. Дэвис напомнил Стилуэллу о своем предложении. Копия меморандума Дэвиса по этому вопросу появилась в Белом доме, и Рузвельт, обсудив вопрос с генералом Маршаллом и адмиралом Леги, продиктовал 9 февраля послание Чан Кай-ши. В послании содержалась просьба о содействии в посещении американскими наблюдателями Шэньси. Ответ из Чунцина не заставил долго ждать. Чан Кай-ши не скрывал растущего беспокойства. Он пугал своих американских союзников возможным ростом влияния на КПК Советского Союза, предлагал подменить непосредственные контакты американцев с Яньанью контактами со своей... контрразведкой. Наконец, он снисходительно разрешал американским наблюдателям посетить некоторые районы, находящиеся только под контролем гоминьдановцев. Рузвельт не счел такого рода аргументы безупречными и посоветовал Чунцину «не предпринимать ничего, что могло бы осложнить сотрудничество среди Объединенных наций». Чан Кай-ши вынужден был отступить, но, отступая, пошел на новую уловку: позволил отправить в Яньань лишь миссию американских журналистов. На вопрос Стилуэлла: «почему только журналистов?», последовал ответ: «журналисты — гражданские лица, в то время как американские офицеры представляют правительство своей страны и их появление в Яньани будет обозначать подготовку США к непосредственному сотрудничеству с КПК».

В штабе Стилуэлла не сидели сложа руки. Весьма оперативно была отобрана группа высококвалифицированных специалистов во главе с опытным разведчиком и прекрасным знатоком Китая — Барретом. В состав миссии вошел и Дж. Сервис. В апреле 1944 года президент вновь повторил просьбу о засылке группы наблюдателей в Яньань. Тщетно. Чунцин упорствовал. Весенне-летнее 1944 года наступление японской армии на материке, паническое отступление гоминьдановцев прибавили решимости американским сторонникам установления непосредственных контактов с районами, контролируемыми КПК.

Американское командование в Чунцине получило сверхсекретное послание для Чан Кай-ши. Вручать послание должен был бригадный генерал Феррис. Сервис, опасаясь, что личный переводчик Чан Кай-ши может стать каналом утечки информации, сопровождал генерала.

По прибытии в апартаменты Чан Кай-ши представители американского командования решительно попросили хозяина удалить всех присутствующих. И только после этого доложили: «Положение в Китае безнадежное и настоятельно диктует необходимость принятия решительных мер. Президент поэтому предлагает, чтобы все армии в Китае, включая армии коммунистов, были поставлены под контроль американского командующего. Хотя президент знает об отрицательном отношении Чан Кай-ши к генералу Стилуэллу, он, однако, считает, что лучшего, чем Стилуэлл, человека по опыту и навыкам для выполнения такого рода задач найти трудно»[2].

Имя Стилуэлла Чан Кай-ши, однако, не мог слышать спокойно. Генерал все активнее настаивал на реформах в гоминьдановской армии, требовал устранения некоторых приближенных Чан Кай-ши, наконец, подготовил — этого чанкайшисты не могли простить — специальную миссию в Яньань.

Летом 1944 года с особым заданием в Чунцин выехал вице-президент США Г. Уоллес. Его сопровождали глава китайского отдела Дальневосточного управления госдепартамента Дж. Винсент и член редколлегии «Амерэйша», бывший американский советник при Чан Кай-ши Оуэн Латтимор, ставший к этому времени заместителем главы Управления военной информации по тихоокеанским делам. С 21 по 24 июня состоялась серия встреч Уоллеса с Чан Кай-ши. В беседах с Уоллесом Чан Кайши навязчиво подчеркивал одну и ту же мысль, что «китайские коммунисты — лишь марионетки Москвы», отнюдь не «реформаторы», «аграрные» демократы, и что вице-президент находится под влиянием своих советников, абсолютно «несведущих лиц». К таким «несведущим» лицам Чан Кай-ши причислял Латтимора.

Латтимор был советником в Чунцине, приступив к своей деятельности в разгар немецко-фашистской агрессии против Советского Союза. В Белом доме он поделился своими надеждами на победу Страны Советов, и президент, размышлявший о судьбах советско-американских отношений, сказал ему: поезжайте в Чунцин и пусть Чан Кай-ши узнает о вашем мнении *. Носителем столь опти-

---

* О. Латтимор рассказал об этом случае во время своей, вызвавшей большой интерес у советских востоковедов, лекции в Институте Дальнего Востока АН СССР.

мистического взгляда на исход сражений на советско-германском фронте, в наиболее тяжелый и кризисный для советского народа час мог быть в американской политической среде только человек, способный оценить высокие моральные качества и духовные силы советских людей. Такого маккартисты не могли простить ученому. Он исходил из существующих реалий, видел рост влияния в мире Советского Союза (не экспансия, а выдающийся пример переустройства общества) и предвидел, что «особенности политического мышления в США» создадут, говоря его собственными словами, опасность американского вмешательства во внутренние дела азиатских стран («Раздел Азии, строительство военных баз — не выход из трудностей»). Желание найти более приемлемые с точки зрения интересов США и с учетом интересов всей антифашистской коалиции пути участия Вашингтона в строительстве послевоенной Азии во многом определяло деятельность О. Латтимора в качестве советника как у Рузвельта, так и у Уоллеса. В октябре 1949 года на страницах журнала «Чайна мансли» гоминьдановские лоббисты обрушатся с критикой на Латтимора, назовут его «экспертом экспертов» по Китаю. В годы второй мировой войны О. Латтимор активно отвергал облюбованные Чан Кайши идейки об экспорте революции, об «угрозе» русской экспансии в послевоенном мире и т. д.

Гоминьдановские лоббисты в США обращали особое внимание на деятельность Латтимора в редколлегии «Амерэйша»; они приклеили ему ярлык «провокатора», использовавшего высокие политические посты лишь для того, чтобы «толкнуть Китай в систему мирового коммунизма».

Латтимор, посетивший в составе группы «Амерэйша» Яньань, оставался приверженцем развития контактов с КПК и усматривал в этих контактах пользу для американской политики в Китае.

Контакты американцев с Яньанью, если бы их основной целью стала мобилизация ресурсов Китая на борьбу с японским милитаризмом, должны были вписываться в общие рамки задач антифашистской коалиции. Вполне вероятно, что многие политические деятели США, озабоченные интересами антифашистской коалиции и сохранения послевоенного мира на Дальнем Востоке, видели цели миссии «Дикси» именно в этом. В решении о посылке миссии «Дикси» в Яньань нашли свое отражение противо-

речивые тенденции в политике США. Инициаторы американской политики, действуя в собственно американских интересах и интересах антифашистской коалиции, стремились использовать любые рычаги для укрепления антияпонского фронта и в то же время они, внимательно изучая внутриполитическую обстановку в Китае, готовились во всеоружии встретить назревавшие в этой стране события, оказать соответствующее долгосрочным интересам США влияние на их развитие. Чисто тактические цели миссии тесно переплетались таким образом с долгосрочными интересами США в Азии.

Отрицательная позиция Чан Кай-ши к решению Вашингтона направить миссию в Яньань вполне объяснима. В Чунцине предполагали, что руководство КПК попытается использовать непосредственные контакты с американцами для укрепления своих внутриполитических позиций. Чан Кай-ши опасался того, что его опыт использования под вывеской военных нужд американской помощи для подготовки к гражданской войне может быть взят на вооружение и в Яньани. С другой стороны, присутствие в освобожденных районах официальных американских представителей в известной степени подчеркивало признание Вашингтоном деятельности КПК как реальной политической силы в Китае, что, естественно, не устраивало Чан Кай-ши.

Во время беседы 22 июня 1944 г. Уоллес и Винсент заговорили, вопреки желанию Чан Кай-ши, о проблеме установления контактов с Яньанью. «Будьте добры, не давите, — пытался парировать Чан Кай-ши, — поймите, пожалуйста, что коммунисты не представляют собой подходящую силу для военных мероприятий против Японии!» [3]. Но на следующий день Чунцин дал свое согласие на посылку американской миссии в Яньань.

Первые донесения

6 сентября 1944 г. помощник президента Г. Гопкинс появился в кабинете у Рузвельта. «Получено первое сообщение от Джека Сервиса о положении в коммунистических районах Северного Китая», — обрадовал Гопкинс президента.

К первым сообщениям из Яньани в Вашингтоне прислушивались внимательно. Ведь прежде чем составить донесения, Дж. Сервис проделывал гигантскую предвари-

тельную работу. Он, например, подготовил целую серию вопросов, ответы на которые должна была дать миссия «Дикси». Вот эти вопросы: Насколько последовательно КПК осуществляет свои обещания по созданию единого фронта? Какова форма их местного управления? Насколько она «коммунистична»? Демонстрирует ли она какой-либо демократический характер или предпосылки к этому? Получает ли она поддержку народа? Насколько она отлична от условий управления в гоминьдановском Китае? Какими методами действует правительство в сравнении с гоминьдановцами в различных областях? Какова военная и экономическая мощь коммунистов и каков их возможный вклад в дело союзников? Как они решают такого рода проблемы, как инфляция, контроль над ценами, развитие экономических ресурсов для военных нужд и торговля с врагом? Как мобилизуются массы в партизанских районах? [4]

Чтобы ответить на такие вопросы, люди миссии «Дикси», прибывшие в Яньань, занялись сбором информации: они стали посещать семинары для армейских командиров и представителей партизанских баз. Это, однако, как оказалось, не было лучшим средством получения информации. Тогда несколько групп американских офицеров направились в отдаленные районы.

Перу Дж. Сервиса принадлежала большая — до 50 — часть докладов из Яньани. И все они, начиная с первого, с которым познакомился Рузвельт, говорили о симпатиях американских представителей к яньаньским коммунистам. Дж. Сервис первым из американского посольства в Китае привез после начала войны на Тихом океане в США свежие впечатления о поездке с группой инженеров и журналистов от чунцинского правительства в северо-западные районы страны. Он не скрывал скептицизма относительно будущего гоминьдановского режима, спасение престижа которого представлялось ему дорогостоящим и бессмысленным делом. Молодого дипломата признали одним из ведущих экспертов по Китаю. Материалы, посвященные положению в северных районах Китая, подготовленные им, вызывали большой интерес в госдепартаменте, в журналистских кругах, в Тихоокеанском институте.

К августу 1944 года Дж. Сервис имел уже богатый опыт общения с лидерами КПК, до этого ему не раз пришлось встречаться в Чунцине с представителями КПК,

теперь же он провел в Яньани месяц. Две проблемы находились в центре внимания дипломата: степень искренности Мао Цзэ-дуна, декларирующего намерение установить дружбу и сотрудничество с США, твердость его веры в исполнение этого желания и уверенность Мао в том, что КПК будет независимой организацией, либо контролирующей Китай, либо имеющей своих представителей в центральном правительстве [5]. В конце концов, Сервис уверовал в искренность намерений Мао, не скупившегося на выражения симпатии к «американским друзьям».

Каково место СССР в маоистских планах строительства будущего Китая? Это был другой вопрос. Дж. Сервис старательно доносил в Вашингтон подчеркнутое Мао Цзэ-дуном в беседах мнение о связях КПК с Советским Союзом. Не было ранее и нет сейчас никаких связей между КПК и Компартией СССР, упрямо повторял Мао Цзэ-дун. Имели место отношения КПК с Коминтерном, но это в прошлом. Нет никаких отношений у КПК с компартиями каких-либо других стран. Коммунизм такого типа, какой есть в Советском Союзе, неприемлем для Китая [6].

Дж. Сервис был среди первых американцев, попытавшихся осознать сущность движения Чжэнь фэнь (движение «За упорядочение стиля работы в партии»). «Если вы хотите понять политику нашей партии, — советовал Сервису личный секретарь Чжоу Энь-лая, — познакомьтесь с документами Чжэнь фэнь и глубоко в них вникните». В результате этого движения Сервис увидел победу маоистов над интернационалистами, сторонниками дружбы с Советским Союзом; одним из последствий этого движения, по мнению Сервиса, стало упрочение личной власти Мао в КПК [7]. В докладных Дж. Сервиса появились и оценки теоретических платформ как КПК, так и гоминьдана. Им был подготовлен перевод работы Мао Цзэ-дуна «О новой демократии». В комментариях Сервис советовал обратить внимание на эволюцию позиции КПК с момента нападения фашистской Германии на СССР и вступления США в войну на Тихом океане. Отмечалась поддержка КПК стратегии Объединенных наций, линии на создание объединенного фронта в Китае, указывалось на то значение, которое придавали руководители КПК американской помощи Китаю в борьбе с Японией, в создании китайской экономики, соответствующей эталонам капиталистического развития, на продемонстрированную

Мао Цзэ-дуном веру в многопартийное правление, избранное «демократическим» путем правительство[8]. Такой подход определялся во многом приверженностью к спекуляциям на национализме в КПК, стремлением оказать воздействие на американское общественное мнение, чтобы заручиться поддержкой в США при претворении в жизнь такого рода идеи. Не случайно поэтому Дж. Сервис не мог избежать тенденциозности при оценках позиции КПК и гоминьдана. Зачастую желаемое он выдавал за действительное. Тактические приемы маоистов, которые противопоставлялись Дж. Сервисом демагогии Чан Кай-ши, выглядели на страницах работ американского дипломата как меры, в основе которых лежит искреннее желание создать в Китае систему, схожую с американской демократией, активно сотрудничать с американским капиталом.

Дж. Сервис питал иллюзии относительно «демократизма» Мао Цзэ-дуна. Спустя много лет отставной дипломат «прозреет», но, оставаясь на позиции пропагандиста маоизма, заявит о неприемлемости институтов демократии для Китая.

«Судьбы Китая»

В 1943 году вышли книги Чан Кай-ши «Судьбы Китая», «Китайская экономическая теория». Дж. Сервис решил проанализировать идейную платформу, нашедшую отражение в опубликованных книгах. Насколько восторженным оказался отклик Дж. Сервиса, как и других его коллег, на провозглашенную руководителями КПК программу строительства «новой демократии», настолько нескрываемо враждебным было его отношение к теоретическим упражнениям Чан Кай-ши.

В своих попытках спасти заведомо обреченное дело чанкайшистская пропаганда консолидировала свои усилия на противопоставлении теоретической платформы гоминьдана выдвинутым руководителями КПК лозунгам «новой демократии». Прежде чем в Китае станет возможным ввести какую-либо из форм, называемых на Западе демократией, предупреждал Чан Кай-ши, страна длительное время будет нуждаться в сильном, централизованном правительстве. Чан Кай-ши начисто отрицал возможность осуществления демократических принципов в Китае. Он писал: «Китай является широкой полосой зыбко-

го песка, страной, где люди пользуются слишком большой свободой. Индивидуальная свобода, похожая на эту широкую полосу зыбкого песка, не может здесь существовать ни во время войны, ни в послевоенный период». Чан Кай-ши раскрыл свои планы в отношении будущего развития Китая: «...Каждый молодой человек в Китае, — провозгласил он, — должен стать либо солдатом, либо летчиком». Подобного рода «теоретические» концепции претворялись на практике гоминьданом. Курс на милитаризацию страны не стал лишь прерогативой Чан Кай-ши. Дж. Сервис подметил: наиболее важное, что восприняли из уроков истории Китая как Мао Цзэ-дун, так и Чан Кай-ши, — это верность принципу «винтовка рождает власть». Именно в этой области Мао Цзэ-дун, выступая на VI пленуме ЦК КПК, призывал коммунистов учиться у китайских милитаристов. «После революции 1911 года, — отмечал он, — все милитаристы всегда дорожили армией, как своей жизнью; они всегда чтили истину: „есть армия — есть власть"» [9].

«Одна партия, одна идеология, один лидер» — этот единственный из лозунгов, приверженность к которому становилась важнейшим критерием при оценке патриотизма и полезности в среде гоминьдановской элиты. Азиатских лидеров, познавших и воспринявших идеалы буржуазной демократии, пугала усиливавшаяся в гоминьдановском режиме тенденция к тоталитарным формам правления. Посол Индии Менон вспоминал о встрече в годы войны с гоминьдановским министром образования Чен Ли-фу. Последний, как казалось окружающим, был фанатичен до предела, когда дело касалось его партии и возвеличения Чан Кай-ши. Чен Ли-фу видел свою основную задачу в устранении всех веяний в китайском обществе, которые могли бы помешать чанкайшистской диктатуре. Менон спустя два месяца после своего приезда в Китай узнал, например, об очередном указе чанкайшистского правительства — любой ученый, который хотел бы выехать за границу, должен был, согласно этому указу, пройти курс «политической учебы». Гоминьдановские правители не ограничились организацией системы «политического воспитания», а решили, в конце концов, запретить образованным китайцам выезжать за пределы страны, мотивировав свое решение необходимостью «беречь людские и материальные ресурсы для финальной стадии войны». Гоминьдановские правители опасались внешнего

влияния, а его активным проводником могла стать, конечно, интеллигенция. Чанкайшистские генералы с неприкрытой ненавистью взирали на цвет китайского общества — китайскую интеллигенцию. Лучшего средства, чем военная муштра, в деле воспитания молодежи из среды интеллигенции чунцинское правительство не могло найти. В стране развернулась кампания по созданию «особой армии», включающей в себя студентов и молодую интеллигенцию. Военные мундиры должны были, по мнению чунцинского правителя, образумить чрезмерно резвых интеллектуалов, которые, как говорил сам Чан Кай-ши, «прятались в тылу», «не хотели сражаться за свой народ», были «безучастными к судьбам нации», «сидели сложа руки и ждали, чтобы народ сражался за них». Прием испытанный, и он понадобился, чтобы обуздать китайскую интеллигенцию, оклеветать ее, найти отдушину для недовольства масс путем натравливания их на передовую, образованную часть китайского общества. Культ грубой силы возносился на пьедестал правительственной политики. Результаты гонений дорого обошлись китайскому народу, его интеллигенции. Индийский дипломат Менон познакомился с положением образованной части китайского общества. Оно оказалось ужасным. По словам дипломата, знакомый ему профессор, закончивший Кэмбридж, вынужден был таскать дрова, питьевую воду, другой ученый, с которым он встретился, имел имущество, состоявшее из одной пары драных брюк, третий — китайский исследователь из Оксфорда, пристроился со своей библиотекой в боксе старинного китайского театра, где переводил классиков [10]. Крутые меры применялись в отношении тех, кто проявлял какое-либо недовольство существовавшими порядками, кто требовал прав — пусть даже минимальных — для народа. Недовольных причисляли к коммунистам, без суда и следствия сажали в тюрьмы, подвергали чудовищным пыткам и издевательствам в гоминьдановских застенках. Разумному читателю «Судеб Китая» Чан Кай-ши демократический Китай будущего виделся не иначе, как в виде колосса на глиняных ногах.

«Экономическая теория»

Тезис о прочной, централизованной власти в Китае, о необходимости установления авторитарного правительства в этой стране — один из основных в книге Чан Кай-ши

«Китайская экономическая теория». В своих документах Дж. Сервис ополчился против попыток Чан Кай-ши теоретически обосновать свои претензии на установление посредством государственных рычагов тотального контроля над обществом. «В книге нет ничего, — писал Дж. Сервис, — что поддерживало бы квазидемократические цели программы гоминьдана, описанный здесь режим похож на самодержавную помещичью бюрократию, которая правила феодальным и императорским Китаем».

В документах Дж. Сервиса давались абсолютно противоположные оценки теории и практики основных противостоящих друг другу в Китае лагерей. Позиция КПК, как ее трактовал молодой дипломат, предполагала индустриализацию Китая на пути капиталистического развития при опоре на иностранную помощь. Гоминьдан же выступал, отмечал Сервис, за «экономический национализм и централизованный правительственный контроль, основанный на традиционной феодальной системе, при которой деревня составляла бы ведущую экономическую и военную единицу»[11]. Самые «обескураживающие» места в книге «Китайская экономическая теория» Сервис увидел в разделах о земельной реформе. Чан Кай-ши ссылался, в частности, на опыт самодержавных правителей Китая, в целях укрепления национальной обороны установивших воинскую повинность для крестьян (система «боацзя»). При этой системе население регистрировалось и формировалось в специальные ячейки для набора солдат и рабочей силы [10 хозяйств составляли одно цзя, а 10 цзя — одно бао, 10 бао, или 1000 хозяйств — сян (село) либо чжэнь (город)]. Традиции, какую бы форму они ни принимали, во многих случаях окажутся сильнее тех утопических построений, с которыми американские либералы связывали будущее китайской деревни. Эти традиции, и прежде всего коллективную ответственность, обстановку взаимной поруки, рекрутирование в ополчение (систему: крестьянин — солдат), станут откровенно поддерживать и поощрять некоторые руководители КПК в качестве одного из неотъемлемых элементов жизненного уклада китайского крестьянства и после революции 1949 года.

Лидеры КПК стремились, как указывалось в документах Дж. Сервиса, предоставить американскому капиталу значительную долю участия в экономике страны, привлечь американские инвестиции. Политика же гоминь-

дана — тенденции к высокому протекционизму, особое внимание к проблемам вооружения и стратегическим путям сообщения, создание нескольких крупных современных отраслей промышленности, находящихся под контролем бюрократического капитала, широкая децентрализация мелких промышленных предприятий и т. д. — не могла привести к модернизации экономической структуры страны и стать базой для расширения торговли между Китаем и США. Дж. Сервис, анализируя беседы с лидерами КПК, уповал на возможность подрыва господства бюрократического капитала, на более благоприятные перспективы развития частного предпринимательства в Китае (ведь в 40-х годах в руки гоминьдановского государства перешли $^2/_3$ промышленных капиталовложений, предприятия транспорта и связи, контроль над внешней и крупной оптовой торговлей в стране). Американский либерал, находясь под впечатлением контрастов в положении районов, контролируемых гоминьданом и КПК, не мог, а, возможно, тогда и не хотел, предположить, что для отдельных и влиятельных лидеров КПК декларации о строительстве нового демократического Китая были продиктованы зачастую чисто тактическими соображениями. Дж. Сервис, правда, надеялся, как он сам признавал впоследствии, уяснить, лежат ли в основе желания Мао Цзэ-дуна вступить в тесные отношения с США лишь краткосрочные тактические соображения, имеющие в виду сотрудничество с американцами в борьбе с гоминьданом, или США могли ожидать, с чем собственно во многом и была связана миссия «Дикси», осуществления такого рода планов руководством КПК при установлении компартией контроля в Китае.

Возможно, что некоторые лидеры КПК питали надежды — и вполне искренние — на развитие Китая по капиталистическому пути, на содействие США в этом развитии, однако их декларации могли лишь подогревать надежды американских политиков, но отнюдь не отражать реальное положение дел в стране. Важнейший в то время фактор мировой политики — влияние идей социалистического переустройства общества в период решающих побед первого в мире социалистического государства — приобретал все большее значение для судеб Китая. Сторонники Мао Цзэ-дуна выступали в сложном противоречивом процессе развития китайской революции в роли поборников «трех принципов» Сунь Ят-сена. Извест-

ный к концу 90-х годов XIX в. как активный участник просветительного движения в Китае, Сунь Ят-сен сформулировал свое учение о «трех принципах» — «национализм», «народовластие», «народное благоденствие», — положив их впоследствии в основу своей политической деятельности. Принцип «народное благоденствие» иногда трактовался как социализм. Это представление о социализме, являясь утопическим, не выходило за рамки программы национального капитализма. Маоисты прибегали ко многим средствам, в том числе и к пользовавшимся популярностью в Китае идеям учения о «трех принципах». Это делалось в основном ради укрепления личной диктатуры в партии (т. е. вопреки установкам Сунь Ят-сена, ненавидевшего неоправданное насилие), создания в Китае новой формы централизованного бюрократического контроля над страной.

Дж. Сервис вряд ли мог предположить, что торжество волюнтаризма, представления о примате этических начал в экономической политике будут иметь место в Китае и после победы Мао Цзэ-дуна и его сторонников. 26 ноября 1945 г. Чан Кай-ши провозгласил: «Я намереваюсь лично взять на себя общее руководство экономической реконструкцией Китая». Пройдут годы и Мао провозгласит «большой скачок», чем подтвердит в определенном смысле универсальность для практики китайских националистов многих положений, выдвинутых в свое время в «Китайской экономической теории» Чан Кай-ши. Систему, при которой деревня составляла бы основную экономическую и военную единицу, при которой создается несколько современных отраслей промышленности, работающей в основном на вооружение, на милитаристское противостояние, систему бюрократической централизации Дж. Сервис нашел в чанкайшистском Китае. Эту же систему — с некоторой модификацией — он увидит в Китае, переживающем трагические дни «культурной революции». Идейно-теоретические основы политики чанкайшистов в корне противоречили идеям подлинного демократизма.

Оценивая книгу «Китайская экономическая теория», Дж. Сервис не стеснялся в выражениях. Он говорил об ограниченности автора, об откровенно фашистской направленности книги, подмечал ее резко шовинистический настрой («выражение сплава фашизма, шовинизма, феодализма и патернализма»).

Не прошел мимо внимания дипломата и выдвинутый в «Судьбах Китая» абсурдный тезис о том, будто «китайцы, маньчжуры, монголы и тибетцы являются представителями одной и той же расы, ибо происходят от легендарного императора Хуанди»[12]. Чанкайшистское правительство издало специальный циркуляр, строго предписывающий историкам изыскивать общие черты национальностей Китая и переделывать в связи с этим учебные пособия. Гоминьдановцы, например, были категорически против независимого представительства Тибета на международных форумах, ибо не считали тибетцев национальностью, а на Тибет смотрели как на неотъемлемую часть китайской территории.

Важным средством во внешнеполитическом арсенале гоминьдановской реакции, выступавшей против Советского Союза, национально-освободительного движения, стал расизм. В период гражданской войны в Китае гоминьдановцы искали в расизме пути борьбы с влиянием идей социализма и коммунизма, зондировали возможность сотрудничества с японской реакцией против социализма и национально-освободительного движения, ставя в основу такого рода сотрудничества идеи расовой общности, «братства по крови». Книга «Судьбы Китая», в которой, кстати сказать, Чан Кай-ши гневно обрушился на идеи коммунизма, была проникнута духом расизма и национализма, в ней воздавалась хвала маньчжурско-цинской династии, ее завоеваниям.

«Судьбы Китая» с похвалой встретили в Японии. «...С точки зрения японцев, — отмечало агентство Домей Цусин 13 сентября 1943 г., — она (книга Чан Кайши. — *В. В.*) лишь повторяет уже досконально изложенные в Японской империи теории «Великой Восточной Азии», совпадает с концепцией пан-Азии и копирует теорию мира и государственного строительства Ван Цзинвэя». Чан Кай-ши «по своей натуре все-таки восточный азиат», выражалась радость на страницах воинствующей японской прессы, а книга пропитана «восточноазиатским духом», ибо автор подчеркивает превосходство «исконной морали Востока, настаивая на распространении этой морали...» Привлекательным, с точки зрения ортодоксального антикоммунизма, явился выпад Чан Кай-ши против «коммунистической и либеральной идеологии».

Линия китайских националистов в послевоенном Китае — в какие бы цвета они ни перекрашивались — на противопоставление Востока Западу не по социально-классовому, а по географическому и расовому признакам напоминает, скорее всего, расистские концепции Чан Кай-ши. Маоистские лозунги «Ветер Востока довлеет над ветром Запада», «Азия принадлежит азиатам» и т. д. и т. п. сторонники строительства новой Азии на основе паназиатских идей и расовой общности приветствуют с той же горячностью, с какой приветствовали они «Судьбы Китая» Чан Кай-ши. Большее удовлетворение политические спекулянты стали получать, как и во времена Чан Кай-ши, от антисоветской направленности расизма и национализма пекинских руководителей.

Китайская экономическая теория характеризовала пришедших из легенд императоров как носителей прогресса — творцов искусств, ремесел и политики. Мифические фигуры благодаря Чан Кай-ши приобретали в глазах читателя земную значимость. Читателям книги «Судьбы Китая» не могли не броситься в глаза великодержавные амбиции чунцинского диктатора. «Естественными границами Китая, — писал он в своей книге, — являются Памирское плато, Тянь-Шань и Алтайские горы на северо-западе, Маньчжурия на северо-востоке, Куэньлунский хребет на Западе и Гималаи и Средне-Южный полуостров (Индокитай, Бирма, Малайя. — *В. В.*) на юге... Формоза, Пескадорские острова, четыре северо-восточные провинции, Внутренняя и Внешняя Монголия — все эти территории, вместе и каждая из них в отдельности, являются крепостями, необходимыми для обороны и безопасности нации».

Дж. Сервис по заслугам оценил такого рода продукцию, но не избежал тенденциозности. Он не мог, видимо, поступить иначе. В категорическом подходе Дж. Сервиса к идеологическим установкам гоминьдана, несомненно, просматривается субъективный подход политика, заинтересованного в более выгодном свете — на фоне неуклюжих теоретических изысканий Чан Кай-ши — показать деятельность лидеров КПК. Этим, возможно, следует объяснить нежелание увидеть бросающиеся в глаза совпадения взглядов Чан Кай-ши и Мао Цзэ-дуна, в основе которых лежала общность великодержавных устремлений. Ведь великоханьские претензии на расширение ки-

тайских границ были задолго до появления «Судеб Китая» Чан Кай-ши высказаны Мао Цзэ-дуном. Еще в 30-х годах Мао-Цзэ-Дун писал (в работе «Китайская революция и КПК») о том, что империалисты отторгли зависимые от Китая государства и часть его территории. Упоминались, в частности, Корея, Тайвань, Пескадорские острова, Окинава, острова Рюкю, Порт-Артур, Бирма, Бутан, Непал, Гонконг, Северный Вьетнам, Макао. Ведь именно тогда Мао заявил Э. Сноу — Внешняя Монголия должна быть возвращена Китаю[13]. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы увидеть общность великодержавных, националистических интересов Чан Кай-ши и Мао Цзэ-дуна. Чан Кай-ши, несомненно, был одним из китайских лидеров, мыслящих категориями восстановления границ Китайской империи. Мао склонялся к тому же. Многие лидеры КПК, как и гоминьдановцы в период расцвета своего влияния, поднимали голос в защиту права национальных меньшинств Китая на самоопределение, но, по мере того как крепла националистическая струя в КПК, маоисты все в большей степени проявляли великоханьский шовинизм, отстаивая право Китая господствовать над всеми народами, которые были насильно включены в прошлом в состав империи. Великодержавные амбиции маоистского руководства, ярко проявлявшиеся, в частности, в пропаганде территориальных притязаний, убеждали достаточно сведущих американцев в правильности тезиса о том, что «национализм — ахиллесова пята китайских коммунистов».

Американские специалисты по Китаю, группировавшиеся вокруг Стилуэлла, были в большинстве своем единодушны, когда давали оценку теории и практике гоминьдановского режима. Прошлое Чан Кай-ши пугало американских либералов. Человек, еще сравнительно недавно хорошо известный своими связями с преступным миром, добился своего положения, они были убеждены в этом, благодаря приобретенным навыкам спекулятивной игры между отдельными лицами и группами, благодаря содействию со стороны гангстерской тайной полиции. Если и были в Китае два способа ведения политической борьбы — с помощью закона и путем насилия, то в своей деятельности Чан Кай-ши сочетал их оба. Действуя от имени закона, чунцинский диктатор исходил из положения — государство служит интересам

того, кто им управляет. Кажущаяся парадоксальность, за которой просматривается определенная историческая закономерность, состоит в том, что Мао Цзэ-дуну будет дана его противниками характеристика в тех же выражениях, которые использовались при оценках Чан Кайши. «Сегодня он (Мао Цзэ-дун.— *В. В.*),— говорится в опубликованных в США документах участников сентябрьских событий 1971 года, связанных с падением Линь Бяо,— может пытаться привлечь на свою сторону одну группировку, чтобы расправиться с другой, а завтра он может натравить вторую группировку на первую. Сегодня он может произносить сладкие речи, а завтра — отправить вас на смерть по сфабрикованным обвинениям».

Американские либералы, не сумевшие, а многие и неспособные, понять всю иллюзорность представлений о демократизме Мао Цзэ-дуна, горько просчитались. Спустя много лет Дж. Дэвис выступит со смелым, хотя и односторонним, признанием своего бессилия — бессилия политика, не способного вникнуть в сущность происходивших в Китае событий. «Моя ошибка в 1944 году,— скажет он,— состояла в том, что я утверждал, будто китайские коммунисты являются демократами. Я путал популярность коммунизма с демократией. В войне с Японией режим КПК был популярен. Он имел демократический фасад»[14]. От Дж. Дэвиса нельзя, конечно, ожидать более глубокого объяснения. Он был и оставался на антикоммунистических позициях. Ему, как многим идеологическим защитникам своего общества, казалось весьма соблазнительным воспользоваться ревизией своих прошлых оценок революционного движения в Китае для дискредитации идеи и практики научного коммунизма. Ведь жертвами маоистского деспотизма становились прежде всего подлинные марксисты, интернационалисты, верившие в высокие принципы демократии и боровшиеся за них. Не коммунисты в подлинном смысле этого слова маскировались под псевдодемократической фразеологией, а националисты, готовые использовать любые средства для упрочения своей власти в партии и стране. Трудно было ожидать в то время от Дж. Сервиса, как и от Дэвиса, признания подобного рода фактов.

Глава IV

●

МИССИЯ ХЭРЛИ

Развязка

После своего пребывания в Китае Уоллес составил итоговый доклад. Этот труд увидел свет лишь в сумато-хе «охоты за ведьмами» в 1950 году и то, видимо, потому, что авторство доклада приписывалось О. Латтимору. Доклад содержал рекомендацию направить личного представителя президента в Китай для посредничества между Чунцином и Яньанью. Этим представителем стал генерал Патрик Хэрли. Напутствуя своего эмиссара, Ф. Рузвельт пожелал установить гармонию в отношениях между Стилуэллом и Чан Кай-ши и просил сообщать лично ему о результатах деятельности миссии.

В то время как представитель президента входил в курс своих обязанностей, перебранка между Стилуэллом и Чан Кай-ши приближалась к развязке. Ф. Рузвельт делал, казалось, все, чтобы сохранить Стилуэлла в Китае, не видя лучшей кандидатуры на пост главнокомандующего китайскими армиями. «Я надеюсь,— пытался президент убедить Чан Кай-ши,— что вы примете надлежащие меры для назначения генерала Стилуэлла... Я так настаиваю на назначении Стилуэлла потому, что промедление грозит катастрофой, трагической по своим последствиям как для Китая, так и для совместных усилий в деле достижения победы над Японией»[1]. Рузвельт неоднократно напоминал Чан Кай-ши об угрожающем положении в Китае, и среди рекомендаций, которые, как представлялось их авторам, должны предотвратить разгром, фигурировала главная — назначить Стилуэлла командующим китайскими армиями. Сам Стилуэлл, опираясь на поддержку Вашингтона, лихорадочно искал выхода. «Если ГСМО (генералиссимус — так называли Чан Кай-ши американцы.— *В. В.*) не подпишет требование о назначении меня командующим,— строго предупреждал он 16 сентября гоминьдановского министра иностранных дел,— я должен буду предложить Соеди-

ненным Штатам уйти из Китая». Обозленный Чан Кайши потребовал от Вашингтона удаления Стилуэлла со всех постов. Хэрли поддерживал такую постановку вопроса. «Ничего не стоит между вами и Чан Кай-ши,— докладывал генерал Рузвельту,— за исключением Стилуэлла...», и предлагал убрать генерала, дабы не «потерять Чан Кай-ши и Китай» [2]. Сторонникам Стилуэлла из среды американских дипломатов Хэрли представил это решение в качестве условия, при котором Чан Кай-ши должен был пойти на соглашение с КПК [3]. Наступила развязка. Боевой генерал прощался с Китаем. Он не скрывал того, что убежден в слабости Чунцина, и напоминал политикам в Вашингтоне об основном препятствии на пути объединения Китая и в деле координации военных усилий в войне с Японией — о Чан Кай-ши [4].

Реализм в американской внешней политике уступал место новым тенденциям, которые отражали активизацию империалистических сил, пытавшихся противодействовать влиянию СССР, росту национально-освободительного движения. Укрепление союза США с Чан Кайши соответствовало этим новым тенденциям. Стилуэлл был принесен в жертву. Президент Рузвельт не мог найти более приемлемого оправдания нежелательной для него развязки, чем изобразить отставку Стилуэлла лишь как результат личного конфликта Чан Кай-ши с американским генералом [5].

Генералы Ведемейер и Хэрли

Успехи Чан Кай-ши в противодействии линии Стилуэлла не принесли Чунцину политических дивидендов. Китайско-бирманско-индийский театр военных действий раскололся. На пост командующего новым китайским фронтом назначили генерала Ведемейера.

Генерал Ведемейер служил на Филиппинах, провел несколько лет в Китае, а в 30-х годах закончил военную академию в Германии. Он считал, что для США лучше было бы не вступать в войну или, по крайней мере, ожидать благоприятного момента, когда противники — СССР и Германия — будут истощены. Теперь Ведемейер объединил свои усилия с Хэрли, пытаясь воздействовать на КПК. В штабе Ведемейера срочно разрабатывались три варианта плана установления контроля над КПК. Первый — имелось в виду предоставить снаряжение для

вооруженных сил КПК — был сразу отвергнут Чан Кайши. Второй оказался более замысловатым. Он предусматривал организацию трех полков Красной армии в Яньани. Предполагалось для видимости их вооружить и снабдить необходимым, а затем перебросить на территорию, контролируемую гоминьданом. Там оставалось лишь окружить эти силы гоминьдановской армией. В пути следования полки должны были бы находиться под опекой американских офицеров. Чан Кай-ши отверг и этот план. Объявленные мотивы отказа выглядели убедительными: народ в районах действия коммунистов не поддержит гоминьдан. Третий вариант — он уже практически осуществлялся — учитывал необходимость отправки американских наблюдателей в освобожденные Красной армией Китая районы[6].

Период пребывания Хэрли в Китае сторонники гоминьдана рассматривают как наиболее важный момент в американо-китайских отношениях[7]. Вашингтонская администрация уповала на опыт бывалого генерала. Он с успехом закончил свою посредническую миссию в Мексике, где выступал в качестве арбитра между правительством и американскими нефтяными компаниями. В Китае, однако, ему пришлось столкнуться с иными проблемами. В отличие от американских дипломатов, считавших Китай своей второй родиной, Хэрли, конечно, по уровню знания китайской действительности выглядел школьником. Дж. Сервис имел, видимо, основания говорить об отсутствии у генерала опыта, соответствующего порученному ему столь деликатному делу, а также знания Китая, хотя Хэрли и не первый раз посетил эту страну. С начала войны он выступал в роли советника и специального представителя президента и в конце 1943 года инспектировал китайский театр военных действий, не раз встречался с Чан Кай-ши.

20 ноября 1943 г. генерал доносил президенту о неоднократных напоминаниях со стороны руководителей гоминьдана по поводу якобы существующего у Советского Союза «стремления коммунизировать Китай». Уже тогда Хэрли пытался отстаивать свою определенную точку зрения относительно деятельности КПК, и эта точка зрения в принципе разделялась американскими дипломатами в Китае. «Имеются коммунистические партии в других странах,— делал открытие генерал,— но, по моему мнению, эти партии не направляются и не суб-

сидируются из России»[8]. Хэрли представлял проблему китайского коммунистического движения в основном так, как она виделась американским дипломатам — Дж. Дэвису и Дж. Сервису («китайские коммунисты не соответствуют критериям оценок деятельности коммунистов, они борются за демократические принципы»).

Но если мнения по поводу оценок КПК сходились, то разногласия при оценках гоминьдана оставались. Хэрли, например, считал, что гоминьдан, как и КПК, борется за «демократические принципы». Дж. Сервис упрекает генерала: ему следовало, если он уже взялся за серьезное дело, разбираться в китайской истории, хотя бы за прошедшие пятьдесят лет; прежде всего уяснить «три принципа» Сунь Ят-сена, систему политического воспитания в Китае, знать средства, к которым прибегал глава гоминьдана в борьбе за власть, спекулируя на противоречиях между политическими, военными группами, фракциями, отдельными личностями[9].

Перед Хэрли была поставлена задача «поддержать» Китай. Но «поддержка» Китая, считает Дж. Сервис, не идентична «поддержке генералиссимуса» — различие, которое, казалось, генерал Хэрли так и не смог уяснить. По мнению Дж. Сервиса, основная ошибка Хэрли состояла в том, что он рассматривал Чан Кай-ши в качестве единственного лидера Китая. Дж. Сервис исключает решение в то время китайской проблемы только в американских интересах, но считает, что осуществление более «разумной» политики могло бы соответствовать далеко идущим намерениям США[10].

Уже тогда, в период пребывания Хэрли в Китае, будущие обвиняемые по делу «Амерэйша» оказались в центре дебатов относительно того, какими путями укрепить позиции США в Китае. Обе стороны — представитель президента, ставший затем послом США в Китае, Хэрли, с одной стороны, и американские дипломаты Дж. Дэвис и Дж. Сервис, с другой стороны — испытали на себе тяжелый груз обоюдного недоверия и несогласия. Расхождения не могли касаться целей китайской политики; они касались прежде всего методов и путей объединения враждующих сторон — гоминьдановцев и КПК. Так, проект Хэрли предусматривал оказание Чан Кайши как можно большей помощи и поощрение Чунцина (без давления!) на достижение соглашения с коммунистами. Этот проект основывался на предположении, что

при мощной поддержке США (и «молчаливом» одобрении Советского Союза) националистическое правительство Чан Кай-ши сумеет все же поставить вооруженные силы коммунистов под «объединенное командование», руководящую роль в котором, конечно, будут играть гоминьдановские и американские офицеры. Предполагалось также включение коммунистов в правительство Чан Кай-ши на условиях, благоприятных для гоминьдана. В результате такой комбинации появилась бы ширма, названная в духе времени «коалиционным правительством», единственным назначением которого было бы маскировать полный контроль в стране гоминьдановцев. Американские дипломаты, напротив, считали, что безоговорочная поддержка Чан Кай-ши сделает его еще более непримиримым и помешает соглашению с коммунистами. Они полагали, что «объединения» можно достичь только путем давления на Чан Кай-ши, сломить его упорство и вынудить согласиться с приемлемыми условиями коммунистов.

23 октября 1944 г. Дж. Сервис по пути из Японии в Вашингтон долго беседовал с послом США Гаусом. Посол выражал глубокую озабоченность в связи с перспективами развития Китая, американской вовлеченностью во внутренние дела этой страны. Гаус, как писал впоследствии Сервис, имел полномочия от американского правительства следовать в принципе линии на создание единого Китая, и эти полномочия будто бы освобождали американского посла от такого занятия, как содействие какой-либо из соперничающих сторон. Однако Чан Кай-ши ожидал от Гауса конкретных шагов, и прежде всего воздействия на Лин Цзу-ханя (представителя КПК на переговорах в Чунцине), с целью обеспечения условий безоговорочного принятия руководством КПК принципа единого военного командования во главе с Чан Кай-ши и политического контроля гоминьдановского правительства. Но Гаус не шел на это. Хэрли игнорировал позицию посла, в чем, считает Сервис, заключалась одна из главных его ошибок во время пребывания в Китае.

Переговоры Хэрли с Чжоу Энь-лаем

В Яньани связывали с миссией Хэрли большие надежды. Руководители КПК намекнули в беседах с Барретом, что визит генерала в Яньань будет иметь значе-

ние для оказания давления на Чан Кай-ши и поможет сделать его более сговорчивым. В целом же они не скрывали своего пессимизма относительно возможности достижения компромисса с гоминьданом. Популярностью там пользовались слова Мао Цзэ-дуна: «Чан Кай-ши должен быть казнен как бандит», хотя очевидно, что столь суровые пожелания носили в значительной мере профилактический характер. Реально же решить проблему предполагалось путем установления контроля американского командующего над всеми вооруженными силами в Китае. Американский командующий не будет введен в заблуждение, выражали надежду в Яньани, политическими маневрами гоминьдана и будет достаточно благоразумен, чтобы использовать силы КПК в районах, где они будут наиболее полезными, и в тех операциях, к которым они наиболее подготовлены. Но даже в этих условиях отнюдь не предусматривалось слияние сил КПК и гоминьдана («И те и другие должны иметь свои задачи и свои районы операций»). Подчеркивалась при этом необходимость высадки американских войск на материковом Китае, ставились под сомнение аргументы Баррета в пользу разгрома Японии с моря и утверждалось, что американцы, избирая такой путь, встретятся с большими трудностями (каждый житель на островах будет драться на смерть, и силы японского военно-морского и военно-воздушного флота находятся на этот случай в резерве, и, если будет необходимо, японцы двинутся в Маньчжурию и будут продолжать борьбу на материке).

Позиция лидеров КПК, и в частности упорство, с каким отстаивалась необходимость высадки вооруженных сил США на материке, не учитывала возможность единых действий сил антифашистской коалиции против агрессора в Китае. В качестве единственного реального союзника лидеры КПК рассматривали США. Когда речь заходила о последней стадии войны, всплывали опасения: не сможет ли гоминьдан использовать движение на север против японцев как средство уничтожения вооруженных сил КПК?

Лидеры КПК не скрывали своей заинтересованности в военном сотрудничестве с США. Мао Цзэ-дун рассчитывал, отмечает Б. Тачмен, на помощь США в связи с предполагаемой высадкой на материке и подчеркивал, что «стабильное правительство коммунистов может с

большой пользой сотрудничать с американцами под союзным командованием, нежели под командованием обанкротившегося гоминьдановского правительства» [11].

Хэрли, направляясь в район Шэньси — Ганьсу — Нинся для переговоров с лидером КПК, имел, скорее всего, в своем распоряжении информацию о заинтересованности Яньани в военном сотрудничестве с США; он готов был открыть дорогу для американской авиации и военно-морского флота в Северный Китай. Созданные в этом районе военные базы могли стать опорными пунктами и важными артериями переброски гоминьдановских войск. Актуальность для Вашингтона такого рода планов становилась очевидной особенно перед лицом укрепления позиций КПК. Во время переговоров Хэрли с лидерами КПК Дэвис сообщал 7 ноября 1944 г. из Яньани: «Если ГСМО окунется с головой в гражданскую войну и не достигнет взаимопонимания с КПК, он будет обречен на поражение... Судьба Китая не в руках Чан Кайши, а в их (КПК.— *В. В.*) руках» [12].

10 ноября 1944 г. Хэрли и Чжоу Энь-лай подписали коммюнике, подтвердившее необходимость создания в Китае коалиционного правительства и объединенного командования. В коммюнике говорилось:

1. Китайское правительство, гоминьдан и Коммунистическая партия Китая должны сотрудничать для достижения общей цели — поражения Японии, поэтому следует объединить все имеющиеся в стране вооруженные силы и приложить общие усилия для перестройки Китая.

2. Национальное правительство должно быть реорганизовано и превращено в правительство коалиционное, с тем чтобы в его состав вошли представители от всех антияпонских (принимающих участие в борьбе против Японии) партий и групп и не принадлежащих к тем или иным партиям и группам политических ассоциаций. Коалиционное правительство должно выработать и провозгласить демократическую политику, то есть выработать проект реформ в военной, политической, экономической и культурной областях и утвердить этот проект. Военный совет также должен быть одновременно реорганизован в объединенный военный совет и в его состав должны войти представители от всех имеющихся в стране антияпонских армий.

3. Коалиционное правительство должно соблюдать принципы, провозглашенные Сунь Ят-сеном, и создать

правительство, которое будет правительством «народного режима, народной собственности и народных прав». Политика, которую будет проводить коалиционное правительство, по своим целям должна содействовать развитию прогресса и демократии, отстаиванию справедливости и защите свободы вероисповедания, печати, слова, собраний и союзов, а также предоставить народу право обращаться к правительству с петициями и право неприкосновенности жилища. Коалиционное правительство должно также установить политику, которая приведет к устранению «свободы террора и свободы нищеты», и добиться, чтобы эта политика проводилась в жизнь.

4. Все антияпонские вооруженные силы должны соблюдать и проводить в жизнь приказы коалиционного правительства и объединенного военного совета и, в свою очередь, должны быть признаны правительством и объединенным военным советом. Все военное снаряжение, полученное от союзных держав, должно справедливо распределяться между указанными выше вооруженными силами.

5. Китайское коалиционное правительство признает в качестве легально существующих партий гоминьдан, Коммунистическую партию Китая и все антияпонские партии [13].

Гордый своим успехом, Хэрли вместе с Чжоу Эньлаем прибыл в Чунцин. Но здесь его пыл охладили. «Коммунисты купили вас,— бросили ему в лицо руководители гоминьдана,— мы никогда не подарим им того, что они просят». Хэрли исправился. Соглашение от 10 ноября он публично представил как предварительное, а главным условием его осуществления поставил подчинение освобожденных районов Китая, их вооруженных сил правительству и командованию в Чунцине.

Гоминьдан выдвинул собственные предложения по урегулированию спора с КПК. Об этих предложениях в сугубо секретном докладе Хэрли доложил президенту. Предложения включали в качестве одного из наиболее важных пунктов создание «комитета 3-х» с включением в него представителей гоминьдана, КПК и американского военного командования «с целью выработки деталей перестройки армии коммунистов в национальную». Предполагалось при этом предоставить американскому офицеру права командования над всеми отрядами Красной армии Китая [14].

Вину за провал переговоров с КПК Хэрли пытался свалить на профессиональных дипломатов и потребовал выдворить Дж. Дэвиса из Китая.

Сцену прощания вспоминал Ведемейер. Посол Хэрли и генерал Ведемейер сидели за завтраком, когда упаковавший чемоданы Дэвис пришел попрощаться. Командующий хотел мирно расстаться с Дэвисом и предложил поддерживать контакты путем переписки. Посол, напротив, обменялся с отбывавшим дипломатом несколькими полными желчи репликами. Встреча Хэрли с Дэвисом мало чем отличалась по духу от обычных бесед генерала с подчиненными. Он назвал Дэвиса «коммунистом, виновным за срыв правительственных директив», и пообещал «выбросить» его из госдепартамента. Дэвису пришлось упрашивать посла не подрывать его репутацию, не портить карьеры. Ведемейер прервал диалог, посоветовав Дэвису поспешить на самолет. После того как за Дэвисом захлопнулась дверь, Хэрли сообщил Ведемейеру свое снисходительное решение: он не будет предпринимать немедленных шагов против отбывшего дипломата. Вскоре Ведемейер получил от Дэвиса письмо из Москвы, куда тот был направлен после отстранения от китайских дел. Автор письма клялся, что «никогда не признавал коммунизм как жизненную философию» [15].

Место Дж. Дэвиса занял Дж. Сервис. Хэрли решил лично напутствовать молодого дипломата. Явившегося по вызову Сервиса ожидал сюрприз. Генерал положил перед ним доклад № 40 от 10 октября 1944 г., автором которого был Дж. Сервис. Доклад содержал недвусмысленную и ядовитую критику правительства Чан Кай-ши, подчеркивал его зависимость от американской поддержки и отсутствие у США какой-либо нужды держаться за гоминьдановский режим («Мы не можем надеяться на то, что Китай под контролем современного гоминьдана может стать эффективным балансом Советскому Союзу, Японии или Британской империи на Дальнем Востоке»). Чан Кай-ши потерял, отмечалось в докладе, доверие воспитанных в духе западной демократии своих соотечественников, мыслящих либералов, интеллектуалов. Рекомендации доклада предусматривали лишение Чан Кай-ши американской поддержки и осуществление в отношении гоминьдановского режима более

жесткой политики. Хэрли проявил осведомленность в прошлых делах своего подчиненного и заявил Дж. Сервису о том, что содержание доклада ему хорошо знакомо. «Если вы строго ограничите себя рамками информации, мы будем действовать сообща,— сделал вывод генерал и добавил: если же вы попытаетесь вмешиваться в мои дела, я сомну вас» [16].

Так напутствовал Сервиса при его вступлении в должность генерал Хэрли.

Прожекты дипломатов

Дэвис побывал в Яньани в конце октября 1944 года. Его выводы относительно необходимости военного сотрудничества с КПК базировались на установках, имеющих дальний политический прицел. «Я был чрезвычайно озабочен тем, что, по моему мнению, должно произойти в случае вступления СССР в войну на Тихом океане»,— вспоминал впоследствии Дэвис. Опасения связывались с возможностью развития более тесных отношений между СССР и КПК, чему должна была содействовать победа советских вооруженных сил на Дальнем Востоке. Поэтому Дэвис хотел добиться от Мао Цзэ-дуна ответа на вопрос: будет ли КПК сотрудничать с американцами, если они высадятся на китайском берегу. В этом же духе мыслил и другой американский дипломат — Ладден.

Когда в феврале Ладден вернулся в Чунцин из длительного путешествия в освобожденные районы, то сразу же направился к генералу Ведемейеру. Он доказывал необходимость осуществления более гибкой военной политики и предлагал использовать вооруженные силы КПК против Японии. Генерал был поражен таким заключением и попросил Ладдена подготовить письменный доклад, поскольку собирался в Вашингтон для консультаций и нуждался в информации. Времени оставалось в обрез, и Ладден, с помощью Сервиса, срочно написал меморандум (от 14 февраля 1945 г.), содержавший, кроме прочего, и идею необходимости привлечения на свою сторону всех китайских сил, способных оказать содействие союзному делу — разгрому Японии.

В феврале советник посольства Атчесон, исполнявший обязанности посла в Чунцине во время отсутствия Хэрли, взял на себя ответственность отправить в госдепар-

тамент документ о положении в Китае. В документ должны были войти мысли, втиснутые Сервисом и Ладденом в меморандум от 14 февраля. Все ведущие сотрудники посольства с воодушевлением взялись за подготовку материала, тщательно обсуждали каждое его положение. Пять дипломатов, включая Атчесона, поставили свои подписи под докладом от 28 февраля. В результате коллективного творчества родилось предложение от лица президента информировать Чан Кай-ши в достаточно четких выражениях о том, что «военная необходимость требует от США снабжения коммунистов и сотрудничества с ними, а также с другими группами, которые могут способствовать осуществлению военных действий против Японии», и что предпринимаются «непосредственные шаги для достижения этой цели». Право вето в отношении методов и средств осуществления китайской политики США — включалась категорическая рекомендация — должно быть вырвано, наконец, из рук Чан Кай-ши. Эти предложения, по замыслам авторов, имели целью подтвердить нейтралистский характер американской политики, отсутствие у США обязательства безоговорочно поддерживать Чан Кай-ши. Детали планов военного сотрудничества с КПК всегда держались в строгом секрете [17].

Американские политические деятели типа Дж. Сервиса исходили из того, что чанкайшистское правительство нежизненно даже с американской помощью. Только вооруженная интервенция могла спасти Чан Кай-ши, на что США не могли пойти. Кадровые дипломаты, так же как и Хэрли, задумывались над перспективой создания коалиционного правительства с включением в него коммунистов, однако с существенным дополнением: отправкой военного снаряжения Народно-освободительной армии Китая, что, по мнению ряда американских политиков, должно было способствовать укреплению политического контакта США с китайскими коммунистами и изоляции их от Советского Союза. Авторы такого рода проектов выходили за рамки кодекса неписаных правил сил антикоммунизма и реакции в США. Попытки оторвать КПК от СССР подавляющему большинству американских политиков казались тогда бессмысленными. Спустя почти четверть века после этих событий Дж. Сервис обвинил Хэрли в содействии развязыванию гражданской войны в Китае.

Дипломаты, готовившие в феврале 1945 года свои предложения о необходимости расширения сотрудничества с КПК, в том числе снабжении армии КПК, находились, видимо, в неведении относительно Ялтинской встречи, где было достигнуто соглашение ведущих держав антифашистской коалиции о вступлении СССР в войну против милитаристской Японии. Участие СССР в войне на Тихом океане приближало победу над державами оси и с такой точки зрения рассматривалось американскими стратегами как позитивный фактор. В то же время этот фактор снижал возможности спекуляций на националистических настроениях в КПК, ибо СССР выступал в тесном союзе со всеми революционными силами, в том числе с китайскими коммунистами. Сам Хэрли узнал о Ялтинском решении (в соответствии с договоренностью союзников соглашение, как известно, не предавалось гласности) в начале февраля 1945 года в период кратковременного пребывания в США после серии неудач своей миссии. С тех пор сторонники Чан Кай-ши стали обвинять госдепартамент в осуществлении пораженческой политики. Когда Хэрли рассказал Чан Кай-ши о Ялте, лидер гоминьдана некоторое время не мог выйти из шокового состояния [18].

Ялта, однако, стала реальным фактом, закономерным итогом сотрудничества в рамках антифашистской коалиции, она входила в мировую политику помимо воли и личных пожеланий отдельных государственных и политических деятелей. Представители реалистического крыла правительства Рузвельта шли на конференцию в Ялту, глубоко сознавая необходимость сотрудничества с Советским Союзом не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Подписи, поставленные под Ялтинскими решениями, отвечали не только окрепшему в годы войны духу сотрудничества в рамках антифашистской коалиции, но и требованиям военной необходимости — скорейшего разгрома милитаристской Японии. В Китае уже во второй половине февраля было распространено сообщение «Ассошиэйтед Пресс» от 14 февраля о предполагаемом вступлении СССР в войну на Тихом океане. «В американских компетентных кругах считают,— отмечалось в нем,— что СССР скоро вступит в тихоокеанскую войну и большинство полагает, что участие СССР в войне против Японии явится ценным вкладом в дело завоевания победы над японцами. Военные специалисты счита-

ют, что участие СССР в войне против Японии сократит сроки войны на Тихом океане. Высшие военные круги уже неоднократно говорили о том, что для достижения окончательной победы следует разгромить Японию на континенте... «Разгром японской армии на материке действительно потребовал бы от США огромных жертв, сроки окончания войны, несомненно, отодвинулись бы. Военную необходимость вступления СССР в войну на Дальнем Востоке признавали в то время генерал Макартур, адмирал Ч. Нимиц. Приветствовали этот шаг правительства СССР Г. Трумэн, К. Эттли. Даже ярый сторонник Чан Кай-ши Ченнолт заявил, что событие такого рода — решающий фактор, ускоривший окончание войны на Тихом океане.

В своей работе, опубликованной в 1971 году, Дж. Сервис рисует, однако, более блистательную, нежели это было, картину торжества американской политики на материке. Прими Вашингтон предложения дипломатов от 28 февраля, и события — Дж. Сервис не ограничивал свою фантазию — развивались бы в соответствии с другим сценарием: американские эксперты, разведчики, эксперты-подрывники, команды радиосвязи и другие службы лихо заполняют контролируемые коммунистами районы, с американской помощью руководство КПК принимает капитуляцию Японии в Северном Китае, успешно разоружает войска находившегося под контролем Японии марионеточного режима Ван Цзин-вэя; американцы принимают участие в сборе трофейного оружия и снаряжения; по железным дорогам плененные японцы переправляются в морские порты для эвакуации; американское посредничество содействует созданию разграничительной линии между зонами гоминьдановцев и коммунистов; контроль КПК распространяется на Северный Китай, гоминьдановцев — на долину Янцзы и Южный Китай; США таким образом ограничивают намерения Чан Кай-ши начать гражданскую войну.

Военное сотрудничество США с руководством КПК весной 1945 года в канун капитуляции Японии — Дж. Сервис готов и дальше поднимать цену прошлых «просчетов» — создало бы абсолютно другую, благоприятную для американских интересов основу отношений США с Китаем в первые послевоенные годы. В чем это должно было проявиться? Возможно, не вспыхнула бы гражданская война или, во всяком случае, не была бы такой

разрушительной. США следовало расстаться с патерналистской миссионерской идеей преобразования Китая в соответствии с американскими пожеланиями и понять в то же время, что сотрудничество с таким ярым националистом, как Мао Цзэ-дун, не только возможно, но представляет собой перед лицом запутанных мировых проблем не столь уж сложное дело. Американское «военное сотрудничество» с КПК — Сервис убежденно говорит об этом — явилось бы для китайского народа более благоприятным событием, нежели участие СССР в разгроме милитаристской Японии. Сервис представляет освободительную миссию Советского Союза как вторжение оккупационных войск. Это не только попытка умалить значение побед Советской Армии.

В годы войны Дж. Сервис слыл сторонником благородных идей, сцементировавших антифашистскую коалицию. В 70-х годах, спустя много лет после войны, он предает забвению освободительную миссию советских полководцев и солдат. А ведь именно они сократили сроки войны, принесшей человечеству тяжелые испытания, спасли жизни многих соотечественников Дж. Сервиса. Подвиг советского воина, штурмовавшего укрепленные за многие годы плацдармы агрессии в Маньчжурии и в Корее, на Курильских островах, героизм воспитанных в духе подлинного интернационализма советских солдат-дальневосточников навсегда останутся в памяти советского и китайского народов. Сам Мао Цзэ-дун, отдавая дань благодарности китайского народа Стране Советов, писал в те дни: «Красная Армия пришла помочь китайскому народу изгнать агрессоров. Такого примера еще не было в истории Китая. Влияние этого события неоценимо». Желание Дж. Сервиса представить выполнение советскими воинами высокого интернационального долга актом оккупации продиктовано скорее всего определенными политическими целями. Будь во время войны достигнуто сотрудничество с КПК, подчеркивает Сервис, «русские были бы лишены оправдательных аргументов в пользу длительной оккупации». Таким образом, близорукие решения Хэрли — следует вывод — толкнули КПК на союз с СССР, поскольку США связали себя с ее врагом. Поступи Хэрли иначе, отношения США с КНР строились бы, если и не на тесной дружественной, союзнической основе, то, во всяком случае, на более благоприятной основе, чем это было в послевоенные годы [19].

Рассуждения Дж. Сервиса весьма напоминают ревизию дальневосточной политики Рузвельта, на которую пошли в первые послевоенные годы маккартисты. Таковы парадоксы истории. Отставной дипломат оказался в одной упряжке с теми, кто его преследовал по делу «Амерэйша». И он, и его недруги обвиняли, хотя и с разных позиций, покойного президента за «ошибки», толкнувшие США на коалицию с СССР. Участие СССР в войне на Тихом океане, совместная борьба советских и китайских коммунистов — закономерный итог сотрудничества в рамках антифашистской коалиции, и это событие, вопреки ретроспективным расчетам Дж. Сервиса, было невозможно предотвратить.

Вслед за Дж. Сервисом решила отомстить генералу Хэрли, правда, с большим опозданием, Барбара Тачмен. В 1972 году она выступила с сенсационной статьей в «Форин афферс». В статье приводилось донесение майора Кромли из группы наблюдателей в Яньани в штаб генерала Ведемейера от 9 января 1945 г.: «Правительство Яньани выразило желание направить в Америку группу неофициальных представителей для разъяснения заинтересованным американским официальным лицам и общественным деятелям нынешнего положения и проблем Китая». Неофициальное предложение руководителей КПК сводилось к следующему: Мао и Чжоу, вместе или по отдельности, немедленно прибудут в Вашингтон, если президент Рузвельт выразит желание принять их в Белом доме в качестве руководителей ведущей партии Китая. В случае отсутствия приглашения Мао и Чжоу просили держать их предложение в секрете. Это послание лидеров КПК было, как утверждала Тачмен, задержано в Чунцине послом Хэрли с «вырванного» у Ведемейера согласия. О нем не было сообщено ни президенту, ни госдепартаменту, ни министерству обороны.

Государственный департамент после неудач Хэрли не терял, однако, оптимизма, продолжая поиски наиболее результативных с точки зрения интересов США решений. В госдепартаменте выражали пожелание создать, в случае вступления СССР в войну, американское командование над всеми китайскими войсками, что могло служить и послевоенным целям США. Рекомендации госдепартамента поэтому сводились к тому, чтобы продолжать переговоры с КПК и установить такое командование, когда наступит «наиболее благоприятный момент» [20].

В феврале — марте 1945 года Хэрли находился в Вашингтоне и Рузвельт был посвящен в детали провала его посреднической миссии в Китай. «Когда я увидел Рузвельта, — вспоминал Э. Сноу о своей беседе с президентом, — он только что услышал о провале посредничества Хэрли между Яньанью и Чунцином... Президент заявил, что Чан Кай-ши выдвинул некоторые, чрезвычайные по своей абсурдности, возражения против просьб коммунистов... Но сейчас он понял растущую силу китайских коммунистов как эффективного правительства партизанских районов...» Президент задал несколько вопросов Э. Сноу относительно того, что конкретно сможет сделать 8-я армия (коммунистов) с помощью США в Северном Китае. «Я полагаю, — отвечал Э. Сноу, — позиция состоит в том, что, поскольку мы признаем Чан Кай-ши в качестве единственного правительства, мы должны направлять вооружение исключительно через него. Можем ли мы поддержать два правительства в Китае?» «Да, я уже сотрудничаю с двумя правительствами там, — ответил президент. — Я намереваюсь продолжать действовать в этом духе до тех пор, пока мы сможем объединить обе стороны».

Беседу Э. Сноу с Рузвельтом Дж. Сервис привел в споре со своими противниками в качестве аргумента [21] — и здесь Э. Сноу шел в ногу с американским либералом, — подтверждающего продолжение «обусловленной» поддержки Чан Кай-ши со стороны США. Отставка Стилуэлла не открыла дорогу, возражает Сервис обвинителям, безоговорочной поддержке Чан Кай-ши. Ф. Рузвельт продолжал стоять на стороне приверженцев переговоров с КПК. За эту позицию, за Ялту, за другие «грехи» Рузвельт, как известно, был предан анафеме многими своими соотечественниками, которые не жалели сил в своих попытках оградить, как им самим часто казалось, отечество от предателей. Ультраправый сенатор Маккарти поведает о непростительном, с его точки зрения, поведении Ф. Рузвельта, окружившего себя «либералами, коммунистами, сочувствующими коммунистам, агентами Кремля — ачесонами, латтиморами, джессапами и тихоокеанскими институтами». Тот, кто пекся о престиже, интересах США, хотя и сооружал зачастую на этом поприще воздушные замки, предал, согласно Маккарти, Китай, «передав эту страну русским» [22].

Смерть Ф. Рузвельта не внесла каких-либо серьезных изменений в китайскую политику США. Президент Трумэн главную опасность усматривал в росте авторитета и влияния СССР в Европе. Спокойствие на китайском театре, оттяжка, если не полное предотвращение, гражданской войны в Китае должны были в значительной степени оградить тылы европейской политики США и обеспечить условия для создания в перспективе дружественного к США Китая.

Однако уже первые документы о положении в Китае, с которыми познакомился Трумэн, пронизывал пессимизм. Президента не могли не поразить неутешительные новости из Китая, тревожные призывы повлиять на Хэрли. «Воздерживаясь от содействия каким-либо политическим фракциям, — говорилось в одном из таких документов, — мы продолжаем оказывать поддержку правительству Китая, возглавляемому Чан Кай-ши, в качестве признанной центральной власти... Однако в соответствии с долгосрочными целями и имея в виду противодействие растворению власти существующего правительства наша цель состоит в том, чтобы обеспечить определенную степень гибкости ради создания условий для сотрудничества с любым другим руководством в Китае, что может предоставить многообещающие гарантии достижения единства и обеспечения мира и безопасности в Восточной Азии» [23]. В госдепартаменте рассуждали о негибкости и ограниченном кругозоре Хэрли, о том, что его линия расходится с рекомендациями дипломатического ведомства, мешает использовать против Японии резервы Китая. Дипломаты требовали, видимо, невозможного — убедить генерала быть более гибким и более изощренным в политических делах.

Хэрли и Ведемейер, отбывшие в Вашингтон, оставили за себя на китайском театре Ченнолта. По приказу Ведемейера ворота в Яньань тогда были закрыты перед рвавшимися туда американцами. Именно в это время Дж. Сервис и собрался в Яньань. Обосновывая свою просьбу о поездке туда перед начальником штаба генералом Гроссом, Сервис отмечал скорое открытие очередного съезда КПК, возможность встретить ведущих лидеров КПК, в качестве аргумента приводил необходимость получения разведывательной информации. Во время рас-

следования деятельности Тихоокеанского института Ченнолт, опасаясь наветов, оправдывался: самолетом для полета в Яньань Дж. Сервис завладел помимо его воли.

Дипломат прибыл в Яньань 9 марта. Между 11 марта и 1 апреля в штаб Ведемейера от него ушло не менее девятнадцати докладов (копии шестнадцати из них попали в редакцию «Амерэйша»). Прошло всего лишь четыре дня со времени начала нового визита Дж. Сервиса в Яньань, как состоялась встреча с Мао Цзэ-дуном, который во время беседы уделил особое внимание отношениям между КПК и США и перспективам этих отношений. Мао подчеркивал наличие тесных связей, взаимных симпатий и общих интересов между народами США и Китая («Обе нации демократичны, индивидуалистичны, по своей природе миролюбивы, неагрессивны и неимпериалистичны»), желание руководства КПК получить от США необходимую помощь и привлечь американский капитал («Америка и Китай дополняют друг друга», «США — самая подходящая страна для оказания экономической помощи Китаю», «Без иностранных капиталовложений развитие Китая невозможно», «Американцы в Китае найдут не только рынок сбыта, но и сферу приложения капитала» и т. д.) [24].

В то время, когда Сервис встречался с Мао, в Яньань съехались делегаты VII съезда КПК. Сам Сервис предположил, что по наиболее важным вопросам были достигнуты соглашения заранее, а само заседание съезда значило едва ли больше, чем «формальное заслушание докладов, выборы новых органов и принятие уже согласованных резолюций». Сервис, скорее всего, не ошибся, потому что многие положения, выдвинутые Мао Цзэ-дуном в беседах с ним, нашли свое отражение в зачитанном на съезде докладе «О коалиционном правительстве». В беседе с гостем Мао, например, выразил согласие с американской либеральной точкой зрения относительно крестьянской проблемы в Китае («Забота о китайском крестьянине является главной заботой для Китая будущего»). Китайский народ, как говорил Мао и как передавал его слова Дж. Сервис, не готов для социализма, строительство социализма потребует длительного времени («Необходимо преодолеть стадию управляемых демократическим путем частных предприятий»). КПК была представлена в беседах Мао с дипломатами как партия крестьян. В докладе на VII съезде КПК Мао Цзэ-дун назвал крестьян-

ство основной базой «демократического режима» в Китае. Как в беседах с американскими представителями, так и на съезде Мао Цзэ-дун ни словом не обмолвился о роли рабочего класса в государстве, охарактеризованном им как «буржуазно-демократическое», как государство «новой демократии». Провозглашенная Мао Цзэ-дуном платформа предполагала приобщить к антиимпериалистической, антифеодальной революции самые широкие слои населения, в том числе буржуазию и часть помещиков. Сервису было, видимо, чрезвычайно приятно познакомиться с перспективой будущего развития Китая, которое мыслилось в духе утопических построений, предполагавших «существование свободных капиталистических предприятий, базирующихся не на конфликтах, а на объединении всех групп и людей...» [25]. Умиляющие сердце либерала перспективы — гармоническое слияние труда и капитала! В этом, согласно Мао Цзэ-дуну, состояла здоровая почва «демократии и индустриализации» Китая.

Еще 12 июня 1944 г. Мао Цзэ-дун в интервью китайским и иностранным корреспондентам решил представить осуществление подлинной демократии в Китае в качестве главного условия достижения единства китайского народа в предстоящих решительных действиях против японских захватчиков. «У нас есть, — говорил Мао Цзэ-дун, — свой большой недостаток. Он заключается в отсутствии демократии, а меж тем только при наличии демократии война может быть успешной, только при наличии демократии внутренние и внешние отношения Китая могут развиваться по правильному пути, может быть завоевана победа и построена лучшая жизнь». Сторонники Мао Цзэ-дуна противопоставили диктатуре Чан Кайши лозунг народной демократии, тенденциям к высокому протекционизму, к усилению государственного контроля — призывы к свободе предпринимательства и иностранных капиталовложений. Расчет на то, чтобы добиться подлинной демократии в условиях отсталой, да и опирающейся на иностранные капиталовложения страны, являлся расчетом на чудо.

В то же время руководители КПК в своей тактике, направленной на мобилизацию новых сторонников, оказались более гибкими, нежели их гоминьдановские соперники. Мао обвинял своего противника в неспособности обеспечить прочные основы стабильной власти, гаранти-

ровать демократию. Лидер КПК подчеркивал в качестве важнейших грехов Чан Кай-ши неумение и нежелание наладить «дружбу и сотрудничество с Россией», стремление направить все усилия на милитаризацию страны[26]. И надо сказать, что упреки Мао Цзэ-дуна били точно в цель.

Призывы к демократизации Китая находили отклик в среде представителей китайской интеллигенции, познакомившихся с ценностями буржуазной демократии и не желавших мириться с авторитарной системой, которую пытался утвердить гоминьдан. Они вынуждены были либо бежать в Северный Китай, либо укрываться за пределами родины.

Вопрос «почему получается так, что Америка всегда делает ставку в Азии не на ту лошадь?!» будет еще долго волновать американских политиков, дипломатов, историков и их единомышленников в Китае. В 1944—1945 годах этот вопрос находился гораздо ближе, чем когда-либо, к реальной политике. На кого поставить? Обласканные в Яньани американские представители с восторгом воспевали продемонстрированное Мао Цзэ-дуном намерение наладить дружбу с США, открыть в Китай дорогу иностранным инвестициям. Они с усердием внушали своим соотечественникам: преступно глупо игнорировать эти намерения и потакать лишь Чан Кай-ши.

Гоминьдан тратил немало усилий на дискредитацию идеи «демократичности» руководства КПК, на разоблачение заверений лидеров этой партии в искренности добрых намерений по отношению к США. 24 января 1945 г. гоминьдановское посольство в США переслало в Управление по делам Дальнего Востока госдепартамента на имя Винсента одну из резолюций руководящих органов КПК. В ней говорилось: «КПК приветствует американских эмиссаров, испытывает хорошие чувства к США и принимает требование установить военные базы на северо-западе. Но эти действия не должны обозначать, что КПК перестала считать США капиталистическим и империалистическим государством. В соответствии с тем, что мы наследуем ортодоксальность Маркса и Энгельса в деле развертывания классовой революции... мы противимся всем формам империализма»[27].

Трудно отрицать достоверность этого документа. Находились среди въедливых американских журналистов такие, кто задавал Мао Цзэ-дуну недвусмысленный воп-

рос: почему КПК не изменит своего наименования? Вопрос не случайный. «Чем более отсталой является страна, — отмечал В. И. Ленин, — тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудки национального эгоизма, национальной ограниченности»[28]. Маоисты, делая ставку на мелкобуржуазный состав партии, получали возможность для активных спекуляций на такого рода предрассудках. Но пренебрегая интернациональными задачами, они не могли выйти из рамок, предначертанных антифеодальной, антиимпериалистической программой компартии. Они, несомненно, думали о своем положении в партии. Вторая мировая война, победы антифашистских, освободительных сил привели в движение рычаги китайской революции. Политическая доктрина Мао Цзэ-дуна декларировала в то время защиту интересов многомиллионной массы крестьянства, мелкой и средней буржуазии. Антифеодальная, антиимпериалистическая программа КПК во многом объяснила рост авторитета партии среди народа, увеличение ее численного состава. «Прочти Ф. Рузвельт, — пришел к выводу У. М. Коэн, — «Судьбы Китая» Чан Кай-ши или пойми американский президент сущность коммунистического движения в Китае, то он, вероятно, пришел бы к заключению, что никакая ведущая сила в Китае не освободила бы США от враждебного отношения китайцев к империализму»[29]. Этой сложной задачи не могли решить американские специалисты по Китаю, досконально изучившие и «Судьбы Китая» Чан Кай-ши, и речи Мао Цзэдуна.

О нежелании Чан Кай-ши мобилизовать резервы Китая на борьбу с агрессорами много говорилось в среде американских политиков. Гоминьдан был непосредственным союзником США в войне, и от него ожидали определенного вклада в общее дело. Немало причин отвлекало и КПК от борьбы с японским агрессором. Еще до начала войны на Тихом океане, когда японская военщина закрепилась в Северном Китае, некоторые руководители КПК избегали столкновений с оккупантами, думая прежде всего о сохранении вооруженных сил для борьбы с Чан Кай-ши. Многие американские наблюдатели понимали, что ни гоминьдановское правительство, ни ряд руководителей КПК не были заинтересованы в мобилизации своих

усилий на борьбу с Японией. «На основе информации, которую мне удалось собрать, — отчитывался о поездке в Китай конгрессмен Мэнсфилд, — я пришел к выводу, что КПК и гоминьдан заинтересованы прежде всего в сохранении своих партий сейчас и в последующие два года, чем в содействии в войне с Японией. Каждая партия больше занята своим собственным положением, так как обе верят, что Америка гарантирует победу» [30].

Избранная руководителями КПК тактика в антияпонской войне позволяла правящим кругам Японии питать определенные надежды. Американские историки Романус и Сандерленд, ссылаясь на японского маршала Хатта, отмечают, что японцы, как и американцы, подумывали о достижении взаимопонимания с КПК, что японское командование планировало в течение последних шести месяцев 1944 года использовать вооруженные силы КПК для подавления вооруженных сил гоминьдановцев [31]. Естественно, что такого рода тактика КПК не могла не наносить ущерб интересам антифашистской коалиции, ибо предоставляла японским агрессорам большую свободу для маневрирования на китайском фронте. Военно-организационные и пропагандистские мероприятия ЦК КПК и командования Народной армии Китая на территории освобожденных районов в разгар второй мировой войны были обращены «вовнутрь», они не оказывали решающего влияния на изменение обстановки в антияпонской войне. Реорганизация вооруженных сил, осуществлявшаяся руководством КПК, была направлена, по существу, на укрепление позиций армии в политической жизни партизанских районов, на устранение не угодных Мао Цзэ-дуну людей с руководящих армейских постов. Армия «отяжелела», она лишилась необходимой для уровня наступательных действий против японцев боеспособности, ибо Мао Цзэ-дун и поддерживавшие его члены ЦК КПК опирались на нее одновременно как на военную, политическую и хозяйственную организацию в ущерб ее роли и задачам как армии национального освобождения [32]. У тех, кто пытался анализировать события в Китае, складывалось впечатление, что линия многих руководителей как КПК, так и гоминьдана предполагала в качестве первостепенной и основной цели установление полного контроля в стране.

В канун вступления СССР в войну с Японией США не стали круто изменять свою китайскую политику. Усиле-

ние тенденций на укрепление классового союза с империалистическими державами Запада во внешней политике США, направленного против национально-освободительных движений, рост антисоветских настроений в правящей верхушке США в значительной степени закрывали для Вашингтона путь к открытой поддержке КПК даже при ее в достаточной степени аморфной, но откровенно антифеодальной, антиимпериалистической платформе.

В сложившейся ситуации никто, пожалуй, в Вашингтоне не мог охладить гнев генерала Хэрли, с раздражением встретившего новость о новом вояже Дж. Сервиса в Яньань. Поездка Сервиса, заявил генерал, нарушает его инструкции, а действия агрессивно настроенных «прокоммунистических» карьеристов в госдепартаменте подрывают положение главы американской миссии в Китае. Позже, во время расследования по делу «Амерэйша», Сервис дал объяснение: он был в подчинении генерала Ведемейера, а не Хэрли. Генерал тогда употребил все свое влияние и добился удаления Сервиса из Китая. Не помогла Дж. Сервису и поддержка Дж. Винсента из госдепартамента. Вечером 31 марта 1945 г. Дж. Сервис получил распоряжение немедленно покинуть Яньань. Он прощался с Мао Цзэ-дуном и другими лидерами КПК, вероятнее всего, не думая о том, что через двадцать семь лет он встретится с ними снова, но в Пекине.

Советская Армия, вступившая в военные действия на Дальнем Востоке, в короткий срок покончила с Квантунской группировкой японских войск в Маньчжурии и Корее. Правительство Чан Кай-ши стремилось распространить свой контроль на освобожденные от оккупантов территории, пыталось использовать и использовало капитулирующие японские части против вооруженных сил КПК. 8 сентября 1945 г. в Чунцине было объявлено о согласии США оказать помощь в обучении гоминьдановских войск и содействовать гоминьдановской армии при осуществлении «завершающих операций». Командование вооруженных сил КПК протестовало против высадки морской пехоты в портах Инькоу, Чифу, Вэйхайвэй. Освободительная борьба китайского народа опиралась на военно-политическую мощь Советского Союза, только тесное взаимодействие армий китайских коммунистов с советскими войсками обеспечивало подлинный успех этой борьбе. Планы гоминьдановцев были обречены на неудачу.

Глава V

●

КАНУН МАККАРТИЗМА

Обострение борьбы

В последнюю неделю июня 1945 года в министерстве юстиции США состоялась встреча юристов, занятых делом «Амерэйша». Адвокаты обвиняемых заявили, что деятельность их подопечных не выходит за рамки обычной журналистской практики, предполагающей добывание закрытой информации из правительственных источников. Несогласие с официальной политикой правительства на Дальнем Востоке, по мнению юристов, не могло быть основанием для преследований. Приводились убедительные аргументы, что так называемая «секретная информация» уже давно стала достоянием широкой гласности, неоднократно появляясь на страницах различных газет и журналов. В 1945 году большинству арестованных удалось отделаться штрафом. Этим, однако, дело не ограничилось.

Рвение, которое проявили американские разведчики, занимаясь делом «Амерэйша», преследуя многих известных специалистов-дальневосточников, имело, конечно, политическую основу. Материалы, обнаруженные на страницах журнала «Амерэйша», да и в самой редакции, могли служить лишь только поводом. 15 июня 1945 г. обозреватель Дрю Пирсон поделился с читателями своими мыслями по делу «Амерэйша». Основным фактором, повлиявшим на аресты, стало, по его мнению, противоборство двух политических группировок в Китае — «милитаристов Чан Кай-ши на юге и так называемых китайских коммунистов, в действительности аграрной партии, на севере» [1].

Обострение внутриполитической борьбы в Китае повлияло, конечно, на аресты по делу «Амерэйша», но эта причина не была единственной. В обстановке побед антифашистской коалиции над силами гитлеровской Германии, возросшего авторитета Советского Союза в Европе и Азии — повсюду, казалось, восторжествовали идеи

справедливого решения послевоенных проблем. Конференция в Сан-Франциско учредила Организацию Объединенных Наций, призванную сохранить и упрочить мир на земле.

Однако борьба народов за достижение полной независимости и политической самостоятельности находила понимание далеко не во всех кругах американского общества. Сомнения яростно терзали тех его представителей, которые с неприязнью и даже с ужасом взирали на рост освободительного движения в других странах и подъем демократических настроений в самих США.

Миссия Маршалла

«Американские интересы в Китае не стоят войны»,— подобная установка, казалось, продолжала доминировать в планировании американской политики. Ею руководствовались чиновники госдепартамента, которые должны были определять возможность и рамки использования вооруженной силы. Государственный секретарь Дин Ачесон отметил три альтернативы, стоявшие перед США в 1945—1946 годах: а) убраться из Китая; б) бросить в Китай необходимые ресурсы, военную мощь, чтобы постараться разгромить вооруженные силы КПК, «убрать» японцев и «убрать русских» из Маньчжурии; в) оказать серьезную поддержку Чан Кай-ши и выработать соглашение между гоминьданом и КПК, добиться сохранения мира в Китае [2].

Первый путь в сложившейся ситуации, вероятно, был бы для США самым благоразумным, ибо он удовлетворительно сказался бы как на судьбах китайского народа, так и на американском престиже. Однако в основу американской дипломатии в Китае в первые послевоенные годы лег последний пункт программы Ачесона.

Провал миссии Хэрли все же не остановил строителей китайской политики США. Средства, к которым они стали прибегать, выглядели далеко не мирными, ибо включали и открытую помощь Чан Кай-ши в вооружении и транспортировке войск. Благодаря помощи США гоминьдановцы сумели установить к концу 1945 года контроль над рядом крупных городов и коммуникаций северных районов страны. Положение в Китае обострялось. Спасение своих позиций в Китае официальный Вашингтон связывал с именем генерала Маршалла.

В один из декабрьских дней 1945 года Маршаллу позвонили из Белого дома и предложили направиться в качестве личного представителя президента в Китай. Маршалл, не раздумывая, согласился. Генерал выезжал в Китай, а американская пресса попыталась убедить общественное мнение в «величии» предпринимаемого шага; 15 декабря газеты на видных полосах поместили заявление президента, где он в качестве одной из главных целей миссии генерала отмечал желание содействовать созданию «сильного, объединенного и демократического Китая» [3].

Миссия Маршалла в Китае вызвала яростные нападки маккартистов, правого крыла республиканской партии. Политика, нашедшая отражение в миссии Маршалла, согласно Маккарти, «превратила 450 млн. друзей Америки в 450 млн. ее врагов». (Считалось, что именно таким было тогда население Китая.) Ведущие представители прочанкайшистского лобби квалифицируют миссию Маршалла в Китай как отход США от своих обязательств в Китае, как вмешательство в конфликт с целью давления на Чан Кай-ши в пользу КПК.

В. Робинсон, принимавший участие в делах миссии Маршалла, в 1970 году поделится своими воспоминаниями. В его тенденциозной книге подчеркивается отрицательный опыт политики США в Китае, сказавшийся, по мнению автора, в период войны во Вьетнаме. «Американская политика первых послевоенных лет,— отмечается в предисловии к книге,— находилась все еще под влиянием рузвельтовского курса на сотрудничество с СССР. Только эта идея предотвратила всестороннюю американскую поддержку Чан Кай-ши и привела к политике химерического объединения двух китайских сил» [4].

Наиболее резкой критике подвергался один из строителей дальневосточной политики США периода миссии Маршалла — Дж. Картер Винсент. В 24 года он вступил на дипломатическое поприще. Начиная с консульской службы в Чанша (1935 г.) за тринадцать лет молодой дипломат побывал на различных дипломатических постах в Китае, с 1941 по 1943 год был советником посольства в Чунцине, а в 1945 году стал начальником дальневосточного управления США. Среди коллег Винсент слыл демократом вильсонианского толка. Ему импонировали идеи Дж. Сервиса, недаром он пытался оградить своего коллегу от наскоков Хэрли.

Вильсонианские идеи «мирной» капиталистической экспансии в слаборазвитые районы мира, борьбы за «открытие дверей» в Китай путем противодействия непосредственной аннексии территорий вдохновляли американских дипломатов типа Винсента, и они с готовностью стремились привести вильсонианские ценности в формирование и осуществление современной им китайской политики.

Винсент неизбежно должен был оказаться под прицелом яростных критиков миссии Маршалла в Китай. «Я все не возьму в толк, как только вы, Ачесон и Трумэн,— давил Дж. Ф. Даллес на Винсента во время маккартистских гонений,— оказались настолько близорукими, направляя Маршалла в Китай»[5]. Сторонники ревизии китайской политики США считали нереалистичными, даже самоубийственными, попытки настаивать в то время на сотрудничестве Чан Кай-ши с КПК. Не лучше ли было следовать, говорили они, советам Ченнолта, который рекомендовал решить оружием «коммунистическую проблему в Китае»[6]. Эти советы пришлись по душе тем американцам, которые извлекали, как это делал сам Ченнолт, выгоду из тесных связей с Чунцином.

Миссия Маршалла, так же как и предыдущая — Хэрли, не была, конечно, результатом ошибок и злонамеренных, как старались изобразить маккартисты, просчетов дипломатов. Это были вполне обдуманные меры, принятые госдепартаментом в результате трезвых оценок ситуации в общемировом масштабе, и в решениях по поводу принятия такого рода мер не последнюю роль играла либерально настроенная когорта дипломатов. Точка зрения последних по поводу китайских дел сконцентрировалась в рекомендациях главы центра информационной службы США в Китае Дж. Фэрбенка (ставшего впоследствии, по сути дела, во главе школы американских китаеведов). Позиция Фэрбенка основывалась на следующих выводах: с помощью военной силы не удастся создать стабильное правительство в Китае; конфликт в Китае уходит своими корнями в китайскую специфику; китайская революция приведет к созданию отличной от США политической и социальной структуры; США не могут штыками оградить Китай от влияния СССР; США должны декларировать необходимость экономической помощи для Китая, ослабляя в то же время поддержку одной партии в гражданском конфликте (декабрь 1945 г.)[7].

Фэрбенк исходил из необходимости учета существующих реалий и укрепления позиций США в этом районе мира. Он, скорее всего, не питал иллюзий, как это случилось с Дж. Сервисом и Дж. Дэвисом, относительно возможности создания в Китае государственной системы в соответствии с буржуазно-демократическими институтами.

Нужно было обладать достаточной решимостью, чтобы выступать против миссии Маршалла; генерал опирался на двухпартийную поддержку конгресса, в котором отсутствовала серьезная оппозиция китайской политике правительства [8]. Ведь альтернативой продолжающимся попыткам США добиться согласия между враждующими силами в Китае могла стать лишь широкая американская интервенция на стороне Чан Кай-ши. На это правящие круги США, озабоченные ростом авторитета Советского Союза, идей социализма в Европе, не могли решиться. Китайская политика США тесно увязывалась с глобальными планами США, предполагавшими усиление давления прежде всего в Европе и направленными на то, чтобы ослабить влияние Советского Союза в освобожденных от ига фашизма странах. В данном случае интересы правящих кругов США, озабоченных необходимостью противостояния силам социализма в глобальном плане, вступили в противоречие с частными интересами отдельных монополистических группировок. Это противоречие находило внешнее проявление в столкновениях между сторонниками европейского и азиатского направлений внешней политики. Приверженцы европейской ориентации были против эскалации военной вовлеченности США во внутренние дела Китая и поэтому разделяли взгляды либерально настроенных ученых-китаеведов.

В конце декабря 1945 года Маршалл прибыл в Китай. С этого времени курс, который он стал осуществлять, дал маккартистам повод для разговоров о нем как о «предателе национальных интересов США». Среди обвинений Маршаллу вменялось, в частности, в вину принятие им решения об установлении эмбарго на американское снабжение гоминьдановского правительства. Маршалл в отличие от Хэрли занял позицию давления на Чан Кай-ши. В этом был просчет Маршалла, позволивший, как считает Кьюбек, Мао Цзэ-дуну выиграть время для подготовки к наступлению [9]. Еще одним «просчетом» генерала — этого не могли ему простить сторонники азиатской ориентации

внешней политики США — стало противодействие посылке американских войск в Китай. «Было бы глупо,— говорил в связи с этим Маршалл,— на этой стадии падения авторитета китайского правительства как в гражданской, так и военной области встать на путь авантюризма и донкихотства».

В начале 70-х годов госдепартамент опубликовал два пухлых тома (до 3000 стр.) документов о миссии Маршалла в Китае [10]. Тома включили в себя все документы, связанные с основными решениями официальных лиц госдепартамента, а также другие материалы, касающиеся факторов, влиявших в то время на формулирование внешней политики. Документы редактировались историческим управлением Бюро общественных отношений госдепартамента, а основным принципом редактирования, подчеркнули составители, стала историческая объективность. Заявление об исторической объективности не помешало сделать оговорку — определенные документы не были опубликованы, в частности, из-за желания «не помешать современным дипломатическим переговорам и иным делам» [11].

Издание правительством США документов, касающихся визита Маршалла в Китай, безусловно, носило политический характер. Публикация такого рода документов была не случайно приурочена к визиту президента Никсона в Китай. Она имела целью прежде всего подчеркнуть, что интерес правящих кругов США к контактам с КПК существовал и в прошлом, и подтвердить правильность решения Р. Никсона начать прямой диалог с руководителями КПК.

Особый интерес у сенаторов, журналистов и ученых вызвали опубликованные документы, говорящие о том, что в то время у Мао Цзэ-дуна было намерение посетить США. Об этом, например, писал Маршалл президенту и госсекретарю в донесениях от 31 января и 1 февраля 1946 г. «Касаясь слухов относительно планирования Мао Цзэ-дуном поездки в Москву, Чжоу Энь-лай, заявил что при упоминании об этом Мао засмеялся и сказал, что не имеет такого намерения и, напротив, очень хотел бы поехать в США, где он смог бы — в это он верит — многому научиться» [12].

Лишь серьезные изменения американо-китайских отношений позволили спустя 26 лет опубликовать многие важные документы о миссии Маршалла в Китай в 1946 го-

ду. Активное участие в диалоге с США в период миссии Маршалла принимали деятели КПК, занявшие в 70-х годах высокое положение в Пекине. Среди фамилий, часто встречающихся в документах, можно найти Е Цзянь-ина и Чжан Вэнь-цзиня — в тот период советников Чжоу Эньлая. Эти лица участвовали в переговорах с президентом Никсоном в феврале 1972 года. Е Цзянь-ин впоследствии выдвинулся на ответственные посты в руководстве КНР, Чжан Вэнь-цзинь выступил в роли помощников министра иностранных дел. Американская сторона проявляла, как отмечалось в документах, в период миссии Маршалла заинтересованность в участии в переговорах Чжан Вэнь-цзиня [13].

Издатели документов, оправдывая высокие темпы американо-китайской нормализации 70-х годов, стараются подчеркнуть желание руководителей КПК ориентироваться на США, а не на Советский Союз. Чжоу Энь-лай в беседе с Маршаллом отмечал, ссылаясь на инструкции Мао, готовность КПК «сотрудничать» с США по проблемам, имеющим как местное, так и общенациональное значение. «Мы верим,— особо отмечались слова Чжоу,— что демократия, которую необходимо создать в Китае, должна соответствовать американскому образцу. Поскольку в современном Китае отсутствуют необходимые для социализма условия, мы, китайские коммунисты, выступая за построение социализма в качестве конечной цели, не думаем и не считаем возможным осуществить на практике в ближайшем будущем социалистическую систему ведения хозяйства. Говоря о необходимости следовать американскому пути, мы имеем в виду введение демократии и внедрение науки по американскому типу, и особенно проведения аграрной реформы, индустриализации, обеспечение свободного предпринимательства, развитие личности, для того чтобы можно было построить независимый, свободный и процветающий Китай» (Маршалл — Трумэну и госсекретарю, 1 февраля 1946 г.) [14].

Как видно, лидеры КПК пошли значительно дальше своей позиции 1945 года, выдвигая тезис о необходимости создать в Китае демократию «по американскому образцу». «Независимый, свободный, процветающий» Китай мыслился только на пути капиталистического развития. Подобная позиция ничего общего не имела с представлением марксистов-ленинцев о реальном демократизме, то есть о демократизме, возможном только на

основе социалистических производственных отношений. Именно эти отношения, являясь определенным этапом развития общества, могли бы служить важнейшей предпосылкой демократии.

Однако многие представители либерально мыслящей американской интеллигенции не видели оснований для оптимистических прогнозов относительно торжества в Китае институтов буржуазного демократизма. «Призыв к политической демократии,— писал профессор Колумбийского университета Н. Пеффер,— не имеет никакого смысла для народов, никогда не знавших этой демократии, не имеющих никакого опыта, который позволил бы им считать демократию одним из драгоценных достояний человечества». Практика представительных учреждений для всей массы жителей Восточной Азии, по мнению Пеффера, кажется не менее экзотической и не более желательной, чем, например, йоги в США. Пеффер сомневался, не служит ли программа Мао Цзэ-дуна этой приманкой, необходимость в которой тотчас же отпадает, как только рыба попадется на крючок? Однако этот аргумент мог иметь какое-либо значение для отдельных политических деятелей США, но отнюдь не для задавленных нищетой китайских крестьян, настроенных в антиимпериалистическом духе представителей национальной буржуазии, части помещиков и либеральной интеллигенции. Авторитет гоминьдана, бессильного предложить народу что-либо, кроме призывов к «войне с красными», неудержимо падал. Крестьяне, уставшие от нескончаемых внутренних распрей, постоянных лишений, приумноженных японской оккупацией, предпочитали бесконечным разговорам о войне надежду на порядок, реформы. Об этой надежде говорили лидеры КПК. Гоминьдана как революционной силы давно уже не существовало. Представители режима погрязли в борьбе за власть, в коррупции, от правительства отшатнулись многие, кто его активно защищал в свое время.

Документы, опубликованные в 70-х годах, свидетельствуют о том, что носителями идеи националистического развития КПК являлись не отдельные специалисты по Китаю типа Дж. Сервиса, а широкий круг высокопоставленных американских политиков и дипломатов. «КПК наиболее зрелая из всех компартий и развивает свое направление марксизма, свои национальные традиции. КПК не является временной бандой подпольщиков,—

докладывал поверенный в делах США в Москве Кеннан госсекретарю.— За десять лет они создали режим дефакто, свою собственную армию и администрацию... Китайские коммунисты окрасили себя в националистические цвета. С 1939 года они противостояли японским захватам, и их пропаганда концентрировала внимание на борьбе с внешним врагом. Быстрое распространение их вооруженных сил и гражданской власти зиждилось на основе национализма».

Позиция противников такого взгляда на КПК в концентрированной форме была изложена самим Чан Кайши, что также нашло отражение в опубликованных документах. «Никакой разницы,— говорил Чан Кай-ши,— между коммунистами Китая, России, Франции или какой-либо иной страны не существует» (сообщение второго секретаря посольства США в Китае Р. Ладдена). Цель КПК, согласно приводимым высказываниям Чан Кай-ши, состояла в «советизации» Китая. Генерал Маршалл не придерживался столь радикальных взглядов, но отнюдь не отрицал «сходства» КПК с Компартией Советского Союза [15].

В 60-х годах маоистский «антиамериканизм» окончательно трансформировался в националистическую доктрину. Основа для этого была заложена еще в годы второй мировой войны и в послевоенные годы.

В августе 1946 года Чжоу Энь-лай встретился с американским послом Стюартом и в откровенной беседе сказал: «Я могу заверить вас, что коммунисты не имеют намерения вступать каким-либо образом в конфликт с США... Геминьдановские поджигатели войны провоцируют третью мировую войну, толкая коммунистов в объятия Советского Союза и получая помощь исключительно от США» [16]. Таким образом, Чжоу Энь-лай демонстрировал явное намерение воздействовать на США опасностью советско-китайского сближения. Причем постановка этого вопроса, да и само изложение, удивительно напоминала взгляды американских либералов, за которые они поплатились во время расследования по делу «Амерэйша». Рассуждения Чжоу Энь-лая были слишком далеки от интернационалистической, дружественной к СССР позиции. «Признавая специальные привилегии Советского Союза и Англии, соответственно, в Порт-Артуре и Гонконге, не следует забывать,— напоминал американскому послу Чжоу,— что у США в Китае также имеются

специальные привилегии. Они пользуются правом «открытых дверей» и свободы торговли. Благодаря превосходному качеству американских товаров США уже незаметно завоевали китайский рынок. Хотя США не имеют иных конкретных намерений, они, в общем, уже завоевали ведущие привилегии в Китае...» [17]. Чжоу Энь-лай предсказывал, что США займут в Китае ведущие позиции. Проф. А. Уайтинг в сенатской комиссии по иностранным делам в июле 1971 года охарактеризовал позицию Чжоу Энь-лая, сказав, что подобные речи напоминают «древний китайский принцип — использовать варваров против варваров...»

Маоисты готовы были использовать ради достижения своих целей любые возможности, в том числе усиливавшиеся в политике империалистических государств тенденции в пользу развязывания «холодной войны». Разве не стремлением противопоставить политику Советского Союза («специальные привилегии на северо-востоке») в отношении Китая политике в этой стране США («открытые двери») и Англии («Гонконг») можно объяснить позицию Чжоу Энь-лая?! История доказала, что это были всего лишь вымыслы. Верное высоким принципам пролетарского интернационализма, Советское правительство, получившее после войны во временное пользование Порт-Артур, возвратило эту базу Китаю задолго до конца аренды (в 1955 г.), оставив китайским властям свое военное имущество.

7 июля 1946 г. КПК выступила с резким протестом по поводу позиции США, продолжавших оказывать военную и финансовую помощь гоминьдановскому правительству, охарактеризовав американскую политику как направленную на развязывание гражданской войны в Китае. Это было на поверхности. А на следующий день после опубликования антиамериканских заявлений Чжоу Энь-лай направил Маршаллу объяснение. «Эти протесты и критика,— писал он,— не должны ни в коем случае восприниматься как враждебное отношение коммунистов к американскому народу и правительству США в целом. Они прежде всего намерены побудить правительство США серьезно пересмотреть свою ошибочную политику, проводимую в настоящее время, и внести необходимые поправки, чтобы не повредить традиционной китайско-американской дружбе».

Желание получить американскую поддержку, изоли-

ровать Чан Кай-ши от США толкало руководителей КПК на поиск путей, которые могли бы нейтрализовать отрицательное воздействие пропаганды КПК на позицию американской стороны. Маршалл, получивший объяснения Чжоу, казалось, был удовлетворен. В своей беседе с Чжоу Энь-лаем глава американской миссии подчеркнул, что считает антиамериканские заявления Яньани «чистой пропагандой». Маршалл не хотел даже поначалу придавать какое-либо значение этой «пропаганде». Но случилось так, что заявления из Яньани были опубликованы одновременно с сообщениями из Москвы, содержащими критику китайской политики США такого же рода. Этого Маршалл перенести не смог, оказавшись свидетелем единых действий советских и китайских коммунистов. Именно эти действия, по его же собственным словам, заставили его пересмотреть свою позицию.

Все обвинения Маршалл принял на свой счет. «Я и есть так называемая реакционная партия, согласно заявлениям КПК для печати. Никто не может быть обвинен в этом, кроме меня лично» [18].

Американские политики подчеркивали антиимпериалистический, антиколониальный характер политики США на Дальнем Востоке и ожидали подтверждения этих тезисов со стороны лидеров КПК. Однако борьба двух линий в КПК, протекавшая в условиях торжествующего шествия идей социализма после окончания второй мировой войны, осложняла положение лидеров КПК, готовых открыто искать опоры у США.

Во время пребывания Маршалла в Китае в августе 1946 года Мао Цзэ-дун беседовал с Анной Луизой Стронг. «Советский Союз — оплот мира во всем мире, могучий фактор, препятствующий установлению мирового господства американской реакции, — говорил Мао своей гостье. — Существование Советского Союза делает притязания американской и мировой реакции совершенно неосуществимыми. Поэтому американские реакционеры крайне ненавидят Советский Союз и, действительно, мечтают уничтожить это социалистическое государство». Мао рисковал своим положением в партии, принимая посредничество американцев и надеясь, что гражданской войны можно избежать путем компромисса. Этим, видимо, и следует объяснить оценку Мао Цзэ-дуном роли Советского Союза как могучего фактора, «препятствующего установлению мирового господства американской

реакции», и, с другой стороны, выраженное в тайных переговорах с США намерение руководителей КПК посетить США и продемонстрированное стремление спекулировать на противоречиях между СССР и империалистическими державами.

Конец миссии Маршалла и расцвет Кольберга

14 марта 1947 г. чанкайшисты начали развернутое наступление на Яньань. 19 марта начальник главного штаба Чан Кай-ши, явно переоценив свои возможности, заявил, что через три месяца коммунисты будут разгромлены[19]. Сам Чан Кай-ши заверял посла Стюарта: в августе или в начале сентября коммунисты будут либо уничтожены, либо заперты в глубинных районах[20]. Гоминьдановцам очень хотелось доказать, что они не зря получают американскую помощь. Однако дипломаты США в Китае смотрели на положение гоминьдана куда более пессимистично. И справедливо.

18 мая 1947 г. гоминьдановское правительство издало приказ о запрещении всех демонстраций и забастовок. Но несмотря на это, в стране развернулось широкое антиправительственное движение. 5 мая в Шанхае прошли студенческие демонстрации под лозунгом «Борьба с голодом, борьба с войной». 2 июня была объявлена всеобщая стачка. Жестокие меры по подавлению этого движения вызвали протест даже в кругах, симпатизирующих правительству[21]. Под антиимпериалистическими лозунгами развернулось студенческое движение.

Ведемейер совершил инспекционную поездку по стране. Чан Кай-ши просил его выступить перед высшими гражданскими и военными чиновниками. Стюарт посоветовал принять предложение. Ведемейер согласился, но в своей речи стал резко критиковать правительство Чан Кай-ши, требуя незамедлительного осуществления реформ. Генерал относил военные провалы Чан Кай-ши за счет политической слабости его правительства, разъедаемого коррупцией, непотизмом, опирающегося исключительно на политику жесточайших репрессий. Он напомнил своим союзникам, что они оказались не способными мобилизовать ради политических нужд финансовые средства как из внешних, так и внутренних источников, а их можно было собрать, по подсчетам Ведемейера, до 1 млрд. ам. долл. Бо́льших неприятностей Чан Кай-ши не ожи-

дал. Это была достаточно суровая критика, тем более неприятная, что за ней стояли не умеренно либеральные, а наиболее консервативные круги американского общества, одним из представителей которых и был Ведемейер. Ведемейер предсказывал провал попыток побороть военными средствами коммунистов. «Сегодня, — говорил он, — в Китай вторглась идея вместо мощных вооруженных сил из-за рубежа»[22].

Если генерал ставил перед собой задачу убедить лидеров чанкайшистского правительства в необходимости осуществления основных реформ, без которых, как ему казалось, они не смогли бы сохранить помощь США, то эту задачу он не выполнил. В то же время Ведемейер твердо стоял за продолжение помощи США гоминьдану, считая необходимым массовое участие американских сухопутных войск в гражданской войне на стороне Чан Кай-ши. Однако Маршалл и Объединенный комитет начальников штабов, опасаясь, что программа Ведемейера втянет США еще глубже во внутренние дела Китая, не считали возможным направить в Китай 10 тыс. военнослужащих. (К июню 1947 г. эффективные людские силы армии США составляли 925 163 человека[23].)

Соглашение о перемирии между враждующими сторонами в Китае, заключенное в январе 1946 года, казалось, открывало пути к достижению компромисса. Но гоминьдановцы использовали перемирие по-своему. Они начали перебрасывать новые контингенты войск в северные районы страны, планируя оккупацию Маньчжурии сразу после ухода оттуда советских войск.

Миссия Маршалла, таким образом, не дала желаемых для американского правительства результатов. Усилия специального представителя Трумэна в Китае оказались тщетными, рухнули планы США, направленные на достижение компромисса. Однако провал этих планов не явился для многих реально мыслящих американских политиков неожиданностью или случайностью. В Вашингтоне все чаще встречались люди, не обольщавшие себя иллюзиями в отношении Чан Кай-ши. Все чаще слышались критические замечания в адрес гоминьдана, обнаружившего бессилие в области как внешней, так и внутренней политики.

Неудачи миссии Маршалла сказались на обострении в США борьбы вокруг проблем китайской политики. Именно в это время, в период сомнений и лихорадочного

поиска приемлемых путей осуществления китайской политики, разгорались страсти и вокруг дела «Амерэйша». Политики нуждались в жертвах.

В марте 1947 года Альфред Кольберг — предприимчивый делец, торговец текстилем, имевший представительства в Китае, Японии, Франции, Англии, Швейцарии, проявил особую активность. Он выдвинул идею о необходимости расследования деятельности Тихоокеанского института (неправительственная организация, объединявшая в те годы в основном специалистов-азиатоведов). Интерес Кольберга к институту носил, скорее всего, практический характер: он входил в состав финансового комитета Тихоокеанского института, исследования которого финансировались такими могущественными объединениями, как Фонды Рокфеллера и Карнеги [24], и был опекуном Ассоциации китайской политики США — организации, созданной в 1945 году в поддержку Чан Кай-ши.

Деляческая личность Кольберга не устраивала многих членов ассоциации. Они называли его фанатиком, ограниченным человеком, обвиняющим людей, не имея на то необходимых доказательств[25].

А. Кольберг впервые стал присматриваться к публикациям Тихоокеанского института в 1943 году. Интерес коммерсанта к научным публикациям был вызван отнюдь не желанием выбраться из узкого круга представлений об окружающем его мире. Тесные связи с правящими кругами Чунцина побуждали предприимчивого дельца следить за всем, что могло бы принести ущерб чанкайшистам, ослабить их позиции в противостоянии КПК, и, по возможности, влиять на события в желательном для своих гоминьдановских друзей духе. Особенно заинтересовала Кольберга статья «Участие Китая в коалиционной войне», появившаяся в журнале «Фар истерн сюрвей», издававшемся Тихоокеанским институтом. Автор статьи Т. А. Биссон нарисовал читателю перспективы развития «двух Китаев». Одного — отягощенного феодальными пережитками, угнетенного и бесправного и другого — демократического. Термин «коммунизм», согласно Биссону, не подходил для оценок революционного движения в Китае, в котором ему виделась, скорее всего, буржуазная демократия, приспособленная к особым условиям аграрных отношений в Китае. Кольберг предпринял поездку в Китай и пытался собрать хоть какие-нибудь аргументы, способные поставить под сомнение

многочисленные обвинения в адрес режима Чан Кай-ши. По приезде в Китай Кольберг вошел в тесный контакт с Ченнолтом и главой школы армейской подготовки при Стилуэлле генералом Т. С. Армсом.

Свои отчеты из Китая Кольберг направлял в госдепартамент. Причем, тезис об «особом характере» КПК, о «ньюдиллерах» в коммунистическом движении был представлен в них исключительно как инсинуации Тихоокеанского института. Какие только обвинения ни выдвигал Кольберг против этого института: организация, официально оформленная на конференции ученых, бизнесменов, религиозных лидеров, представляющих различные страны Тихоокеанского бассейна, получившая широкую известность среди либерального ученого мира, именовалась в его письмах «красной», частью мировой «подрывной деятельности коммунистов».

Ученые пытались защищаться. 17 марта они обнародовали документ, указывающий на «безответственность» предъявленных обвинений. На собрании членов института 22 апреля 1947 г. вице-президент института Артур Дин ядовито поддел Кольберга: «Тихоокеанский институт лилово-белый, — заявил он, — а не красный». И многозначительно добавил: «Если господин Кольберг или кто-нибудь другой имеет доказательства того, что в штатах института есть человек, связанный с организациями коммунистического фронта, я заверяю вас, он будет привлечен к ответственности»[26].

Обстановка не благоприятствовала гоминьдановским лоббистам, консервативным кругам в США, затеявшим тяжбу с Тихоокеанским институтом и «Амерэйша». Китайские лобби объединили в своем составе бизнесменов, заинтересованных в возвращении своих привилегий в Китае, политических маклеров, мечтавших об ослепительной карьере, авантюристов, падких на любую грязную пропагандистскую стряпню, прежде всего антикоммунистическую.

Группа лиц, активно действовавших в США в пользу Чан Кай-ши, сформировалась еще в первые годы японо-китайской войны. Эмиссары Чан Кай-ши развили в США бурную деятельность. Они сблизились с влиятельными людьми, установив контакты с Гарри Гопкинсом, Генри Моргентау (из министерства финансов), с одним из газетных королей — Роем Говардом, с обозревателем Джозефом Олсопом.

В китайских делах ярко проявилась экономическая заинтересованность в поддержке чанкайшистских лоббистов газетного магната Генри Люса, главного держателя акций «Тайм инкорпорейтед». В его руках была значительная доля акций монополистических объединений «Вестингауз электрик», «Американ экспресс», «Рейнольдз металз», распространивших свой контроль на экономику Тайваня. Американские сахарные компании, в которых не последнюю роль в первые послевоенные годы играл капитал Генри Люса, контролировали до 60% сахарной промышленности на Тайване, а промышленные концерны завладели добычей полезных ископаемых на острове.

Генри Люс сделал первые солидные взносы в прочанкайшистскую организацию содействия восстановлению Китая «United China Relief». Созданная в 1941 году первоначально как благотворительный фонд она трансформировалась в мощную лоббистскую организацию, ставящую своей целью оказание всемерной поддержки Чан Кай-ши. Для лиц, хорошо знакомых с экономическими интересами Генри Люса, решение последнего взять на себя обязанности опекуна и руководителя китайского института в США не было случайностью.

Сотни миллионов долларов в золоте и иностранной валюте исчезали как в бездонной бочке через Гонконг и Португальское Макао. Большие суммы вывозились по правительственным каналам: в Цюрихе, Буэнос-Айресе, Нью-Йорке, Сан-Франциско скопились огромные состояния богатейших семейств Китая, которым США стремились помочь. Получался замкнутый круг: американская помощь гоминьдану возвращалась в США для финансирования деятельности китайских лобби, в свою очередь, требовавших увеличения американской помощи Чан Кай-ши. Американский налогоплательщик становился, таким образом, объектом умелого надувательства. Запугивая «опасностью коммунизма», гоминьдановские лобби и их покровители методически тянули средства из государственного бюджета. Только весной 1949 года 800 тыс. долл., полученных из американских банков, были переведены чанкайшистами для финансирования китайских лобби в Соединенных Штатах. С 1949 года субсидирование деятельности китайских лобби осуществлялось по официальным правительственным каналам. В начале

1950 года мадам Чан Кай-ши сочла необходимым объявить об увеличении расходов гоминьдановцев на лоббизм в размере более 1 млн. долл.[27]

Политика Чан Кай-ши ставила под сомнение целесообразность помощи США гоминьдановскому режиму, и перспектива заплатить слишком большую цену за то, чтобы уйти из Китая с пустыми руками, конечно, не устраивала американский деловой мир.

Поиск компромисса

Уже с конца 1948 года политика США по отношению к Китаю характеризовалась бросающейся в глаза противоречивостью и неопределенностью. Положение Чан Кай-ши становилось все более плачевным.

В январе 1949 года конгресс обсуждал проблему Китая. Молодой сенатор-демократ Дж. Кеннеди обвинял Белый дом и госдепартамент в провале американской политики в Китае. Он говорил о «попустительстве коммунизму» в Азии. Дж. Кеннеди стал одним из тех, кто подтолкнул маккартистов на розыск «врагов». В феврале 1949 года известный американский обозреватель Сульцбергер встретился с Дж. Дэвисом. Последний охарактеризовал движение китайских коммунистов как «чисто националистическое». Он призывал правительство «ждать», пока станет известно, «какой материал мы имеем для выработки нашей политики»[28]. Такого же мнения, может быть, с некоторыми различиями, придерживались и другие специалисты — Моргентау, Фэрбенк. В противоположность им гоминьдановские идеологи, выступая вслед за Чан Кай-ши, подчеркивали интернациональные пружины деятельности КПК, пытаясь доказать, что нет никакой разницы между коммунистами различных национальных компартий. Все это делалось с целью поколебать стремление некоторых американских политиков сыграть на националистических тенденциях в КПК и попытаться оторвать эту партию от Советского Союза[29].

Правительство США в это время серьезно изучало вопрос о возможной победе коммунистов в Китае и о влиянии этой победы на международную обстановку[30]. Именно в этот период США приступили к осуществлению политики, направленной на предотвращение выступления крупных подразделений американских вооруженных сил в поддержку чанкайшистов. Длительное время военное

командование США было против идей госдепартамента относительно необходимости проведения более гибкой политики в Китае. Военные, например, были категорически против прогнозов госдепартамента, где опасались влияния внешних сил (имелся в виду Советский Союз). Только убедившись в бессилии Чан Кай-ши, военные согласились с дипломатами. В конце сентября 1949 года Объединенный комитет начальников штабов обсуждал целесообразность отправки на Тайвань, куда бежал Чан Кай-ши, военной миссии для выяснения обстановки и принял решение не делать этого.

После провозглашения Китайской Народной Республики в Вашингтоне началось обсуждение дальнейших шагов в отношении Китая. В госдепартамент были приглашены 25 специалистов (17 из них были связаны с Тихоокеанским институтом). В предварительной дискуссии было решено принять КНР в ООН и наложить запрет на помощь гоминьдановцам [31]. 12 октября специальные службы госдепартамента пришли к выводу о том, что Тайвань падет к 1950 году. Вашингтонская администрация склонялась к тому, что «лучшей мерой» явился бы компромисс с «новым режимом» в Китае, что позволило бы сохранить позиции Соединенных Штатов в этой стране.

В США началась кампания за признание новой власти в Китае. Со стороны официальных лиц выдвигались предложения, по существу, открывавшие путь к освобождению Тайваня Народно-освободительной армией. Госдепартамент разослал своим представительствам за рубежом, имеющим дело с прессой, рекомендации пропагандировать «незаинтересованность» США в Тайване. «Голос Америки» получил указание объяснять слушателям радиопередач в различных районах мира, что Тайвань «не представляет стратегической ценности» для США и что для Вашингтона «не имеет смысла оборонять этот остров» («падение Тайваня предвидится повсеместно» [32]).

Но когда 1 января 1950 г. содержание директивы госдепартамента было предано огласке, в конгрессе возник скандал. Там немало шумели о необходимости организовать военно-морскую защиту Тайваня. И вдруг такая пассивность со стороны администрации. Консервативные республиканцы (среди них Александр Смит и Ноуленд) потребовали публичного расследования источника ин-

формации. 5 января 1950 г. президент Трумэн еще больше разволновал оппозицию, заявив, что Вашингтон пытался избежать американской вовлеченности в активную подготовку обороны Тайваня. За Трумэном была поддержка большинства демократов в конгрессе. Пресса отмечала: каждый сенатор-демократ готов идти «до последнего» за президентом, хотя могут быть расхождения относительно деталей [33].

«У США нет желания получить специальные права, привилегии создать военные базы на Формозе, — заявил Трумэн 3 января 1950 г. — США не будут идти по такому пути, — обещал президент, — который мог бы вовлечь их в гражданскую войну в Китае». И это заявление Трумэна вызвало взрыв недовольства в среде республиканцев. В конгрессе появились сторонники оккупации Тайваня. 9 января 1950 г. во время дебатов сенатор Ноуленд, глава группировки «Азия прежде всего», пытавшейся сконцентрировать усилия США на азиатском направлении в противовес европейскому, призвал сделать кумира американских ультра Макартура координатором политики США на Дальнем Востоке.

Одним из методов борьбы за установление тесных связей США с новой властью в Китае стала активная пропаганда, направленная на фальсификацию советской дальневосточной политики. «Мы должны подчеркивать, — рекомендовал своему правительству внешнеполитический обозреватель «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер, — что мы не против коммунизма как формы правительства, но мы против советского империализма» [34]. Сульцбергер призывал своих коллег активно протаскивать идею о том, что Советский Союз стремится заменить одну форму колониализма другой. Такого рода рекомендациям отвечала официальная позиция госдепартамента. Государственный секретарь согласился не препятствовать допуску КНР в ООН и официально объявил о нежелании США включить в свой «периметр обороны» Тайвань и Южную Корею. Выступая с речью в национальном пресс-клубе 12 января 1950 г., Ачесон заявил, что «периметр обороны США проходит от Алеутских остров через Японию, острова Рюкю и Филиппины» [35]. В речи государственного секретаря были использованы для клеветы на СССР все аргументы из арсенала ведущих пропагандистов группировки «Азия прежде всего». Оратор пытался в то же время в сверхвыгодном свете

представить политику США. Американский пропагандистский аппарат действовал в том же направлении. Сульцбергер не ограничивался рекомендациями своему правительству, а активно пропагандировал идею «традиционного для русского империализма продвижения на Восток», всячески подчеркивая угрозу, которую якобы Советский Союз представляет для Китая.

Цель СССР, писал Сульцбергер,— установить «контроль от Туркестана через Монголию и Маньчжурию до тихоокеанских провинций СССР». Этому же автору принадлежат лживые утверждения об осуществлении Советским Союзом «программ интеграции Северного Китая в свою экономическую структуру». На антисоветский тон настраивалась и пропагандистская машина других капиталистических стран — «друзей» США. Японская «Ниппон таймс», например, помещала антисоветские материалы, во многих из которых содержалась явная клевета на политику СССР в отношении Китая, достойные рекомендаций Сульцбергера вымыслы о существующих будто бы у СССР домогательствах в отношении территорий Китая. Очевидно, что инициаторы всей этой возни стремились, кроме всего прочего, поощрить националистов в КПК на антисоветскую деятельность, воспрепятствовать усилению интернационалистических тенденций в деятельности Компартии Китая, содействовать укреплению положения в партии проамерикански настроенных лиц.

Активные спекуляции на проявлениях национализма в политике КПК не принесли успеха строителям дальневосточной политики США. Руководители КПК, взявшие курс на осуществление антифеодальной, антиимпериалистической программы, оказались — и многие из них вопреки своей воле — не в силах противодействовать интернационалистским тенденциям в политике КПК. Это, конечно, не означало, что представители коммунистического движения в Китае разом расстались с существовавшими в их среде серьезными колебаниями, вызванными незрелостью революционных сил, влиянием мелкобуржуазной идеологии, живучестью вековых традиций. В китайской прессе первых месяцев после образования КНР нашла свое отражение полемика по проблеме «с кем идти?».

В газетах и журналах отмечалось, что в революционной среде бытуют сомнения относительно целесообразности восприятия опыта Советского Союза (вспомним

беседы Дж. Сервиса с Мао Цзэ-дуном). У некоторых закралось сомнение, подмечала в связи с этим «Цяньцзиньжибао»: «Америка также является страной науки и техники. Почему у нее не следует учиться, а следует учиться у Советского Союза?»

Однако авторитет Советского Союза как величайшего оплота освободительных, антиколониальных революций оказывал влияние и на националистические элементы в КПК, на формирование их позиции в отношении США. Мао Цзэ-дун и его соратники могли позволить себе высказывания в пользу союза с США, не опасаясь за свое положение в партии, в период торжества освободительных идей антифашистской коалиции и сотрудничества СССР и США в рамках этой коалиции. В послевоенные годы США уже не выглядели в глазах народов столь привлекательно. Американский империализм, развязав «холодную войну», превратился в оплот новых форм колониального угнетения народов. Выступать теперь с призывами к дружбе с США, привлечению американского капитала и восприятия американского научно-технического опыта (что проявлялось в позиции Мао Цзэ-дуна в 1944—1946 гг.) — значило идти против течения, восстанавливая против себя своих же соотечественников и ослабляя тем самым свое личное положение в партии.

В революционном движении Китая в целом возобладала интернационалистическая линия. КНР провозгласила полную солидарность с Советским Союзом и его внешней политикой. 14 февраля 1950 г. были подписаны Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР и ряд других соглашений. Американские деятели оказались перед необходимостью признать крах своей политики в Китае.

Интернационализм, восторжествовавший тогда в руководстве КПК, удручающе действовал на «умиротворителей» китайской революции. 20 февраля сенатор-республиканец Джозеф Маккарти выступил в сенате с обвинениями о «коммунистической деятельности» в госдепартаменте [36]. Открывалась одна из самых печальных страниц в американской истории.

Глава VI

●

ТЯЖБА В СЕНАТЕ

Перед комиссией Тайдингса

Свидетелями первого шага оголтелого демагога Маккарти стали члены женского клуба в Уилинге, перед которыми он выступил 9 февраля 1950 г. «У меня в руках список из 205 фамилий, — заявил сенатор, — которые были сообщены государственному секретарю как фамилии членов Коммунистической партии и которые до сего времени значатся в числе лиц, работающих и планирующих политику в госдепартаменте». Коммунисты и предатели в дипломатическом ведомстве? Для обывателя это было слишком!

В госдепартаменте подготовили опровержение, но оно лишь подлило масла в огонь. 22 февраля 1950 г. сенатор Скотт Лукас представил резолюцию, требующую расследования «нелояльных элементов» среди дипломатов.

8 марта 1950 г. начались дебаты в подкомитете, возглавляемом сенатором Тайдингсом (комиссия по иностранным делам сената). Десять человек из подкомитета вынуждены были разбираться в нагромождениях Маккарти, объявившего о намерении рассказать все о лицах, упомянутых в его февральской речи. На вопрос, есть ли у него доказательства, Маккарти ответил: «Находятся в досье госдепартамента». «Вы вынуждены будете покинуть комитет в затруднительном для себя положении,— предупредил Тайдингс настойчивого коллегу, — как мы можем добыть документы? Нам позволят познакомиться с ними.., если вы или кто-нибудь другой выдвинете официальное обвинение»[1].

— Я представляю комитету информацию, — последовал ответ.

— Но доказательства?

— Ищите в госдепартаменте...

Несмотря на отсутствие официальных обвинений, в нарушение практики Тайдингс обратился к Трумэну с просьбой показать документы из упомянутого Маккарти

досье. Президент дал согласие. Маккарти сразу же заявил: досье документов, подтверждающих «предательство» в госдепартаменте, «обкрадено». Однако проведенное расследование показало, что к документам никто не прикасался. От Маккарти ждали разъяснений.

В поисках доказательств сенатор от Висконсина обратился к небезызвестному Альфреду Кольбергу. Гоминьдановский лоббист в это время развил бурную деятельность против видных деятелей Тихоокеанского института Оуэна Латтимора, Филиппа Джесаппа и др.; он обещал предоставить расследователям обильный материал о «подрывной деятельности» в США. Дж. Маккарти просил Кольберга подробно рассказать, как их соотечественники шаг за шагом «продавали» Китай. Когда же у висконсинского сенатора потребовали, наконец, факты, подтверждающие предъявленные им обвинения, то в дело пошло состряпанное Кольбергом блюдо. Сенатор произнес публичную речь, в которой говорил о «предательстве интересов» Китая. «Не китайская демократия под водительством Мао покорила Китай, как это представляют Ачесон, Латтимор, Джесапп и Хэнсон, — поучал коллег Маккарти, — Советская Россия завоевала Китай, и наиболее важными союзниками в этом деле являлись эти левые элементы в нашем госдепартаменте»[2].

Одним из первых, кому маккартисты и гоминьдановские лоббисты пытались приклеить ярлык «русского агента», был Оуэн Латтимор. В предъявленных обвинениях Латтимор фигурировал как член редколлегии журнала «Амерэйша». Он уже тогда был крупным специалистом по Востоку. Сам Рузвельт рекомендовал Латтимора в свое время на пост советника при правительстве Чан Кай-ши. Возвратившись в 1942 году из Китая, Латтимор работал в департаменте военной информации и позднее, в 1945 году, был специальным экономическим советником при миссии США в Японии. К тому времени, когда Кольберг начал подбрасывать Маккарти «доказательства» виновности ведущих специалистов по Китаю, за плечами Латтимора был солидный стаж научной, публицистической и практической деятельности. Весь его жизненный опыт говорил о широком научном кругозоре и знании китайской действительности. Родился Латтимор в 1900 году в Вашингтоне, детские и юношеские годы провел в Китае — отец его около 20 лет преподавал в

этой стране и работал в качестве советника по делам просвещения при китайском правительстве. Теперь же Латтимор должен был держать ответ перед ослепленными манией величия и кичившимися своим ультрапатриотизмом филистерами.

Маккарти не ведал, когда начинал склоку, о большом влиянии Латтимора в мире науки. Он понял это лишь позже. «Может быть, в деле с Латтимором я слишком много внимания уделял вопросу, является ли он шпионом или нет, — оправдывался висконсинский сенатор. — Я считаю, вы можете спросить любого школьника, кто инициатор нашей дальневосточной политики, — заявил Маккарти, — и он ответит — Оуэн Латтимор»[3]. Действительно, целое поколение американских востоковедов зачитывалось его трудами и, естественно, находилось под влиянием взглядов ученого. Тогда Маккарти решил перевести внимание коллег с «предательства» ученого на «преступления» дипломатов. С легкой руки маккартистов оказалось, что Джесапп — профессор международного права Колумбийского университета, связан с «коммунистическим фронтом». Одна из причин, вызвавших к жизни такие обвинения, таилась в злобной ненависти чанкайшистов и их сторонников к редактору «Белой книги по Китаю», вышедшей в 1949 году, а им был Джесапп. Как известно, составители и редакторы «Белой книги» подчеркивали возможное использование в интересах США националистических тенденций в политике руководства КПК, пропагандировали особый, отличный от других компартий характер КПК, демонстрировали желание ограничить связи с Чан Кай-ши и наладить сотрудничество с КПК. Книга должна была, в частности, как рассчитывали ее издатели, подготовить более благоприятные (как внутриполитические, так и внешнеполитические) условия для возможного признания Соединенными Штатами новой власти в Китае. Однако Джесапп чувствовал себя уверенно: ведь он действовал в рамках китайской политики США первых послевоенных лет. И на этот раз расследование для Джесаппа окончилось удачно. Он представил письма от генералов Маршалла и Эйзенхауэра, одобрявших его деятельность, вспомнил о критике в свой адрес на страницах советской печати. Обвинения против него были признаны несправедливыми, необоснованными и даже «подрывающими престиж США».

Следующей жертвой маккартистов стал (в который раз!) Дж. Сервис. 15 марта сенатор Джозеф Маккарти сообщил, что ни он, ни его сторонники не удовлетворены оценкой деятельности Дж. Сервиса, данной госдепартаментом, и потребовал повторного рассмотрения дела. К этому времени Сервис уже был отстранен от штурвала китайской политики (первый результат дела «Амерэйша») и направлялся к месту своего нового назначения в Калькутту. Срочная телеграмма застала его в дороге: снова ждали расследователи. В руках Дж. Сервиса, как представлял дело Маккарти, находились ключи планирования китайской политики в Дальневосточном отделе госдепартамента. Обвиняемому приписывалось участие в деятельности «просоветской группы» в госдепартаменте, содействие свержению Чан Кай-ши и созданию «объединенного Китая с коммунистическим правительством во главе». В качестве основных доказательств фигурировали сообщения Сервиса из Китая и дело «Амерэйша».

Дж. Сервис в подкомитете Тайдингса не раз оказывался под перекрестным допросом, однако держался стойко. Он не делал тайны из своих связей с журналом «Амерэйша»: «Приходилось отбирать некоторые из личных записок — обычно описательного характера, — не затрагивающих военных и политических проблем». С этими материалами, считал Сервис, можно было ознакомить редактора журнала Джаффе как специалиста по Китаю, ибо они не отражали мнения ни посольства, ни армии, ни госдепартамента. Сам автор рассматривал свои записки не иначе, как репортерские заметки, не имевшие к тому же особого практического значения, поскольку информация, содержавшаяся в них, давно уже стала достоянием читающей публики. Эти бумаги, подчеркивал обвиняемый, никогда не изымались из официального досье, поскольку никогда там не находились,— все документы Джаффе вернул.

Подкомитет Тайдингса вынес оправдательный вердикт, гласивший: «Дж. Сервис находился в особом положении в Китае и в соответствии с пожеланием генерала Стилуэлла поддерживал отношения с представителями американской прессы в Китае, чтобы держать их в курсе политических и военных событий на китайском театре военных действий. Ему была предоставлена большая, нежели какому-либо другому официальному лицу того

же ранга, свобода для контактов с прессой. Необходимо также подчеркнуть, что Филипп Джаффе и другие лица, сотрудничавшие с «Амерэйша», признавались общественным мнением весной 1945 года уважаемыми журналистами и писателями»[4].

Среди тех, против кого ополчился Маккарти, был и Дж. Винсент. Одним из центральных обвинений, предъявленных ему, была поездка с Г. Уоллесом в Китай. Вспомнили и то, что в 1946 году Винсент в речи перед Американским советом внешней торговли поставил под сомнение целесообразность инвестирования капиталов в Китай. Иные «патриоты» пытались доказать также, что «деятельность, советы и рекомендации» Винсента соответствовали программе... коммунистического интернационала и официальному документу коммунистов «о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах». Правда, государственный секретарь сумел отвергнуть эти нелепости, однако Винсенту все же пришлось проститься с китайскими делами.

Обстановка в стране не благоприятствовала наступлению маккартистов. Идеи антифашистской коалиции, ради которых приносил свои жертвы и американский народ, в значительной мере сковывали действия ультрапатриотов, ослепленных ненавистью к коммунизму.

Большинство членов комиссии Тайдингса не поддержали обвинений, выдвинутых Маккарти. Час маккартизма еще не пробил. Но расследование не прошло для обвиняемых бесследно. Судьба дипломатов, сотрудничавших со Стилуэллом, отныне уже не была связана с Китаем. Дж. Дэвис получил назначение в Москву. Дж. Винсента перебросили в Швейцарию, но и там не оставили в покое, заставляя время от времени отвечать на многочисленные вопросы[5]. Дж. Сервис также не смог войти в курс своих новых дел в Калькутте: он был снова отозван в Вашингтон, где его ждали расследователи.

Как-то в феврале 1945 года Дж. Сервис предложил своим друзьям пари, что «лет через пять коммунисты станут доминирующей силой в Китае». Проигравшие должны были дать обед в одном из лучших вашингтонских ресторанов. Побежденная сторона признала долг, однако обед так и не состоялся: опасность тюремного заключения не давала особого повода для торжества. За шесть лет по делу «Амерэйша» Сервиса привлекали к расследованию шесть раз.

Пробил час маккартизма

Война в Корее придала новые силы маккартистам и гоминьдановским лоббистам. Вступление китайских добровольцев в освободительную борьбу корейского народа стало важным фактором, повлиявшим на активизацию деятельности китайских лобби в США. Тайбэй был осведомлен о намерениях китайской стороны направить в Корею добровольцев, и чанкайшисты весьма надеялись на переход войск генерала Макартура через 38-ю параллель, что должно было — они верили в это — привести к ответным действиям КНР, то есть к непосредственному американо-китайскому столкновению. «Если это произойдет, — телеграфировало тайваньское посольство в Вашингтоне, — тогда наши позиции укрепятся в значительной степени».

В США развернулась широкая кампания по обработке общественного мнения в пользу Чан Кай-ши. Сторонники Тайбэя искали более гибкие и изощренные пути для проведения в жизнь своих идей. «Республиканцы в сенатской комиссии по иностранным делам, — докладывали Чан Кай-ши его агенты из США, — обнародовали заявление, подвергающее резкой критике послевоенную дальневосточную политику США... Если корейская война не закончится за эту предвыборную кампанию, эта проблема будет центральной для республиканцев. Наше правительство должно полностью оградить себя от внутриполитических проблем США. Но демократическая партия не сможет избежать безосновательных нападок на наше правительство и нашего президента. Наши нейтральные американские друзья советуют нам быть готовыми к отражению такого рода безосновательных нападок путем использования действительных фактов, чтобы избежать таким образом недопонимания со стороны американской общественности. Если мы будем довольствоваться лишь тем, что делают для нас республиканцы, то это не приведет к желаемым результатам... Мы должны использовать лиц, находящихся вне правительственной сферы. Этот метод будет более эффективным». И в соответствии с подобными рекомендациями сторонники Чан Кай-ши вербовались среди ученых, публицистов, общественных деятелей.

События в Корее накалили страсти вокруг проблем дальневосточной политики США. Дело «Амерэйша» по-

лучило новое звучание. 18 августа 1950 г. Кольберг разослал в газеты письма, в которых изложил историю схватки с О. Латтимором. «18 марта 1947 г. я опубликовал заявление о том, что Латтимор поддерживает контакты с главами Коммунистической партии и действует в пользу советской разведки, — напоминал гоминьдановский лоббист. — 23 мая я повторил это... Господин Латтимор не привлек пока меня к ответственности за клевету»[6]. Особенно «актуальным» представлялось напоминание о критике Латтимором Ли Сын Мана. Вновь вспомнили о «подрывной» деятельности американских дипломатов в Китае, о срывах в деле помощи гоминьдановскому правительству. Заговорили об «особой» линии Ачесона в 1949 и начале 1950 года и о других подобных фактах.

Час маккартизма действительно пробил. Друзья Маккарти получили солидную финансовую поддержку техасских миллионеров, крупнейших нефтепромышленников; они активно использовали пропагандистские каналы нефтепромышленника Ханта для развертывания бешеной кампании против Тайдингса, объявив его «прокоммунистом». Приклеивать ярлыки считалось модным. В борьбе с Тайдингсом Маккарти одержал верх. Вполне естественно, что все решения, принятые в комиссии Тайдингса и оправдывающие сотрудников госдепартамента, были поставлены под сомнение.

Далее события развивались так. 14 февраля 1951 г. Маккарти появился в сенате и выступил с серией обвинений в адрес генерала Маршалла[7]. Суровой критике подверглась миссия Маршалла в Китай. Говорилось, в частности, о том, что генерал попал под влияние Чжоу Энь-лая[8]. Посредническая миссия Маршалла представлялась как итог непростительных заблуждений в правительстве относительно природы коммунистического движения в Китае. Соратник Маршалла по его миссии Робинсон издаст спустя много лет книгу, посвященную американской политике в Китае, где также охарактеризует линию на переговоры с КПК как ошибочную. Робинсон попытается подвести читателя к мысли о том, будто в основе различий в подходе (Чан Кай-ши и американских политиков) к проблеме взаимоотношений с КПК лежал неодинаковый уровень практики: двадцатилетний опыт взаимоотношений Чан Кай-ши с КПК и недостаток этого опыта у американцев. Робинсон отме-

чал, что Чан Кай-ши не доверял КПК, а Вашингтон старался верить во «временный» характер влияния СССР в Китае, был склонен рассматривать КПК как партию местного характера, имеющую собственные «традиционные амбиции»[9], и недооценил эти «амбиции» (стремления установить контроль над всем Китаем, разрушить политическую и социальную структуру, противодействовать демократическому режиму в стране).

Маккартисты, в отличие от Робинсона, курс Вашингтона на посредничество между враждующими сторонами в Китае изображали проще: США не удалось поставить под контроль китайскую революцию лишь потому, что в госдепартаменте засели... коммунисты.

Люди Маккарти не были разборчивы в выборе средств, когда хотели ошельмовать очередную жертву. В списках обвиняемых в качестве «высокопоставленного коммуниста, чрезвычайно важного для России», «неотъемлемого звена шпионской сети в госдепартаменте» фигурировал Дж. Картер Винсент, который однажды получил телеграмму с просьбой встретиться в определенном месте, подпись под телеграммой ни о чем ему не говорила. Оказалось, что агенты Маккарти в Европе послали эту телеграмму, подделав подпись швейцарского коммуниста. Замысел маккартистов был исключительно прост: копия телеграммы должна была бы фигурировать в качестве вещественного доказательства связей Винсента с коммунистическим движением[10].

Маккартисты торжествуют

Поход интервентов против корейского народа возглавлял любимец ультрапатриотов различных мастей, кумир группировки «Азия прежде всего» генерал Макартур. Его линия — линия наиболее авантюристических кругов США — таила в себе угрозу превращения локального военного конфликта в глобальный, и план Макартура, предусматривающий установление блокады китайского побережья, разрушение промышленного потенциала Китая воздушными бомбардировками, привлечение чанкайшистов к военным действиям в Корее, вызывал опасения мыслящих в реалистическом духе американских политиков.

Задачи глобального противостояния силам социализма требовали мобилизации усилий США и европейского

империализма (НАТО) против Советского Союза, против растущего влияния идей социализма в мире. Военная вовлеченность США в Китае, по мнению противников Макартура, могла осложнить отношения США со своими союзниками (прежде всего с Англией), ослабила бы общий фронт империализма. В Лондоне позицию Макартура называли не иначе, как безответственной и легкомысленной. Бомбардировки мостов через р. Ялу непосредственно затрагивали интересы КНР. Генерал играл с огнем и просчитался. В апреле 1951 года состоялась его отставка. Это событие, однако, в значительной степени содействовало созданию в США обстановки необузданной антисоветской, антикоммунистической истерии. В центре злобной клоунады оказались дискуссии вокруг китайской политики США. Макартур представлял себя жертвой тайного заговора в госдепартаменте. Дипломаты, по мнению генерала, продавали, как гнусные предатели, сведения англичанам, а те — Китаю. В Лондоне признали откровения отставника безответственной чепухой и заявили: «У России будут свободными руки в Европе, если США завязнут в Китае»[11]. Мы должны помнить, говорил в тон англичанам Ачесон, что наш главный враг не Китай, а Советский Союз. Это был центральный вопрос, отражавший идеи укрепления союза империалистов США и Западной Европы. Именно это обстоятельство имел в виду сенатор-демократ Дж. Фулбрайт, когда скрестил свои шпаги с маккартистами во время расследования [12].

Сторонникам Макартура мерещились зловещие козни «подпольной организации» в госдепартаменте, управляемой агентами из Советского Союза. Сам генерал захватил с собой из Японии ящики документов по делу Рихарда Зорге и лиц, связанных с «подрывной» деятельностью в США (этих ящиков в самолете Макартура насчитывалось якобы до 21). Документы по делу Зорге Макартур рассматривал как неожиданный сюрприз своим противникам. Многих деятелей госдепартамента всерьез охватило беспокойство, когда генерал заявил, что в документах фигурируют не менее 125 американцев, «которых русские считали полезными для своих целей на Дальнем Востоке». Среди них, предсказывал генерал, есть несколько известных специалистов, связанных с китайской политикой госдепартамента. Начальник разведки Макартура Уиллоби хвастал, что его досье насчиты-

вает до 180 агентов «международного коммунизма» [13].

Много внимания Уиллоби уделил Агнессе Смедли, которая, по его сведениям, сотрудничала с Зорге. В 1948 году изложение доклада Уиллоби было опубликовано в официальном вестнике конгресса. Новость вызвала противоречивые толки: одни, отдавая дань «холодной войне», предупреждали о необходимости соблюдать предосторожность, ибо близкий друг, как это было в деле Зорге, может оказаться агентом вашего врага, другие — а к ним, как ни странно, принадлежали и деятели Пентагона, — выражали сомнения в отношении правдоподобности собранных ведомством Уиллоби фактов. В Пентагоне, например, усомнились в причастности Смедли к делу Зорге. Уиллоби воспринял такого рода отношение к своей деятельности как оскорбление, нанесенное Макартуру и ему лично. Он спешно направил своих агентов в Гонконг и Шанхай, чтобы добыть доказательства конспиративной деятельности Смедли. Печать не сообщала, каким образом Уиллоби удалось добыть доказательства. Однако весной 1950 года решено было начать расследование, но Агнесса Смедли умерла.

В период агрессии США в Корее маккартисты с особым рвением отстаивали тезис о «предательстве» американскими дипломатами дела Чан Кай-ши, резко выступали против расчетов своих соотечественников, предлагавших посеять разногласия в советско-китайских отношениях, активно защищали радикальную программу генерала Макартура.

Генерал Хэрли, выступая от лица сторонников ревизии дальневосточной политики США, подчеркивал свой опыт в китайских делах, вспоминал неудачи своей миссии в Китай. Успех Советского Союза на Дальнем Востоке он представил как результат слабости внешней политики США, в частности отказа предоставить Чан Кай-ши необходимую помощь. Хэрли, как и Уиллоби, вспомнил и о «предательстве» американских дипломатов в Китае. Дж. Сервис, согласно его утверждениям, передал в руки лидеров КПК один из своих докладов Стилуэллу, в котором резкой критике был подвергнут режим гоминьдана [14]. Гоминьдановские лоббисты неистовствовали. «Почему, — раздавались пронзительные выкрики, — вы не позволили военно-воздушным силам Макартура бомбардировать промышленные районы, базы снабжения и войска противника в Маньчжурии.., почему позво-

лили СССР через своих агентов установить контроль, к которому стремились японцы, и закрыть двери остальному миру?!» Недостатка желающих заняться политическими спекуляциями вокруг отставки Макартура не ощущалось. Расследование по делу Макартура вовлекло вновь широкий круг лиц.

В июле 1951 года начались дебаты вокруг деятельности Тихоокеанского института. Против ученых выросла гора обвинений. Группа лиц, действующих в Тихоокеанском институте и вокруг него, выносили вердикт расследователи по этому делу, оказывала значительное влияние на дальневосточную политику США. Получалось, что Оуэн Латтимор и Дж. Картер Винсент содействовали изменениям, происшедшим в 1945 году, которые были «благоприятными для коммунистов». За период с 1945 по 1949 год лица, связанные с институтом, были «орудием осуществления американской политики в благоприятном для коммунистических целей направлении»[15].

Такого рода заключения и по форме и по существу резко отличались от документов комиссии Тайдингса 1950 года. В специальном подкомитете комиссии по иностранным делам шло расследование обвинений, предъявленных маккартистами Джесаппу, которого госдепартамент собирался направить в ООН. Они сводились к редактированию «Белой книги по Китаю» (1949 г.), участию в деятельности Тихоокеанского института. Тремя голосами против двух подкомитет провалил решение о назначении Джесаппа. «Это великий день для Америки, — торжествовал Маккарти, — и тяжелый день для коммунистов»[16].

Во время одного из расследований сенатор Бриджес допрашивал Ачесона, государственного секретаря в правительстве Трумэна. Между ними состоялся следующий диалог.

Бриджес: Г-н секретарь, Вы заявили, что США предоставили антикоммунистическому (чанкайшистскому. — В. В.) правительству Китая финансовую помощь в дополнение к неоценимой помощи в виде военных консультаций. Так ли это?

Ачесон: Я думаю, со времени окончания войны действительно так.

Бриджес: Направляем ли мы сейчас какую-либо военную и экономическую помощь антикоммунистическому правительству в Китае?

Ачесон: Да.

Бриджес: Поддерживаем ли мы сегодня антикоммунистическое национальное правительство Китая?

Ачесон: Да.

Бриджес: Когда Раск заявил, что антикоммунистическое национальное правительство Китая в большей степени представляет китайский народ, нежели коммунистическое правительство Китая, был ли он прав?

Ачесон: Оно завоевало это признание, и мы признали его по этой причине.

Бриджес: Г-н Раск, ратуя за подобную политику, действует от имени администрации?

Ачесон: Он ратует за политику, которой администрация постоянно придерживается.

Бриджес: Таким образом, если мы имеем в нашей стране китайское лобби, о котором мне ничего не известно в действительности, то оно поддерживает политику США. Разве не так?

Ачесон: Если именно это делает китайское лобби, то оно поддерживает политику.

Бриджес: И мы признали, что антикоммунистическое национальное правительство, возглавляемое Чан Кай-ши, стоит на прочных антикоммунистических позициях. Не так ли?

Ачесон: Да.

Бриджес: Разве мы не признали также, что так называемое народное правительство Китая является полностью прокоммунистическим, убивает американцев и является нашим ведущим врагом в ограниченной войне?

Ачесон: Да.

Бриджес: Таким образом, разве не является правдой то, что любой, кто нападал на антикоммунистическое национальное правительство, возглавляемое Чан Кай-ши — а его поддержка является нашей твердой и последовательной политикой, другими словами, поддержка антикоммунистического китайского правительства, — выступает в защиту политики, полностью отличной от политики США?

Ачесон: Я не знаю, что вы подразумеваете под словом «нападать»... Если они выступают за необходимость поддержки нами коммунистического

правительства, без поддержки националистического правительства, они отстаивают политику, противоположную политике нашего правительства.

Бриджес: И если в нашей стране есть сегодня лобби или группа людей, действующих в этом плане, то их можно назвать лобби коммунистического Китая. Не правда ли?

Ачесон: Им можно дать любое наименование, сенатор. Это зависит от того, как их изобразить.

Бриджес: Если мы выясним, что представители коммунистического китайского лобби в нашей стране допускаются к рычагам власти и управления, и если мы найдем некоторых из них в американском правительстве, то не следует ли их немедленно атаковать, так же как мы бомбардировали Макартура? Или Макартур был подвергнут нападению, поскольку он расходился с политикой правительства?

Ачесон: Я полагаю, должны быть приняты надлежащие меры [17].

Ачесон, как видно, сдался. Именитые деятели в среде демократов и республиканцев всерьез говорили о роковых ошибках госдепартамента, политических советников. Эти люди, бросали обвинения экстремисты из республиканской партии, «случайно или намеренно пришли к ложному выводу о том, будто китайские коммунисты каким-то образом отличаются от других коммунистов». Люди, совершившие эту непростительную ошибку, должны — выдвигалось требование — быть заменены другими лицами [18]. В таком же духе высказывался и конгрессмен Дж. Ф. Кеннеди. «Есть такие люди, — с сожалением отмечал он, — которые до сего времени утверждают, будто китайский коммунизм не является настоящим коммунизмом, а представляет собой все лишь преуспевающее аграрное движение, не получающее директив из Москвы». То, что американские парни спасли во время войны, наставлял соотечественников Дж. Кеннеди, разбазарили вашингтонские дипломаты [19]. «Даже тогда (в 1945 г. — *В. В.*), — отбивался от Маккарти Маршалл, — я был уверен в коммунистических убеждениях китайцев» [20].

Маккарти доказал, что своей тяжбой в сенате он способен поставить в затруднительное положение не только чиновников госдепартамента, но и видных государствен-

ных деятелей. Для инакомыслящих наступили тяжкие времена. Столы работников дипломатической службы тщательно обыскивались, личная корреспонденция вскрывалась и прочитывалась, телефонные разговоры прослушивались, секретарей постоянно допрашивали относительно лиц, с кем им приходилось работать и встречаться. «Я не думаю, — с циничной откровенностью говорил в 1952 году А. Кольберг, — что все 250 млн. долл., израсходованные на госдепартамент, были излишней тратой. Некоторая сумма из этого не была истрачена попусту: она пошла на оплату услуг хороших американцев в этом учреждении, которых я рассматривал в качестве проамериканского подполья, собиравшего необходимую информацию»[21]. Маккартизм торжествовал победу.

Совместные действия социалистических стран в борьбе с американской агрессией в Корее, курс правительства КНР на дружбу и сотрудничество с СССР, несомненно, ослабляли аргументы в пользу наличия националистических тенденций в деятельности КПК и возможного использования этих тенденций в глобальном противостоянии империализма Советскому Союзу, всем социалистическим странам. Сама деятельность интернационалистских сил в КПК, подавлявшая весьма ощутимые в китайском обществе подспудные националистические течения, представляла американским политикам ответ на вопрос: что же являют собой китайские коммунисты? Эта деятельность ограничивала возможности Вашингтона в деле спекуляций на националистических тенденциях в КПК, сковывала силы американских либералов, а они, будучи озабочены судьбами капитализма, искали более удобные и приемлемые для США пути осуществления политики в Китае.

Глава VII

●

«ЕСЛИ ЕСТЬ ШАНС, ТО ЕГО СЛЕДУЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ!»

Ригорист Дж. Ф. Даллес и реалист Дж. К. Винсент

Китайская политика США 50-х годов вписывалась в рамки общей стратегической линии империализма на противоборство с социалистической системой. В отношении КНР, на которую США смотрели как на неотъемлемый компонент мировой системы социализма, они осуществляли жесткий курс: отказ от непрерывных контактов, полная экономическая блокада, военное давление, что не исключало и вооруженные провокации.

В тот период США рассматривали в качестве своей главной задачи укрепление позиций в Европе, и китайская политика приобрела для Вашингтона особую важность в связи с необходимостью обеспечения прочного тыла в Азии. Поиск взаимопонимания с КПК в 40-х годах (миссия «Дикси», миссия Хэрли, миссия Маршалла) предполагал, среди прочего, создание стабильной, с точки зрения Вашингтона, обстановки для мобилизации сил на главном — европейском — направлении. Требования «атлантического единства», оказываясь в центре внимания инициаторов внешней политики США, зачастую подавляли их стремление к авантюристическим акциям на Дальнем Востоке. Эти тенденции находили свое отражение во внутриполитической борьбе в США по вопросам внешней политики, в частности китайской политики.

Казалось, что к 50-м годам маккартистские легенды о «предательстве интересов Китая» должны были бы порасти мхом. Но нет. Они оставались, как и прежде, в политическом арсенале республиканцев. Утверждение Маккарти о «двадцати годах измены» на все лады перепевалось и при правительстве Эйзенхауэра — Даллеса. Среди «предателей Китая» назывались, как и прежде, Стилуэлл и Винсент. Правда, их представляли в несколько лучшем свете, чем, скажем, Оуэна Латтимора. Последнего так и заклеймили как «агента Кремля».

В 1951—1952 годах активно действовала комиссия расследователей, возглавляемых Маккареном. Расследователи получали информацию из рук гоминьдановских лоббистов и лиц, связанных с ними. Одним из достижений комиссии стало устранение критики как фактора, влияющего на формирование общественного мнения и самой китайской политики США. Специалисты из госдепартамента, делавшие в свое время ставку на националистические тенденции в КПК, на возможность использования маоистов в американских интересах, впали в немилость. Из двадцати двух профессионалов-китаистов госдепартамента, начавших свою дипломатическую деятельность до второй мировой войны, после маккартистского шабаша на дипломатической работе, связанной с проблемами Китая, осталось лишь двое [1].

Даллес заканчивал расчистку либеральных закоулков. Ему активно помогали тайваньские лоббисты. Особенно неистовствовала пресса Г. Люса. В январе 1953 года «Тайм» поместил заметку «Дело Винсента», где заклеймил «прокоммунистическую и антинационалистическую противогоминьдановскую линию в госдепартаменте».

Дж. К. Винсент сумел при Ачесоне избежать безжалостного приговора расследователей лояльности. Но при Даллесе, в 1952 году, он вынужден был возвратиться из Танжера и предстать перед комиссией Маккарена. Посыпались новые обвинения. Расследователи представляли Винсента то в качестве коммуниста, то в роли недоучки и невежды, абсолютно не разбирающегося в делах коммунизма. Однажды Даллес помахал перед Винсентом работой И. Сталина «Вопросы ленинизма» и спросил: «Вы читали ее?» Получив отрицательный ответ, отчеканил: «Если бы вы прочли ее, то не стали бы отстаивать ту политику, которую осуществляли в Китае». Гоминьдановский лоббист сенатор Бриджес составил перечень обвинений против Винсента. И среди них были следующие:

1. Действия и советы, соответствующие рекомендациям программы Коммунистического интернационала и резолюции VI конгресса Коминтерна относительно революционного движения в колониальных и полуколониальных странах (1928 г.).

2. Продемонстрированное во время работы в американском посольстве в Чунцине (1941 г.) чедовольство

деятельностью посла Гауса, неуважение к китайцам, антияпонские настроения (до начала войны), симпатии к идеологии коммунизма, высказывания по поводу американской эксплуатации дешевого китайского труда.

3. Получение коммунистами информации о содержании личной переписки между дипломатами из госдепартамента и посольством в Чунцине в то время, когда Винсент занимал ведущие посты по дальневосточным делам во внешнеполитическом ведомстве.

4. Подготовка заявления Трумэна от 15 декабря 1945 г. о направлении генерала Маршалла в Китай, рекомендации правительству Чан Кай-ши принять условия КПК по созданию в Китае коалиционного правительства под угрозой отказа предоставления дальнейшей помощи США Чунцину.

5. Предоставление в конце 1946 года государственному секретарю Бирнсу рекомендаций относительно необходимости прекращения всей помощи правительству Чан Кай-ши.

6. Заявление (11 ноября 1946 г.) об отсутствии необходимых условий для инвестирования капитала в страны, где «процветает коррупция в бизнесе и официальных кругах».

7. Поездка в Китай в 1944 году вместе с О. Латтимором, членом редколлегии «Амерэйша», журнала по проблемам Азии, и Г. Уоллесом. Непосредственное участие в подготовке доклада Г. Уоллеса об итогах поездки в Китай.

8. Деятельность дальневосточного отдела госдепартамента в «просоветском плане». Указывалось, что Латтимор и Винсент направляли в Китай лиц, известных своими «симпатиями к красным». Среди этих лиц упоминались Дж. Сервис, Т. А. Биссон.

Ачесон выступил в защиту Винсента, доказывая, что все обвинения — плод фантазии.

«Мы христиане, мы демократы, мы лояльные американцы», — искал себе оправданий Винсент. Он даже сочинил оправдательное письмо на имя Г. Люса, в котором сквозила надежда на то, что его все же поймут. Комиссия Маккарена из-за недостатка улик признала Винсента виновным всего лишь в «симпатиях к коммунизму», но Даллес сделал все, чтобы отстранить кадрового дипломата от дел: «Я не думаю, — заявил в марте 1953 года Дж. Даллес, — что он сможет успешно продолжать

службу в качестве сотрудника дипломатического ведомства США»[2]. Отставной дипломат осел в Кэмбридже. Для него это было лучшим выходом.

Американский автор Росс Террил уделил немало внимания делу Винсента. Он, как и многие его коллеги, стремился реабилитировать жертвы маккартизма, а заодно пытался объяснить характер дальневосточной политики США поведением отдельных американских политических деятелей, в частности Дж. Ф. Даллеса. Р. Террил прослеживает развитие событий начиная с 30-х годов, когда Винсент приступал к консульской службе в Дайрене. Одним из важнейших путей предотвращения экспансии Японии дипломат считал поддержку Чан Кай-ши. «Американские права и интересы, — говорил он, — не могут быть обеспечены, если не будет гарантирован суверенитет Китая». Он призывал к всесторонней помощи Чан Кай-ши, к коллективным акциям заинтересованных держав против Японии. Даллес в то время действовал иначе. В 1938 году он поехал в Китай и уговаривал Чан Кай-ши достичь компромиссного соглашения с Японией. Винсент не отрицал возможности американской интервенции в Китай, но считал это целесообразным в 30-х годах, а не в конце 40-х годов, когда правительство Чан Кай-ши, по существу, утеряло контроль над страной. «Винсент, а не Даллес, — подчеркивает Р. Террил, — пытался предотвратить шествие Японии в Китае именно в то время, когда обуздание агрессора могло помешать Мао Цзэ-дуну извлечь огромный политический капитал из антияпонской борьбы. В слабости Китая Винсент видел основную причину неудач дальневосточной политики США»[3].

Различие во взглядах Даллеса и Винсента отражало борьбу не вокруг целей китайской политики США, а вокруг средств ее осуществления как в довоенный, так и в послевоенный период, что вряд ли может служить доказательством ошибочности — с точки зрения империалистических интересов — подхода какого-либо одного — пусть даже самого видного — государственного деятеля. Винсент поклонялся вильсонианской идее «территориальной целостности, стабильности и политической независимости» Китая. Тезис этот был снова взят на вооружение в 70-х годах, чтобы показать «добрые и дружественные» традиции китайской политики США. Однако идея «стабильного, независимого Китая» не выливалась

в «абстрактную антиимпериалистическую позицию», она имела вполне определенный социальный смысл: обеспечить такой порядок, при котором США, опираясь на преимущества сильной в экономическом отношении державы, могли бы с выгодой использовать коммерческую свободу на рынке «независимого» от какой-либо одной империалистической державы Китая. Эту идею проповедовали и гоминьдановские лоббисты, на которых, кстати сказать, опирался в осуществлении своей китайской политики Дж. Даллес.

Идеи «территориальной целостности» Китая вступали в противоречие с политикой содействия агрессии против Китая. Но это была противоречивость самого американского внешнеполитического курса, а не различия в позициях Даллеса и Винсента. Даллес был всего лишь одной из фигур в общей игре, имевшей целью умиротворить агрессора. Послевоенная деятельность Даллеса, выразившаяся, в частности, в наскоках на американских либералов типа Винсента, определялась, конечно, не только и не столько личными устремлениями государственного секретаря, а общими установками американского внешнеполитического курса периода «холодной войны».

«Теория домино»

Эйзенхауэр и Даллес, не стесняясь, твердили о своем намерении нанести удар по Китаю, если не будет достигнуто перемирие, не только на китайском фронте, но и на любом другом, который они предпочтут. С именем Даллеса связано создание целой системы военно-политических союзов в районе бассейна Тихого океана как на двусторонней (с Японией, Тайванем, Южной Кореей и др.), так и на многосторонней (АНЗЮС, СЕАТО) основе, направленных против Советского Союза, КНР, против китайско-советского союза. Те, кто пытался поставить вопрос об изменении отношения США к Китаю, неизбежно должны были выступать за пересмотр блоковой политики и не только становились на пути у Дж. Даллеса и других сторонников «жесткого курса», но и объективно превращались в противников официальной правительственной линии, которая основывалась на бескомпромиссности в отношениях с социалистическими странами, на отрицании любых предложений относительно воздействия

на КПК с целью отрыва Китая от социалистических стран.

Американская пропаганда муссировала тезис об угрозе мирового коммунизма, культивировала представления о Китае как о части «мирового коммунистического подполья». Адмирал Артур Рэдфорд в предисловии к книге Дэвиса и Хантера «Красные лобби» «напоминал» сомневавшимся в благоразумии политики Дж. Ф. Даллеса, в частности, о том, что Китай — оккупированная страна, советско-китайский альянс предполагает третью мировую войну с использованием всех имеющихся в наличии государств средств для достижения победы, что Китай стремится к господству в западном районе Тихого океана, что конечная цель советско-китайского союза — изоляция и нанесение полного поражения Соединенным Штатам [4].

Любое революционное движение рассматривалось при таком подходе как воплощение на практике «теории домино», то есть не как следствие внутренних, глубоких по своему размаху социальных потрясений, а как результат экспорта революции (поэтапное «перенесение» революции из одной страны в другую). «Теорию домино» старательно отстаивали в конгрессе сторонники линии «Азия прежде всего». На вооружение была взята сомнительная бумага, выдаваемая за документ, якобы направленный руководством КПК в Москву в 1953 году. Согласно этому документу, КПК призывала изолировать США всеми возможными средствами, предсказывала «коммунистическую победу в Индонезии за два года, а затем в Таиланде и Бирме», «мирную революцию к 1960 году в Японии», установление к 1965 году «мирным путем» контроля над Индией, достижение в союзе с арабскими странами победы революции на африканском континенте.

Сторонники «жесткого курса» готовы были использовать любые козыри, лишь бы подтвердить правомерность своей азиатской политики. Американский посол на Тайване Карл Рэнкин отстаивал необходимость сохранения за Тайванем контроля над островами Куэмой и Мацзу. Аргументы в подтверждении этой позиции заимствованы были из «теории домино» («Пекин, прежде чем начать наступление в Юго-Восточной Азии, будет стремиться обеспечить контроль над проливами»). Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Индокитай, вносил свой вклад в

стратегию начальник Объединенного комитета начальников штабов США Рэдфорд, должны были стать «плацдармами борьбы против коммунистов».

Реакция в Пекине

В Пекине остро реагировали на враждебную по отношению к КНР американскую политику в Азии. Заключение между Вашингтоном и Тайбэем в 1951 году соглашения о военной помощи и в 1954 году военного договора означало, что США встали на путь открытой конфронтации с КНР.

Успехи китайского народа в деле индустриализации страны привели к росту престижа КНР на международной арене. С другой стороны, подъем национально-освободительных революций в странах Азии, Африки и Латинской Америки создавал в глазах националистически настроенных лидеров КПК благоприятные условия для попыток навязать этим странам концепцию «особой миссии» Китая в мировом революционном процессе и реализовать давние великодержавные замыслы. «Жесткий курс» Эйзенхауэра — Даллеса, особенно активизация дальневосточной — непосредственно затрагивающей интересы КНР — политики, позволял маоистам под флагом антиамериканизма осуществлять подготовку внутренних и внешних условий для открытого выступления в борьбе за гегемонию в международном коммунистическом и рабочем движении. Этот аспект деятельности националистического крыла в КПК и привлек внимание американских критиков внешней политики своего правительства за излишнюю прямолинейность. Администрация учитывала критику. 28 июня 1957 г., выступая в Сан-Франциско, Дж. Ф. Даллес сказал, что коммунизм в Китае — «это преходящая, а не постоянная фаза». Даллес, оставаясь сторонником примата военного давления на социалистические страны, давал понять, что не отбрасывает идею активного воздействия на Китай иными методами.

В 50-х годах в ожесточенной внутриполитической борьбе в Китае интернационалистские силы брали верх над националистическими. Такого рода тенденции находили свое стражение на страницах китайской печати. «Жэньминь жибао», комментируя 3 июля 1957 г. речь Даллеса, отмечала всю иллюзорность надежд государственного секретаря США на возможное укрепление в

Китае сил, ратующих за сближение с капиталистическим миром. Лишь незначительная часть буржуазной интеллигенции в Китае, по словам обозревателя «Жэньминь жибао», была враждебна Коммунистической партии и социализму, продолжала питать симпатии к США и капитализму. Эту часть, по мнению обозревателя, и составляли «демократы-индивидуалисты», на которых восемь лет назад делалась ставка в «Белой книге» по Китаю, изданной с благословения тогдашнего государственного секретаря Ачесона. Даллес, иронизировал обозреватель, страшно обрадовался, что «демократы-индивидуалисты» не исчезли, и утверждал, что социалистический строй в Китае — «преходящее явление»; Даллес старается «воодушевить не только американских агрессоров, но и правых, которых теперь громит народ». Исторические реминисценции должны были напомнить читателю, что взгляды Даллеса во многом идентичны взглядам Ачесона. Агентство Синьхуа открыто выступало против попыток американской стороны представить свои действия на Дальнем Востоке как «отказ от применения силы». Комментируя выступление министра иностранных дел Англии А. Лойда, который фактически поддержал дипломатию США, агентство Синьхуа отмечало: «А. Лойд, повторяющий старые остроты Даллеса, выдавая черное за белое, пытается поставить на одну доску США и Советский Союз, с тем чтобы прикрыть преступления американских агрессоров». Попытки представить цели СССР и США как идентичные встречали, как видно, резкий отпор в Пекине. Это был действительно абсурд. Кто мог тогда предположить, что в 70-х годах Пекин воспримет на веру столь абсурдные доводы. Политика, рассчитанная на поощрение националистических тенденций в КПК, в 50-х годах не встречала благожелательный, как это будет в 60-х годах, отклик в самом Китае.

КНР, несмотря на проявление националистических, великодержавных настроений в руководстве КПК, еще шла в одном ряду с другими социалистическими странами, демонстрировала солидарность с принципами интернационализма, с практикой единых антиимпериалистических действий. Это обстоятельство в значительной степени сковывало критиков даллесовских внешнеполитических концепций, но не могло, однако, полностью воспрепятствовать их деятельности.

В 50-х годах в США стали всерьез обсуждать возможные варианты развития отношений с КНР. Дж. Фулбрайт, хотя и не видел скорого решения проблемы, пытался отстаивать намеченную линию: «Мы должны предпочесть переговоры с китайскими коммунистами и поддерживать с ними контакты, а не игнорировать их». Сенатор от Арканзаса призывал морально готовить американскую общественность к переговорам с Пекином, если лидеры КПК проявят «готовность следовать минимальным правилам цивилизованного мира».

В сенатских комиссиях открыто заговорили о необходимости покончить с изоляцией Китая (Лангер, Морзе, Хэмфри). Не остались в стороне ученые-азиатоведы. В 1956 году на конференции Колумбийского университета, посвященной проблемам Дальнего Востока, с большим докладом «США и коммунистический Китай» выступил Доук Барнетт. Говоря о причинах победы КПК, он признавал, что во многом успехи китайских коммунистов объясняются их умелым обращением к националистическим чувствам китайского народа как во время войны с Японией, так и в послевоенный период. «Слияние революционного коммунизма, — отмечал Барнетт, — с национализмом вызывалось тактическими соображениями, но в еще большей мере оно выражало уверенность коммунистов в том, что Китай добьется уважения, международного престижа и положения мировой державы». На конференции были представлены в основном две точки зрения: сторонники первой утверждали, что положительное решение проблемы деморализует азиатских союзников США, будет содействовать укреплению существующего в Китае режима, сторонники второй, напротив, уповали на возможность установления «полезных контактов» и устранения расхождений в «свободном мире». Несмотря на разногласия, возникшие при обсуждении этих острых проблем, американские ученые впервые после длительного периода маккартизма открыто высказывались за пересмотр политики США в отношении КНР. В заключительном докладе участники конференции рекомендовали, в частности, снять ограничения на поездки американских корреспондентов и ученых в Китай, на ввоз наиболее важных публикаций из КНР.

Нажим усиливался. В 1958 году съезд демократической партии в штате Вашингтон проголосовал большинством голосов за установление нормальных отношений с КНР. За торговлю с Китаем отдали свои голоса «Молодые демократы Сан-Франциско» и значительная часть клубов демократического совета Калифорнии. Если в 1954 году демократ Чарльз Портер, выступавший за отмену эмбарго в торговле с КНР, потерпел поражение на выборах, то два года спустя те же требования не помешали ему быть избранным в конгресс. Восемь членов конгресса, представляющих северо-запад страны, ряд профсоюзов, влиятельные газеты, отраслевые специальные журналы, торговые организации, банкиры и фермеры высказывались на Тихоокеанском побережье в пользу торговли с КНР.

Американский деловой мир вновь, казалось, готов был оказаться во власти голубой мечты о приобщении миллионов китайских потребителей к процветающей торговле Запада. В Сан-Франциско, как нигде, пожалуй, в Соединенных Штатах, ощущалась тоска по былым временам торговли с Китаем. Различные издания и организации: «Сан-Франциско кроникл», отделение Ассоциации мировой торговли, международное объединение портовых рабочих, молодые демократы Калифорнии, Комитет за пересмотр китайской политики США,— выступали за торговлю с КНР. Представители известных династий торговцев Западного побережья с гордостью говорили о своей приверженности к транстихоокеанским торговым путям, с огорчением вспоминали о прерванных связях с китайскими портами, о торговле с китайским материком.

Одной из ведущих отраслей экономики северо-запада стала лесная промышленность, в эту отрасль вложен был не один миллиард долларов. В 1931 году — в кризисное для всей американской промышленности время — штаты Орегон и Вашингтон экспортировали в Китай больше леса, чем в 1956 году во все другие государства. В 50-х годах в районе закрылся ряд лесопильных заводов, была приостановлена рубка леса. Опустели рабочие поселки. Сторонники отмены эмбарго на торговлю с КНР упрямо ссылались на тяжелое экономическое положение северо-запада. «Торговля с Китаем, — заявил конгрессмен Портер, — необходима для разрешения экономических проблем тихоокеанского побережья». Экономика северо-запада находилась также в большой зависимо-

сти от экспорта пшеницы и муки. В 1931 году на долю Китая приходилось почти 70% общего экспорта пшеницы из этого района. Тогда США вывезли в Китай почти столько же муки, сколько они вывезли во все страны в 1954 году. 22 года подряд Китай входил в число шести ведущих импортеров американской муки и в течение 18 лет занимал первое, второе или третье места среди них. Торговцы северо-запада с нетерпением ждали, когда же они снова смогут сбывать в Китай, по крайней мере, лес и пшеницу (ведь в 1939 г. экспорт Орегона в Китай составлял 16,4% общего экспорта района) [5]. «Мукомольная промышленность северо-запада, — говорил президент фирмы «Керр грейн корпорейшн» Томас Керр, — была создана и развивалась на основе этой естественной торговли с Китаем». Крупные промышленники северо-запада, пропагандируя торговлю с КНР, апеллировали к интересам рабочих, занятых в этих отраслях промышленности. Сочувственную позицию в отношении отмены эмбарго заняли и три крупные лесопильные компании — «Дент энд Рассел», «Джорджия — Пасифик», «Поуп энд Толбот». Профсоюзы рабочих лесной, лесопильной, деревообделочной промышленности высказались за торговлю с КНР. Журналы лесопромышленников «Кроуз ламбер дайджест» и «Ламбермен» предоставили свои страницы для пропаганды такого рода идей.

В торговых кругах Сан-Франциско росло недоверие к политике Вашингтона, которая, как там считали, игнорировала интересы тихоокеанского побережья штатов. Коммерсанты региона единодушно, может быть, за некоторым исключением, поддерживали идею о ликвидации барьеров между США и Китаем. Голоса в пользу торговли с Пекином («Не биться головой о стену, а быть реалистами») раздавались среди судовладельцев Тихоокеанского побережья, хотя суда и были солидно загружены перевозками в Японию. Они ожидали в случае либерализации торговли увеличения потока грузов из портов Западного побережья. Отражающие интересы судовладельцев печатные издания всерьез оценивали выгоды, которые могла бы принести отмена эмбарго. Калифорнийские судовладельцы через свой орган «Пасифик шиппер» вели последовательную кампанию за торговлю с Китаем. «Широко распространено мнение, — заявил Председатель отделения Ассоциации мировой торговли в районе Сан-Франциско, — что в национальном масштабе мы ведем

неправильную политику. Мы явно не наносим ущерба Китаю, ибо все другие страны торгуют с ним». И действительно, монополии Англии, ФРГ и других капиталистических государств старались нормализовать торговые отношения с КНР, ущемляя таким путем интересы своего главного союзника в капиталистическом мире.

Англия, поддерживавшая экономические контакты с КНР, влияла на некоторые монополистические круги США. В США достаточно полно проявили себя пропагандисты английской политики по отношению к Китаю и ее теоретических основ. Типичный представитель такого рода лоббизма — Феликс Грин, британский гражданин, служащий Би-Би-Си в США (посетил Китай в 1957 и 1960 гг.), осел затем в США. Выпустил книги под броскими названиями: «Пробужденный Китай» и «Занавес невежества». Грин высмеивал легенды, распространяемые государственными деятелями США и прогоминьдановскими пропагандистами, что будто бы Советское правительство стремилось отторгнуть Северные провинции Китая, а правительство КНР являлось «сателлитом». Такого рода аргументы, утверждает Грин, служили для оправдания политики изоляции Китая [6]. Позиция Ф. Грина была продиктована, конечно, отнюдь не желанием подчеркнуть миролюбивый характер советской политики. Ф. Грин выступил в роли идеолога антикоммунизма, и главные его помыслы были направлены на пропаганду исключительности опыта китайской революции, особого характера коммунистического движения Китая. Англичане стремились сохранить большую, в отличие от своих американских союзников, гибкость в дальневосточной политике и действовали, полагаясь, как они сами говорили, на принцип: в политике нет ни вечных врагов, ни вечных друзей. В 50-х годах США обладали солидными возможностями для воздействия на нарушителей политики эмбарго, для ограничения аппетитов своих атлантических партнеров, с надеждой взиравших на китайский рынок и стремившихся проявлять большую самостоятельность, чем им позволяли союзнические обязательства.

В пользу пересмотра отношений с Китаем высказались организации и отдельные лица, представляющие христианское движение в США. В XIX веке, с того времени, как в Ханьчжоу было положено начало деятельности первого в Китае христианского университета, американские миссионеры стали активно приобщаться к организо-

ванной системе религиозного воспитания китайской молодежи. До 1900 года христианские колледжи в Китае принимали ежегодно до 200, а в 1947 году до 12 тыс. слушателей. Лидеры христианского движения в Китае и их американские наставники надеялись, что их организации будут процветать и после победы революции и образования КНР, полагая, что христианская церковь сможет продолжать свою деятельность в рамках провозглашенной Мао Цзэ-дуном программы «новой демократии». Эти расчеты учитывали реальные факты. В состав Всекитайского собрания народных представителей первоначально вошли представители как христианской, так и буддийской религии. «Наша страна, — говорилось в одном из воззваний национального христианского совета Китая, — вступила в новую полосу своей истории, и мы, как христиане, должны с великим энтузиазмом обратиться к богу с молитвой, восславить его за пробуждение общественной совести, которое, как вы видим, возрастает с каждым днем в условиях новой демократии. Хотя история христианской церкви в Китае насчитывает немногим более ста лет, но за этот короткий период она внесла реальный вклад в самовозникновение и начальную стадию этого движения, которое привело Китай к новой судьбе»[7]. Христианский совет в Китае выражал готовность поддерживать новую власть в Пекине. Сильное американское влияние в христианском движении явилось, несомненно, одной из важных причин ослабления позиций христианской церкви в Китае в период американской агрессии в Корее и последующего обострения американо-китайских противоречий. Однако надежды американских церковников на возрождение своего влияния на китайском материке не исчезали. На одной из конференций, созванной национальным советом церквей в ноябре 1958 года, были оглашены от имени протестантской церкви рекомендации правительству установить дипломатические отношения с Пекином при сохранении гарантий Тайваня и Южной Кореи и предпринять шаги в направлении приема КНР в ООН. «Мы питаем огромные надежды, — провозглашали церковники, — на то, что восстановление отношений между народами Китая и США предоставит возможность восстановить связи между их и нашей церковью». Требования церковников выглядели довольно категоричными. Секретарь отдела международных отношений христианского совета социального действия при Объединенной

христовой церкви Херман Рейссинг выступил в печати. «Как христиане и американцы, преданные свободному образу жизни и выступающие против коммунистической экспансии, — разъяснил Рейссинг позицию церкви, — мы склонны думать, что наша политика непризнания и возражений против допуска красного Китая в ООН приносит миру больше вреда, чем пользы. О силе и мудрости оппозиции коммунизму нельзя судить на основе последовательности, которую мы проявляем, возражая против просьбы коммунистов об изменении нашей политики. Поэтому нам следует вновь поднять этот вопрос и подумать, на каких условиях (ни один серьезный человек не может предположить, что не должно быть никаких условий) мы могли бы послать своего посла в Бэйпин и проголосовать за допуск этого правительства в вышеупомянутую международную организацию»[8]. Духовные наставники готовы были принести свой опыт миссионерского движения в Китае на алтарь своего капиталистического отечества (правые заявили: вот новое доказательство проникновения коммунистов в церковь). За пересмотр китайской политики подавали свои голоса и квакерские организации.

Все это говорило о том, что практическая значимость даллесовских внешнеполитических концепций была значительно подорвана.

Даже такой яростный сторонник решительных действий, как Чан Кай-ши, вынужден был признать существующие реалии. 16 октября 1957 г. журналист Сульцбергер записал свою беседу с Чан Кай-ши. Из беседы выяснилось, что тайваньский правитель, проповедуя локальную войну в качестве единственного средства «освобождения» Китая, не начинает военные действия из-за позиции США. Он понимал, что США могут не пойти на риск новой мировой войны. Так, на вопрос Сульцбергера, какая альтернатива сосуществованию, за исключением войны, Чан Кай-ши ответил: «Никакой. Нынешнюю обстановку можно охарактеризовать следующим: ни войны, ни мира».

Чан Кай-ши призывал своего гостя к откровенности. «Как вы думаете, — прямо спросил он, — поддержит ли меня американский народ в локальной войне?» «Не думаю, — дружелюбно ответил Сульцбергер. — Это было возможно до 1945 года. Но, поскольку началась атомная эра, большинство людей не пойдут на риск ядерной войны, которая уничтожит цивилизацию. Они не считают, что война ограничится рамками локального конфликта». «Бо-

юсь, что вы полностью правы, — заявил, к удивлению Сульцбергера, Чан Кай-ши. — И это четкое выражение американской точки зрения» [9].

Беседа Сульцбергера с Чан Кай-ши ярко отражала влияние существенных сдвигов в международных отношениях на китайскую политику США. Риск глобального конфликта, содержавшего угрозу всеобщего уничтожения, удерживал политиков от необдуманных акций, охлаждал пыл неуемных авантюристов. Даже друзья Тайбэя в США начинали понимать, что лучший вариант для Чан Кай-ши — отказаться от абсурдной мечты стать правителем Китая, спокойно дожить свои дни на Тайване.

Предложения Артура Дина

В сложившейся ситуации для умудренных опытом американских политиков был слишком велик соблазн сыграть на националистических настроениях в КПК, и они не могли легко расстаться с идеями, завоевавшими в их среде особую популярность в 40-х годах. Упоминавшийся как автор «Амерэйша» лорд Линдсей писал, что США помогают созданию атмосферы, благоприятствующей «усилению доктринерских и фанатических элементов в КПК» [10]. Экстремисты из среды антикоммунистов кооперировались, по его мнению, с доктринерами-коммунистами в политике, направленной на изоляцию китайского общества от внешнего мира. В Вашингтоне, согласно Сульцбергеру, не упускали из виду вариант, предполагавший, что однажды «Китай совершит ошибку или выступит против России» [11].

Умеренные демократы, мыслившие категориями глобального противостояния силам социализма, поддерживали идею о новом подходе к проблемам китайской политики. К этому их побуждали, в частности, интересы США, связанные с необходимостью противодействия центробежным тенденциям в капиталистическом мире и поиск осуществления более приемлемой — с точки зрения американских интересов — политики в отношении Советского Союза.

Глава американской делегации на переговорах по урегулированию в Корее в Паньмынчжоне Артур Дин, известный в прошлом своими стычками с тайваньским лоббистом А. Кольбергом, в 1954 году вновь оказался в центре внимания. В свое время он говорил: «...если есть, не

считая военных операций, какая-либо возможность откололь коммунистический Китай от России, нам следует изучить ее».

Идеи Дина не стали новостью для американских политиков. В их памяти были еще свежи предложения американских дипломатов, привлеченных по делу «Амерэйша».

Одно из основных обвинений, выдвинутых, например, против Дж. Дэвиса во время расследования по этому делу, имело в виду активную популяризацию дипломата в госдепартаменте (прежде всего в 1947—1951 гг.) идеи изоляции КПК от Советского Союза. Дэвис держал ответ: «Эта проблема, — разъяснял он, — одна из основных, если не самая критическая, стоящих перед американской дипломатией. Если в нашей борьбе с советским миром мы победим без войны, то раскол в советско-китайском блоке представляется с этой точки зрения важнейшим условием... Десять лет назад я считал, что необходимо с точки зрения наших интересов предотвратить создание советско-китайского блока. После того как этот блок сформировался, я полагал — и придерживаюсь этой точки зрения теперь, — что одна из основных целей американской стратегии должна иметь в виду размывание советско-китайской структуры...» Идеи такого рода, начисто отметавшиеся тогда маккартистами, теперь получали новое звучание. Дин и другие сторонники использования националистических тенденций в КПК против сил социализма призывали: «Если есть шанс, то его следует использовать и вбить клин между КПК и Советским Союзом». Эта идея приобретала большее число сторонников по мере того, как росла убежденность в том, что лидеры КПК были заинтересованы в укреплении своей власти в Китае, нежели в действиях на международной арене.

Однако в правящих кругах США смотрели на любые изменения в американской политике по отношению к Китаю как на нежелательный отход от основных внешнеполитических принципов. Идеи А. Дина, не успев созреть, разбивались о стену, которую подпирали такие фигуры, как Даллес, его помощник по дальневосточным вопросам Робертсон, лидер большинства в сенате Ноуленд. Рассуждения Дина и других сторонников нового взгляда на китайскую политику вступали в противоречие с официальным курсом, с линией на преимущественное внимание средствам военно-политического давления.

Призывы Дина и американских ученых были встречены гулом враждебных голосов. Сенатор-республиканец Уэлкер (Айдахо) выступил в конгрессе. «Кто такой Дин? — вопрошал он. — Имеет ли он право давать советы по китайским делам?» Уэлкер напомнил, что Дин «прокоммунист», тесно связанный с Тихоокеанским институтом (с 1925 по 1950 г. был вице-президентом этого института), а эта организация, согласно утверждениям сенатской подкомиссии по вопросам внутренней безопасности, была «орудием коммунистической политики». «Мы должны как-то разрешить русскую проблему, — приводил Уэлкер выдержки из письма Дина, датированного 1949 годом. — Наше дело установить, что движет ими (лидерами КПК. — *В. В*); почему они стали именно такими; мы должны показать, как действует коммунизм, что он делает, когда его преследуют неудачи».

Желающих скомпрометировать идеи Дина оказалось больше, нежели сочувствующих ему. В то время лица, находившиеся у руля внешней политики США, считали маловероятным, что китайские руководители будут осуществлять антисоветский раскольнический курс. 11 мая 1955 г. Робертсон ответил отрицательно на вопрос Сульцбергера, нет ли сведений относительно трудностей в отношениях между СССР и КНР. Эти трудности, если бы они и были, убежденно подчеркнул Робертсон, должны носить местный, малозначительный характер, поскольку интересы сторон идентичны. «Мао лоялен к своим принципам, — заявил Робертсон, — как Даллес к принципам, привитым ему отцом — пресвитерианским священником» [12].

В партитуре даллесовской симфонии были предусмотрены голоса гоминьдановских лоббистов. Будучи сами по себе незначительными, они в общем хоре сторонников «жесткого курса» составляли внушительную силу. Тяжко приходилось тем американцам, которые каким-либо путем могли нанести ущерб авторитету Чан Кай-ши и его сторонников в США. Вот один из характерных случаев. Весной 1958 года Коэн, впоследствии ставший одним из активных сторонников новой китайской политики США, принес в издательство «Макмиллан и К°» заявку на книгу «Китайские лобби в американской политике». Работа должна была быть закончена к 1959 году. Стоило появиться анонсу о выходе книги, как в игру вступил Альфред Кольберг. Вскоре Коэну объявили, что тайваньское

посольство угрожает возбудить дело против издателя и автора. Коэн пытался доказать, что оттяжка с изданием будет использована лоббистами в целях дальнейшей дискредитации работы, и даже соглашался внести коррективы в рукопись. Однако издательство отправило рукопись трем рецензентам. Встречи Коэна с издателем не принесли ничего нового. Вместо вразумительных разъяснений автор услышал ссылки на давление госдепартамента, министерства финансов и других правительственных ведомств (одним из них, как позднее выяснил сам Коэн, было ЦРУ) и учреждений, имевших значительные вклады гоминьдана.

В ответ на усилившиеся требования в пользу отмены эмбарго на торговлю с КНР лоббисты организовали демонстрацию. «Американо-китайская политическая ассоциация», куда, среди прочих известных фигур, входили Чарльз Уиллоби, в прошлом начальник разведки Д. Макартура, член палаты представителей Уолтер Джадд, выдвинула ряд весьма категорических требований к администрации. Пора кончать, настаивали лоббисты, с «колебаниями и замешательством» в вопросах китайской политики и приступить к осуществлению жесткой экономической блокады КНР, увеличить военную помощь Тайваню, Южной Корее, Южному Вьетнаму. Члены ассоциации дошли до того, что потребовали исключения из ООН всех «коммунистических» государств, разрыва дипломатических отношений США с СССР, запрещения Компартии США. Несмотря на поражение кандидата на пост губернатора Калифорнии У. Ноуленда, признанного «сенатора от Формозы», линия американского правительства попрежнему, как казалось, оставалась бескомпромиссной, она не оставляла надежд на осуществление Вашингтоном инициативных шагов в рамках американо-китайских отношений.

Даллесовская политика в отношении Китая строилась в соответствии с идейными установками, рассчитанными на военное превосходство, на «массированное возмездие». Противоборство различных социальных систем на мировой арене при таком подходе втискивалось в схему соперничества противостоящих друг другу военных сил.

Рассуждения Даллеса о проблемах китайской политики основывались во многом на признании китайско-американских противоречий в Азии в качестве одной из главных помех, стоящих на пути признания КНР Сое-

диненными Штатами. «Мы ждали 16 лет, прежде чем признали Советский Союз!» — восклицал государственный секретарь. Да и само признание Соединенными Штатами Советского Союза явилось, по мнению Даллеса, просчетом, вызванным незнанием обстановки. И это должно было послужить уроком. «Мы не можем признать китайских коммунистов, — увещевал он своих соотечественников, — пока они ставят своей целью изгнание США из Западного района Тихого океана. Мы не можем позволить воинственной нации контролировать Западный район Тихого океана... Китайские коммунисты рассуждают таким же образом, как перед войной японцы, о сфере совместного процветания» [13].

Администрация Эйзенхауэра взяла на свое вооружение лозунги «отбрасывания», «освобождения». Легенды об «угрозе коммунизма», необходимые правящим кругам США для идеологического оправдания агрессивного внешнеполитического курса, гонки вооружений, обострения обстановки «холодной войны», не могли мириться с надеждами на возможность использования националистических тенденций в политике КПК. Под лозунгом «отбрасывания» и «освобождения» Вашингтон решил возглавить поход против социалистических стран с использованием различных средств — военно-политических, экономических. Даллесовские стереотипы отвергали не только идеи мирного сосуществования с миром социализма, но и пожелания большей гибкости и маневренности в осуществлении внешней политики.

В период пребывания у власти республиканской администрации 50-х годов провокации американской стороны против КНР были частым явлением. В политике США возобладала линия на политико-экономическую изоляцию и «сдерживание» КНР.

Глава VIII

●

ПОЛИТИКИ, ЖУРНАЛИСТЫ, УЧЕНЫЕ

Одной из важнейших предпосылок пересмотра Вашингтоном своей китайской политики стал отход КПК от согласованной линии международного коммунистического движения, усиление антисоветизма в политике КНР. Американские политики усмотрели в антисоветизме маоистов благоприятные возможности для повышения маневроспособности на мировой арене. Идеологи антисоветизма, абстрагируясь в теоретической области от борьбы двух систем, хотели бы видеть в антисоветизме маоистов доказательство жизненности школы «политического реализма». Они пытаются перевести на рельсы политических действий теоретические постулаты выросшей на платформе «политического реализма» концепции «баланса сил».

Приверженцы этой концепции экстраполировали идеи поощрения националистических тенденций в КПК, спекуляций на великодержавных амбициях китайского руководства, столь популярные в годы второй мировой войны среди американских дипломатов в Китае, на период китайской политики США с конца 60-х годов. Представления об общности интересов США и маоистского руководства стали пользоваться особой популярностью среди сторонников активизации американо-китайских отношений. К формированию новой китайской политики Вашингтона привлекались все более широкие круги американской общественности — политики, дипломаты, ученые, журналисты. Видную роль в этом стали играть лица, связанные в свое время с журналом «Амерэйша» и симпатизировавшие американским дипломатам в Китае в период второй мировой войны. Их деятельность ярко отражает стремление правящей Америки найти выход из серьезных трудностей на международной арене путем дипломатического маневрирования, приспособить свой внешнеполитический курс к новым реалиям международной жизни, извлечь максимум пользы из политического курса маоистов.

Демократ Честер Боулз

Честер Боулз служил при шести президентах США. Его дипломатический талант достиг расцвета во время президентства Дж. Кеннеди, когда политика «новых рубежей», проводимая Кеннеди, потребовала от практиков особой гибкости в подходе к решению сложных международных проблем. В дипломатическом ведомстве прощались, хотя и неохотно — слишком тяжел оказался груз, оставленный в наследство, — с даллесовскими внешнеполитическими рецептами. Дж. Кеннеди смело реабилитировал многие жертвы маккартизма, за что навлек на себя гнев правых организаций. Новый президент решительно взялся за штурвал американского корабля и ему нужны были новые лоцманы, свободные от предрассудков даллесовских времен, способные, если потребует жизнь, смело отказаться от признанных установок старых доктрин. Одним из них стал Ч. Боулз.

В кампании по выборам президента 1960 года вопрос о политике в отношении Китая числился среди главных. Консультативный комитет демократической партии по внешнеполитическим делам возглавил Дин Ачесон, с именем которого были связаны спекуляции Вашингтона на националистических тенденциях в КПК в первые послевоенные годы. Ч. Боулз выступал в роли советника кандидата от демократов по вопросам внешней политики. Подготовленная и публично провозглашенная Боулзом программа включала в себя следующие рекомендации: во-первых, избегать любых действий, поддерживающих миф о том, что правительство Чан Кай-ши представляет весь Китай, или о том, что чанкайшисты вторгнутся на континент; во-вторых, содействовать нейтрализации прибрежных островов, непосредственно примыкающих к китайскому побережью; в-третьих, убедить чанкайшистское правительство взять на себя роль «независимой формозской республики».

Республиканцы использовали предвыборные заявления демократов по вопросам китайской политики в качестве мишени для критики. Сенатор Норрис Коттон (республиканец от Нью-Гемпшир) заявил, что он был бы против назначения Ч. Боулза государственным секретарем. Основной мотив Коттона — позиция советника Кеннеди в пользу осуществления политики «двух Китаев». В ответ на критику демократ Боулз давал разъяснения:

он всегда выступал против дипломатического признания КНР и будет поступать таким образом и впредь. «Мы не можем бросить Чан Кай-ши на прозвол судьбы, — давалось при этом твердое обещание, — или заключить какое-либо соглашение за его спиной». Оппозиция идее «двух Китаев», проводником которой становился Ч. Боулз, была довольно значительной. Советнику Кеннеди по внешнеполитическим вопросам пришлось ограничиться в новой администрации ролью помощника государственного секретаря.

Ч. Боулз, заняв этот пост, призвал пересмотреть политику в отношении как Пекина, так и Тайбэя. Пока США поддерживают режим Чан Кай-ши, Китай, подчеркивал он, будет отвечать отказом на предложение установить дипломатические отношения с Вашингтоном, даже если бы американская сторона хотела этого. Боулз старался глубже вникнуть в суть происходивших событий, оставляя в стороне посылку об «исключительной злонамеренности» противостоящего США мира. Он выступал против экстремистов в конгрессе и не искал простого ответа, как это делали консервативные республиканцы, при решении сложных внешнеполитических проблем. Лучшим методом осуществления внешней политики, по его мнению, являлись «приспособление и компромиссы».

Знакомство с работами историка Тойнби позволяло найти теоретическое обоснование необходимости новых решений в области внешнеполитической. Развивающиеся страны таили, приходил к выводу дипломат, взрывчатку гораздо большей силы, нежели атомное оружие. Он не мог не заметить, что пробуждение к сознательной политической жизни отсталых, угнетенных в прошлом народов приводило к острым катаклизмам, чреватым угрозой локальных и глобальных военно-политических конфликтов Народы бывших колоний и зависимых стран начинали понимать, что голод, нищета, болезни не являются неизбежными, данными от бога, что избавление от этих несчастий в руках человека. В этих условиях нежелательно для США, считал Боулз, продолжать поддерживать Чан Кайши, Дьемов, португальских колонизаторов, латиноамериканских диктаторов. Дипломат исходил из необходимости приспособить внешнеполитический курс своей страны к новым условиям на мировой арене, поддержать престиж своей страны, привлечь симпатии освобожденных народов к идеалам «американской демократии».

Честер Боулз уличал госдепартаментских чиновников в «идеализации» истории взаимоотношений между США и КНР. Тезису о том, будто «традиционная американская политика состояла в невмешательстве во внутренние дела Китая» («открытые двери»), Боулз противопоставляет свою точку зрения. «Маньчжурские императоры, — подчеркивал Боулз, — вынуждены были подписать неравноправные договоры с Англией, Францией и США, которые предоставляли трем государствам право помимо других привилегий собирать налоги, устанавливать специальные суды в Китае» [1]. Боулз пытался публично поставить под сомнение обвинения, предъявленные в 50-х годах «китайской службе» госдепартамента.

Одно из первых заданий президента Кеннеди своему советнику было связано с необходимостью приведения в соответствие линии администрации в вопросах китайской политики с внешнеполитическими делами и позицией, которую отстаивали сторонники Чан Кай-ши. Премьер КНР Чжоу Энь-лай объявил, что они надеются на изменение администрацией Кеннеди китайской политики США. Возьмет ли новый президент, в отличие от своих предшественников, на себя инициативу? Удалят ли США вооруженные силы с Тайваня и из Тайваньского пролива? — задавали вопросы в Пекине.

Политические деятели США 60-х годов имели дело в Китае не с претендующей на роль правящей партии группой людей, как это было в 40-х годах, а с руководством КПК, стоящим у власти. Поэтому, выбирая средства воздействия на китайское руководство, они тщательно изучали наиболее острые проблемы этого государства, в частности продовольственную проблему. Боулз представил президенту доклад, где отмечалась неспособность пекинского правительства избавиться от продовольственных трудностей, опираясь лишь на внутренние резервы. А эти трудности грозили не только новыми лишениями для народа, но и могли подорвать политическую стабильность в стране. Китайское правительство оказалось, как это отметил Боулз, перед тремя альтернативами: во-первых, не предпринимать ничего, полагая, что еще один голод не «изменит хода истории»; во-вторых, закупать продовольствие в капиталистических странах, экспортирующих зерно, таких как Австралия, Канада, США; в-третьих, используя открытые или скрытые средства, пытаться установить контроль над производящими продовольствие

районами ЮВА, то есть предпринять действия, которые «заключают риск войны». Боулз предложил сыграть на продовольственной проблеме Китая, чтобы воздействовать на Пекин, заставить его осуществлять приемлемый для США курс в Восточной Азии. В выборе «хлеб или пушки» дипломат отдавал предпочтение первому.

Проекты Ч. Боулза, в частности планы использования продовольственной проблемы Китая, в китайской политике США говорили о новом подходе капиталистического мира к отношениям с колониальными и зависимыми в прошлом народами. «События последних десяти лет показали, — писал Ч. Боулз в одной из своих работ, — что по-старому ассоциировать колониализм и капитализм... неверно»[2]. Идеологи «новых рубежей», отнюдь не меняя стратегических целей империализма, ратовали за новые средства, способные содействовать влиянию Запада в «третьем мире»; они смотрели на азиатскую политику США не с точки зрения частных интересов монополистического капитала, а с точки зрения интересов глобального противостояния сил империализма силам социализма и революционному движению в Азии. Льготные условия помощи, благотворительность, безвозмездные займы и многие другие, как казалось, парадоксы империалистической политики идеологи империализма старались уложить в рамки гуманистической концепции помощи. Ч. Боулз, однако, подходил к такого рода проблемам с рационально-эгоистических позиций и не опасался, что его упрекнут в лицемерии. «Каждый американец, — утверждал он, — глубоко лично заинтересован в успехе беспрецедентной программы развития, осуществляемой в свободной Индии»[3].

Предложения Боулза о льготных поставках продовольствия в Китай вписывались в архитектонику «новых рубежей», и Дж. Кеннеди согласился. Президент публично объявил: если у руководителей КНР будет желание получить продовольствие от США, в Вашингтоне с готовностью рассмотрят этот вопрос. Стали готовиться предоставить КНР зерно на благотворительной основе или на льготных условиях. Избрали даже посредника. Им должен был стать У Ну. Но позиция правительства КНР — усиливавшийся антиамериканизм да и падение У Ну сорвали планы. Противники развития непосредственных контактов с Пекином предлагали ждать, пока «не уляжется пыль»[4].

На Тайване внимательно следили за любыми высказанными в Вашингтоне мыслями относительно китайской проблемы, тщательно оценивали терминологию, которой оперировали официальные лица США. Ч. Боулз во время своего визита в Западную Африку в июле 1961 года заявил, например, на пресс-конференции, что вторжение на Тайвань с материка нарушает право на самоопределение одиннадцатимиллионного народа, живущего там. Чанкайшисты взбунтовались — ведь было поставлено под сомнение их право на контроль над материком. И Кеннеди подтвердил свою поддержку «суверенитета» Чан Кай-ши на материке. Это не остановило Боулза. В очередной речи в Токио он предпринял попытку отвести обвинения со стороны чанкайшистов в симпатиях к Пекину («китайское коммунистическое правительство угрожает независимости одиннадцатимиллионного народа, я думаю, что мы возьмем правильный курс, если помешаем этой угрозе осуществиться»). В то же время дипломат еще раз подчеркнул стремление тайваньцев к «самоопределению» и готовность США защищать их «независимость» [5].

Речь, выдержанная вполне в патриотическом духе, не пришлась, однако, по вкусу политикам на Тайване. Боулз высказался, по существу, в пользу концепции «двух Китаев», что не устраивало ни Пекин, ни Тайвань. Посыпались вопросы: не выступает ли Боулз за два Китая? Не означает ли это, что США отказались от поддержки тайваньского правительства? Разве подобные речи не разрушают «взаимное доверие и единство»? Разве США извлекают выгоду из подобной позиции своих дипломатов? Эти вопросы задавали преимущественно представители взбудораженного тайваньского лобби.

США вступали в сложную политическую игру с Пекином. Антисоветизм в Пекине еще не мог выступать тогда в качестве существенного аргумента в пользу новой китайской политики США и многие требования китайской стороны оставались в связи с этим без ответа. В свою очередь, маоистское руководство, продолжая опираться на антиамериканизм как на важнейшую внешнеполитическую доктрину, не готово было пойти на значительные уступки в китайско-американском диалоге. Честер Боулз, как и другие его коллеги, вел поиск более приемлемых с точки зрения американских интересов путей к взаимопониманию с Пекином.

Публицист Эдгар Сноу: 60-е годы

В 1960 году журнал «Лук» направил в Китай Эдгара Сноу. Читателя «Лук» должны были тронуть воспоминания Э. Сноу о тех днях, когда он впервые встретился с руководителями КПК.

Э. Сноу в Пекине приняли радушно, желая продемонстрировать уважение гостю и способствовать взаимопониманию. Э. Сноу встретил д-р Цзи Чао-дин; он окончил в свое время Чикагский университет, в период второй мировой войны был консультантом по финансовым вопросам при гоминьдановском правительстве, пользовался авторитетом среди американских финансовых советников. Американского читателя должны были захватить и воспоминания о том времени, когда в 30-х годах Сноу помогал скрываться от преследования японцев Дэн Ин-чао — супруге Чжоу Энь-лая. В специальном поезде была предпринята поездка на Миюньское водохранилище. В комфортабельных салон-вагонах кроме Чжоу Энь-лая и его супруги находились многие из тех лиц, с кем Э. Сноу поддерживал связи еще на заре своей публицистической деятельности, а сейчас занимавших официальные посты: д-р Юн Лун-гуэй, Чжан Сяо-мэй, председатель Федерации женщин Пекина, ее супруг Сюй Бинь, профессор в Пекине (с его рекомендательным письмом Э. Сноу предстал перед Мао Цзэ-дуном в освобожденных районах в 1936 г.), Гун Пэн, «первый секретарь» Чжоу Энь-лая на протяжении многих лет. Были и другие лица, с кем приходилось встречаться американскому публицисту во время пребывания в Пекине и Яньани в 30-х годах. Словом, вокруг почетного гостя возникла атмосфера трогательных воспоминаний и доверительных бесед.

Официальные ответы Чжоу Энь-лая на свои вопросы Э. Сноу опубликовал. Речь, в частности, зашла о пакте мира в Азии. Такой пакт, по мнению Чжоу, затрагивал вопросы китайско-американских отношений и отношений между четырьмя странами — Китаем, СССР, Японией и США. Премьер не мыслил заключения пакта мира без дипломатических отношений США и КНР, которые, в свою очередь, были поставлены китайской стороной в зависимость от решения спора в Тайваньском проливе. Между хозяином и гостем состоялся диалог:

Сноу: Правительство США указывает, что никакое соглашение невозможно, если ки-

тайское правительство не сделает заявления о том, что оно будет воздерживаться от применения силы в Тайваньском районе.

Чжоу Энь-лай: Правительство США утверждает, что США и Чан Кай-ши имеют «неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону в районе Тайваня».

Сноу: Другими словами, это означает, что Тайвань признается как правительство?

Чжоу Энь-лай: Другими словами, это легализировало бы также агрессию США на Тайване и в Тайваньском проливе и создало бы объективную реальность существования «двух Китаев». Против этого возражает весь китайский народ...

Сноу: Из беседы я делаю вывод о том, что премьер не намерен внести в настоящее время какие-то новые конкретные предложения, чтобы облегчить заключение пакта мира между странами Азии и странами, прилегающими к Тихому океану?

Чжоу Энь-лай: Эту мысль нельзя сформулировать в столь общей форме. Если все большее и большее число стран в Азии и стран, прилегающих к Тихому океану, одобрит это предложение, такая возможность увеличится.

В беседе с Э. Сноу Чжоу Энь-лай приводил доказательства вины Соединенных Штатов за напряженность в китайско-американских отношениях. Премьер напомнил, что в первые послевоенные годы США (правительство Трумэна) признавали Тайвань в качестве внутренней проблемы Китая и обещали не вмешиваться в его внутренние дела. С началом Корейской войны, подчеркивал Чжоу Энь-лай, США пошли на агрессию против Китая, послав 7-й флот в Тайваньский пролив и установив военный контроль над Тайванем, а китайские добровольцы вступили в военные действия лишь спустя несколько месяцев после того, как США разместили свои силы в Тайваньском проливе, после того, как американские войска перешли 38-ю параллель и стали подходить к реке Ялуцзян.

Премьер КНР возложил вину за обострение китайско-американских отношений на Вашингтон, напомнив, что

непосредственное столкновение США и Китая в период Корейской войны стало возможным, поскольку американская сторона игнорировала предупреждение Пекина. Он подчеркнул также, что на пути урегулирования китайско-американских отношений находится проблема военного присутствия США в Азии — многочисленные военные базы, военные пакты и т. д.

С Мао Цзэ-дуном Эдгару Сноу удалось поговорить на террасе Тяньаньмынь во время празднования 11-й годовщины образования КНР. Мао подозвал журналиста и пожал ему руку. «Я не видел вас очень давно, — заявил Мао. — Сколько времени прошло с тех пор?» «Двадцать один год, — ответил Э. Сноу. — С тех пор ваша пещера несколько раздалась вширь!» Содержание последовавшей беседы не попало тогда на страницы журнала «Лук». Мао предложил, несмотря на сожаления журналиста, сохранить содержание разговора в секрете. Э. Сноу только сообщил читателям: «Мао Цзэ-дун сожалеет, что «силы истории разобщили американский и китайский народы», и надеется, что те же силы вновь должны «при случае объединить два народа». Это была открытая демонстрация.

К началу 1960 года Мао и его сторонники приступили к публичному изложению своей идеологической платформы, в которой подвергли открытым нападкам политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Тогда маоисты, однако, не считали благоприятным с точки зрения своих внутриполитических и внешнеполитических позиций открыто порвать с Советским Союзом, с другими социалистическими странами. «Все социалистические страны, включая Китай и Советский Союз, — говорил Чжоу Энь-лай Эдгару Сноу, — проводят политику интернационализма, поддерживая и помогая друг другу и сохраняя единство. Это их общая цель. Ввиду этих принципов, если империалисты попытаются найти какие-то лазейки, для того чтобы вбить клин и посеять разногласия между социалистическими странами, все их попытки окажутся тщетными и обреченными на провал». Руководители КПК поддержали декларацию московского Совещания братских партий 1957 года, выступили против попыток западной печати посеять разногласия в советско-китайских отношениях. Но уже в то время, когда в Пекине готовились с почетом принять Э. Сноу, советские специалисты, внесшие огромный

вклад в индустриальное развитие Китая, вынуждены были из-за невыносимых условий работы возвращаться домой.

Пекинская пропаганда подняла на щит тезис о решительной вооруженной схватке социализма с империализмом — слишком велико было желание осложнить отношения между СССР и США («Сидя на горе смотреть на борьбу тигров»). Мао Цзэ-дун и его сторонники, хотя и стремились в 60-х годах ослабить остроту китайско-американских противоречий, не могли все же в силу целого ряда внутриполитических и внешнеполитических факторов пойти навстречу заигрыванию определенных кругов США с националистическими элементами в КПК. Но поиск путей к взаимопониманию продолжался. Большое значение в этом поиске китайское руководство придавало встречам с Э. Сноу. Недаром соотечественники Сноу открыто говорили, что все услышанное американским публицистом в тогдашних беседах с Мао и Чжоу предназначалось для ушей госдепартамента. Действительно, казалось, Сноу было разрешено в Китае все: перед ним раскрылись границы районов, куда вообще был запрещен въезд иностранцам. С июля по ноябрь 1960 года он посетил 19 городов (в самых различных провинциях). В то время как другим журналистам были созданы казарменные условия работы, Э. Сноу бродил по улицам китайских городов с кинокамерой, беседовал со всеми, с кем считал нужным. В своем доме его, как и в прежние годы, принимали Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай. В то время Э. Сноу взял у китайских руководителей до семидесяти интервью. Сам он объяснял такое внимание Мао и Чжоу своими «предсказаниями» о возможных расхождениях между Китаем и Советским Союзом. И Сноу, видимо, был отчасти прав. Он внес свою лепту в прославление мыслящей в националистическом духе когорты в КПК.

Вернувшись в США, Э. Сноу стал ведущим посредником в контактах Белого дома с лидерами КПК. Кроме того, в западной печати благодаря, в частности, стараниям Э. Сноу появились различного рода предложения по урегулированию американо-китайских отношений. Предлагалось, в частности, пересмотреть вопрос о роли 7-го флота в Тайваньском проливе, политику эмбарго, подумать о налаживании открытых контактов и т. д. и создать тем самым благоприятные условия для развития американо-китайских отношений.

Роль Э. Сноу как посредника между Вашингтоном и Пекином особенно выпукло вырисовывается в свете агрессии США в Юго-Восточной Азии. В середине 60-х годов США начинают проявлять большую, чем это было ранее, гибкость в своей политике на Дальнем Востоке. Видные политические деятели США, обсуждая, например, пути решения индокитайской проблемы, все решительнее выступают за комплексное использование средств военного давления и дипломатии. «Переговоры без продолжающегося давления, — отмечает в своем меморандуме от 11 августа 1964 г. помощник госсекретаря по делам Дальнего Востока М. Банди, — не позволят достичь наших целей в обозримом будущем... Военное давление может сопровождаться попытками установить контакты с Ханоем, возможно, с Пекином через третьи страны» [6]. На совещании в Белом доме 7 сентября 1964 г. была признана необходимость осуществления бомбардировок ДРВ. Однако предпринять воздушную агрессию против ДРВ для США оказалось не так-то просто.

В 60-х годах вопрос о том, вступит КНР в войну в Индокитае или предпочтет воздержаться от этого шага, стоял в центре внутриполитической борьбы в Вашингтоне по поводу политики в Азии. Либерально мыслящая часть американских политиков обычно выдвигала в качестве одного из важнейших аргументов против военной вовлеченности в Азии угрозу возможного столкновения с Китаем. Эта тема получила широкое звучание при администрации Кеннеди, когда стала усиливаться критика непримиримых даллесовских внешнеполитических концепций. «США не подготовлены к наземной войне с Китаем, — напоминали многие дипломаты, — не следует связывать американские вооруженные силы в Индокитае, глупо надеяться, что Китай разрешит создать, например, американские опорные пункты в Лаосе». Честер Боулз отмечал реальность угрозы массированного движения Китая в ЮВА, что, по его мнению, обеспечило бы превосходство противнику [7].

Опасность военного столкновения с Китаем стала одним из важнейших аргументов в руках противников эскалации войны во Вьетнаме, среди политиков, опасающихся того, что расширение агрессии в Индокитае помешает американо-китайской нормализации.

В феврале 1965 года в печати появилась беседа Мао Цзэ-дуна с Э. Сноу. «Китайские армии не станут вести

войну за пределами своей территории.., китайцы станут драться лишь в том случае, если американцы нападут на них, — заявил Мао в этой беседе. — Преступно драться за пределами своей собственной территории». Беседа журналиста сыграла значительную роль для судеб американской политики в Азии. Обещание руководства КПК не посылать свои армии за пределы границ КНР вдохновило сторонников эскалации агрессии в Азии и позволило сомневавшимся сделать вывод: агрессия не помешает американо-китайскому взаимопониманию.

Можно вполне понять остроту реакции западных пропагандистов, когда речь заходит о разоблачении их деятельности в качестве поставщиков материала для строительства антисоветского фундамента взаимоотношений капиталистического Запада с националистическими элементами в КПК. Так, когда в Советском Союзе вышла книга «Внешняя политика КНР» (1971 г.), где Сноу справедливо показан как популяризатор «идей» Мао Цзэ-дуна, «исключительности китайского опыта», он быстро откликнулся: «Я прочитал статьи, которые были напечатаны в книге, изданной девятью авторами Института Дальнего Востока Академии наук СССР, — писал Э. Сноу. — Они указывают на то, что я передал «американским империалистам» обещание Мао Цзэ-дуна, что „китайская армия не будет сражаться за пределами границ своей страны"».

Э. Сноу обвиняет авторов книги в искажении текста его сообщения («Не передавал, — утверждает он, — подобного послания») [8].

У читателя, естественно, возникли вопросы, что имели в виду авторы книги, ссылаясь на интервью Э. Сноу? Э. Сноу всегда стремился создавать видимость объективности, выступая с позиций «беспристрастного наблюдателя». В действительности, как видно из его книг и статей, деятельность Э. Сноу в значительной степени носила политический характер. Она импонировала тем либеральным кругам американского общества, которые лелеяли мечту оторвать Китай от Советского Союза, сыграть на националистических, великодержавных настроениях в КПК. И авторы книги «Внешняя политика КНР» имели в виду прежде всего это обстоятельство. В книге неоднократно дается отсылка к той широкоизвестной беседе Мао Цзэ-дуна с Э. Сноу, в которой, как отмечалось, была изложена позиция Мао Цзэ-дуна относительно

возможности расширения вьетнамского конфликта: «Китайские армии не станут вести войну за пределами своей собственной территории». Значение опубликованной Э. Сноу беседы для дальнейшей эскалации агрессии США во Вьетнаме трудно переоценить. На первоначальных этапах агрессии вашингтонской администрации приходилось лавировать между двумя группами. Консерваторы (наиболее ярко эта линия проявлялась в позиции сенатора-республиканца Голдуотера, опиравшегося на техасских нефтяных магнатов) требовали расширения агрессии против вьетнамского народа. Умеренные либералы (в частности, Дж. Фулбрайт), напротив, предостерегали администрацию от чрезмерно решительных шагов в Индокитае, ссылаясь на возможность столкновения с КНР, как это было в период Корейской войны 1950—1953 годов.

Продемонстрированное китайской стороной желание достичь определенного взаимопонимания с США относительно рамок военного конфликта в Азии подтвердило правоту первых. И администрация Джонсона под давлением кругов, тесно связанных с военно-промышленным комплексом, начала с 1965 года развертывание массированных налетов на ДРВ. «Некоторые спрашивают, — говорил Джонсон еще в феврале 1966 года, — возможно ли возникновение более широкой войны, — быть может, против огромных сухопутных армий красного Китая? Ответ на это все тот же — нет. Этого никогда не будет в результате каких-либо наших действий; этого не будет, если только Пекин, несмотря на его неистовые речи, еще сохранит какое-то благоразумие». Правительству Джонсона не раз напоминали о заявлении министра иностранных дел КНР Чэнь И о том, что вступление Китая в войну во Вьетнаме будет оправдано, если США подвергнут бомбардировке Ханой или Хайфон. Но расчет на взаимопонимание с Пекином брал верх над опасениями перед возможным вступлением в войну Китая. Президент меньше стал обращать внимания на угрозу столкновения с Китаем и отдал приказ начать бомбардировки Ханоя и Хайфона. Бомбы посыпались на мирные города ДРВ. Политики ждали реакции Пекина. Оправдаются ли расчеты Джонсона? Они оправдались. «Составленное в осторожных выражениях заявление Пекина в ответ на бомбардировки Ханоя и Хайфона, — с удовлетворением отмечала «Нью-Йорк таймс», — укрепило правительство США

во мнении, что на нынешней стадии Китай не пойдет на прямое вмешательство в войну»[9]. Более того, в Пекине выступили с призывом к Вьетнаму полагаться в борьбе с империализмом лишь на собственные силы[10]. С тех пор огненные налеты американской авиации на ДРВ почти всегда сопровождались заверениями о том, что Пекин не вступит в военные действия. Подтверждались взгляды сторонников более решительных действий, призывавших, как это делал Голдуотер, к расширению объектов бомбардировок ДРВ, не опасаясь вовлечения в столкновение с Китаем.

Таким образом, Э. Сноу, как бы он ни трактовал свою роль, внес значительный вклад в дело усиления давления на Джонсона со стороны ультраправых, консервативных сил, предоставив им решающий аргумент об отсутствии у Китая намерения вступить в столкновение с США за пределами своей территории. Благодаря опубликованным беседам Э. Сноу заинтересованные в США круги получили представление о допустимости тех или иных военно-политических акций в Азии, о возможных рамках конфликта, о предельной черте, за которой лежит опасность более широкого вовлечения в военные действия на материке, и это вряд ли можно отрицать.

Американские либералы, а Э. Сноу особенно, обратили внимание на прославление «добрых традиций» в американо-китайских отношениях. На страницах работ Э. Сноу и его коллег американская политика в отношении Китая преподносится как благородная попытка сохранить целостность этой страны. Велик соблазн убедить и китайцев в том, что США — единственная страна, которую они могут считать другом и, возможно, защитником. В попытках придать своей деятельности острополитический характер Э. Сноу идет своей книгой «На той стороне реки» значительно дальше, чем это было в предыдущих его работах. Он представляет Мао Цзэ-дуна в качестве родоначальника нового учения, превозносит заслуги «вождя» в деле достижения успехов Китая, не скупится на антисоветские вымыслы. В одной из своих последних статей «Мао и новый мандат» Э. Сноу отметил «императивный» характер «культурной революции», представил ее как меру, осуществленную в интересах народа; он попытался сгладить американо-китайские противоречия в Азии и подчеркнул модную на Западе фальшивку об «угрозе» для Китая с севера[11].

В декабре 1970 года на улицах китайских городов появились газеты со статьей «Американский друг». Мао Цзэ-дун принял, сообщали газеты, американского журналиста и специалиста по китайским делам Э. Сноу. В глаза бросались слова Мао: «Китайский народ — друг народов всего мира, в том числе и американского народа». Это было время развития «пинг-понговой» дипломатии. Американцы впервые за 20 лет прибыли официальным путем в Пекин; они бродили по улицам, фотографировали, покупали «френчи Мао» и значки с его изображением, любопытство их, как казалось, не имело границ. Гости были окружены вниманием, всюду их встречали приветливые улыбки официальных лиц. В разгар «пинг-понговой» дипломатии было опубликовано новое интервью Э. Сноу с Мао Цзэ-дуном, в котором журналист сообщал о готовности Пекина принять Р. Никсона. Интервью это не стало сюрпризом для многих китайцев. Задолго до опубликования оно зачитывалось на заводах и в коммунах: общественное мнение готовили к серьезным поворотам в политике.

Э. Сноу не суждено было оценить результаты своих трудов: в феврале 1972 года он тихо скончался у Женевского озера, где жил последние годы. Мао и Чжоу прислали к постели Сноу трех врачей и медицинскую сестру. Будущим историкам, вероятно, посчастливится полнее узнать о деятельности Эдгара Сноу, получив доступ к тем его заветным записям, которые он по договоренности с лидерами КПК хранил в секрете.

В 60-х годах Э. Сноу был единственным американским писателем и журналистом, вокруг кандидатуры которого, когда речь зашла о приглашении в Пекин, не последовало споров Он был приемлемым для обеих сторон.

В 1972—1973 годах в Пекин проследовали многие соотечественники Сноу и среди них — китаевед Дж. Фэрбенк, бывший дипломат Дж. Сервис, историк Б. Тачмен и др.

Политолог Г. Моргентау

Проф. Г. Моргентау, выступая летом 1970 года перед корреспондентами, аккредитованными при ООН, объявил о создании в США Комитета за проведение новой политики в отношении Китая. Комитет объединил различных

политических и общественных деятелей. Среди требований инициаторов вновь созданной организации содержались следующие: 1) признать Тайвань китайской территорией; 2) воздержаться от вмешательства во внешние дела КНР, порвать с Тайванем в военном отношении; 3) ликвидировать эмбарго на торговлю с КНР; 4) прекратить вмешательство США во вьетнамские дела; 5) принять КНР в ООН; 6) установить дипломатические, экономические и культурные отношения с КНР. Программа комитета, о начале деятельности которого объявил Г. Моргентау, затрагивала, как мы видим, наиболее острые проблемы американо-китайских отношений. Г. Моргентау не случайно оказался на самом гребне волны острых дискуссий вокруг путей осуществления китайской политики США 70-х годов. Вся его предыдущая деятельность логически привела к этому. Ученый — не беспристрастен.

Ганс Дж. Моргентау — один из наиболее видных представителей школы «американского политического реализма». Родился он в Германии в 1904 году, гражданином США стал в 1943 году. Профессор права, истории, политических наук, Моргентау выступал в роли консультанта госдепартамента, был директором Центра по изучению американской внешней политики, стал профессором политических наук и современной истории Чикагского университета и университета Нью-Йорка. Моргентау справедливо считают одним из наиболее видных авторов в мире.

Г. Моргентау по праву считается знатоком социального маневрирования Он с вниманием относится к объективным закономерностям классовой национально-освободительной борьбы и исходит при этом из вполне осознанной им необходимости притормозить революционные процессы, ослабить воздействие новых, нарождающихся сил на ход исторического развития. В качестве своей важнейшей обязанности ученый видит поиск наиболее выгодных с точки зрения интересов США путей сопротивления назревающим как на мировой арене, так и в США любым социальным потрясениям. Ученый, например, подчеркивает, что индустриализация отсталых в промышленном отношении стран подорвет структуру развивающейся страны («Созданием городского промышленного пролетариата будут подорваны социальные узы семьи, деревни, племени.., создавшийся вакуум заполнят

социальные волнения и агитация»), что неизбежно приведет к предреволюционной или революционной ситуации. Следует, отмечал он, не идентифицировать любую революцию с коммунизмом и сдерживать тот тип «коммунистической деятельности», который противоборствует с интересами США[12]. Если национализм развивающейся нации не противоречит американским интересам, то США, согласно Моргентау, не только не должны выступать против него, но обязаны опираться на него в своей политике.

Эта позиция Г. Моргентау, скорее всего, и определила его роль в качестве одного из виднейших сторонников нововведений в китайской политике США. Еще в вышедшей в 1952 году книге «На защите национальных интересов» (в том же году книга была издана и в Лондоне, но под заглавием «Американская внешняя политика: критический обзор») Г. Моргентау анализирует китайскую политику США периода гражданской войны в Китае. Он видел трудноразрешимые для американских политиков того времени задачи: на чью сторону (КПК или гоминьдана) встать. И, поскольку КПК пошла в одном ряду с Советским Союзом, каким путем помочь чанкайшистам. Когда маккартисты действовали в сенате, а юристы тщательно изучали досье по делу «Амерэйша», Г. Моргентау открыто заявил о своих симпатиях к «китайской службе» госдепартамента. «Несмотря на хорошие знания некоторых наших высокоэрудированных специалистов и официальных лиц, — писал он, — мы встали на путь противодействия китайским коммунистам».

Г. Моргентау — один из вдохновителей политики «сдерживания Китая без изоляции». Под «сдерживанием» понималась в данном случае серия мероприятий социально-политического, экономического и культурного характера по укреплению соседних с Китаем азиатских государств без создания военных союзов, имеющих антикитайскую направленность. Г. Моргентау всегда старался подчеркнуть, что «национальные» цели руководителей КПК — превыше интернациональных интересов мирового коммунистического движения, что руководство КПК будет следовать своим «собственным интересам», независимо от общих целей мирового социализма и коммунистического движения.

Ученый известен как проповедник концепции «баланса сил», то есть защиты «национальных интересов» США

посредством создания собственной «силы» и поддержания регионального и мирового «равновесия сил». Моргентау, помня об ограниченности американских ресурсов, отрицает значение войны как средства достижения внешнеполитических целей в современную ракетно-ядерную эпоху. Внимание США, считает политолог, должно быть сосредоточено на создании на международной арене такой обстановки, которая позволила бы американской стороне держать в своих руках основные рычаги «баланса сил», выступать в роли арбитра в рамках этого «баланса». Поскольку основной силой в борьбе с мировым империализмом выступает Советский Союз, то предлагалось «уравновешивать» мощь социалистического государства силами третьих государств.

История американской политики в отношении Китая преподносится на страницах работ ученого в качестве одного из важнейших аргументов в пользу концепции «баланса сил»[13]. Активные интересы США в Азии с начала века, согласно Г. Моргентау, нашли свое выражение в доктрине «открытых дверей»: первоначально борьба за свободу «конкуренции в полуколониальной эксплуатации Китая», а затем политика «баланса сил» в Азии, что подразумевало создание сильного Китая («США противились попыткам Японии создать империю за счет Китая»). Победа революции в Китае разрушила основы азиатской политики США, приходит к выводу ученый, Китай стал союзником «недружественной» в отношении США державой. Вспоминает он и период кануна войны в Корее, когда США, казалось, готовы были пожертвовать Чан Кай-ши и склонялись к признанию нового режима в Китае. Участие Китая в войне, по его мнению, радикально изменило политику США. Политика «изоляции» Китая привела к обратным результатам: изолированными оказались США («Китай проявил интерес к торговле, прежде всего к закупкам промышленного оборудования»).

В китайском национализме, великодержавном шовинизме Г. Моргентау видит серьезную помеху для достижения целей США в Азии. Он обращает внимание своего читателя на совпадения в позициях Мао Цзэ-дуна и Чан Кай-ши по многим внешнеполитическим проблемам. Ни тот, ни другой не признавали границу с Индией («линия Макмагона»), считали ее навязанной англичанами, и тот, и другой считали Тибет неотъемлемой

частью Китая («Искусственно оторвана в 1921 году в результате полуколониального статуса Китая»). Так же они смотрели и на Тайвань. Не случайно Г. Моргентау сочувственно цитирует слова директора ЦРУ, заявившего в беседе с ученым, в частности, о том, что, если бы Чан Кай-ши господствовал в Пекине, у США были бы в отношениях с Китаем те же сложности, что и при новом режиме в этой стране («Китайская внешняя политика с 1949 года — это политика Китая, а не коммунизма») [14].

Советы Г. Моргентау инициаторам китайской политики капиталистического Запада сводятся в основном к двум: во-первых, следует избегать содействия в деле создания и упрочения промышленного потенциала Китая («Сомнительно, что, опираясь на свои собственные ресурсы, без помощи в капиталах и товарах, Китай останется угрозой для соседей»); и, во-вторых, необходимо осуществлять «политически направленную» внешнюю торговлю, при тесном сотрудничестве США со своими союзниками. (Соперничество США со своими союзниками на рынках социалистических стран означает «принесение в жертву общих интересов ради личной экономической „выгоды“».) [15] Г. Моргентау выступает за укрепление классового союза капиталистических государств в китайской политике, за создание общего фронта империалистических государств, «ставящих свои общие интересы выше индивидуальной коммерческой свободы».

Ведущие политологи капиталистического мира не раз обращали свои взоры на необходимость сглаживания межимпериалистических противоречий перед лицом широкого наступления сил социализма. Однако, вопреки их надеждам, межимпериалистические противоречия оказывались гораздо сильнее пожеланий следовать согласованному политическому курсу в отношении социалистических стран. И этого не скрывает проф. Моргентау. «Наши попытки развязать холодную войну экономическими действиями, — отмечает он, — были подорваны стремлением наших наиболее преуспевающих союзников добиться экономических преимуществ, идя на риск усиления общего врага»[16].

Активная деятельность Г. Моргентау в области политики не всегда приносила ему дивиденды. Критика вьетнамской политики стоила ему дорого: он был отстранен от должности, за ним стало следить ФБР. Отставка

Г. Моргентау напомнила о тревожных для либералов временах маккартизма. Сам ученый с презрением говорил о своих коллегах, предававших ради благополучия и карьеры свои принципы.

Сдвиги в американо-китайских отношениях подали Г. Моргентау и его коллегам по интеллектуальной общине новые надежды.

Китаист Дж. К. Фэрбенк

Как-то проф. Дж. Фэрбенк назвал Э. Сноу «деятельным человеком, скорее готовым поддерживать достойные дела, чем быть только пассивным наблюдателем». Сам Фэрбенк являет собой яркий пример деятельного участия американского ученого в формировании новой китайской политики Вашингтона.

В США Дж. Фэрбенка часто называют старейшиной американских китаистов. За его плечами огромный опыт практической деятельности. Он провел семь лет в гоминьдановском Китае, преподавал в университете Цинхуа, выступал в роли специального помощника посла США, в 1945—1946 годах возглавил информационную службу США в этой стране. Дж. Фэрбенк — маститый ученый, автор большого количества работ по истории Китая, проблемам американо-китайских отношений. Он стал главой той когорты американских азиатоведов, которые пришли из Тихоокеанского института и подвергались в свое время гонениям в связи с делом «Амерэйша» и расследованием деятельности института. Авторы вышедшей в США в сентябре 1971 года брошюры «Красный Китай и его друзья», известной как «доклад о китайском лобби», уделили немало внимания Дж. Фэрбенку. Они отнюдь не случайно обратились к «меморандуму Фэрбенка», считая, видимо, что в этом документе с наибольшей полнотой отражена позиция сторонников новой китайской политики США.

«Меморандум Фэрбенка», представленный президенту в ноябре 1968 года, в концентрированной форме излагал предложения относительно необходимости нововведений в китайской политике, сделанных при Эйзенхауэре, Кеннеди, Джонсоне. Меморандум отмечал, в частности, целесообразность для США налаживания переговоров своих «доверенных» лиц с лидерами КНР, вос-

становления прав КНР в ООН, отмены эмбарго на торговлю с Китаем, изменений в отношениях с чанкайшистами, ослабления открытой критики Пекина. Использование Вашингтоном «доверенных лиц» — среди них был Э. Сноу — оправдало себя, и это, возможно, послужило для Никсона одним из стимулов принять «меморандум Фэрбенка» и взять на вооружение его идеи.

Работы Фэрбенка отличает фундаментальность, авторское желание проникнуть в суть происходивших событий и знание специфики китайской действительности. Его книга «США и Китай» выдержала три издания: 1949 год, 1958 год — обновленное и дополненное, 1971 год — обновленное и дополненное. Появление каждого из изданий, несомненно, определялось серьезными событиями в американо-китайских отношениях, которые находили свое отражение в активизации внутриполитической борьбы в США по вопросам китайской политики.

Курс КНР на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом в первое десятилетие существования республики оказал нейтрализующее влияние на деятельность большей части либерально настроенных американских китаеведов — среди них был Дж. Фэрбенк,— усматривавших в китайском национализме панацею для США перед лицом возможного ослабления позиций в послевоенном мире. Маккартисты сковали на некоторое время деятельность Дж. Фэрбенка. В первой половине 50-х годов его имя почти не появляется в печати. Но с конца 50-х и в 60-х годах, когда позиция маоистов подтвердила надежды определенных кругов США на рост антисоветских, националистических тенденций в деятельности КПК, соотечественники вновь признали идеи Дж. Фэрбенка актуальными. Уже в 1959 году вместе с Доуком Барнеттом и Дж. Линдбеком он решительно заявил о необходимости восстановить традиционные стипендии специалистам по Китаю. Эти усилия не пропали даром. В 60-х годах на изучение Китая значительные суммы выделил Фонд Форда, не остались безучастными и другие фонды. До 15 млн. долл. в соответствии с законом о подготовке специалистов для «национальной обороны» предоставило правительство. Университеты страны внесли еще около 20 млн. долл. [17]

Переиздание в 1971 году книги Фэрбенка «США и Китай» в определенной мере отражало настроения в американских либеральных кругах, с надеждой встретив-

ших новые тенденции в политике КПК и пытавшихся подтвердить несостоятельность поползновений на академические свободы в период маккартизма. Фэрбенку, конечно, трудно забыть то время, когда ему и многим его коллегам были предъявлены обвинения в ошибочных рекомендациях правительству и даже в симпатиях к коммунизму. «Мышление любого человека, думающего о Китае,— пишет он в своей книге,— окрашено холодной войной 50-х годов» [18]. Целый раздел книги посвящен доказательству несправедливости гонений против китаеведов в годы «холодной войны».

Дж. Фэрбенк, озабоченный необходимостью сохранения престижа США на мировой арене, всегда стремился вместе с другими своими коллегами отстаивать более приемлемые и выгодные с точки зрения американских интересов пути и методы осуществления китайской политики, что не могли принять в свое время маккартисты, ослепленные антикоммунизмом, и ультрапатриоты различных мастей. Фэрбенк не раз высказывал сожаление по поводу того, что со времен маккартизма госдепартамент не привлекал известных специалистов по Китаю к формированию китайской политики. В издании 1971 года книги «США и Китай» отмечаются упущенные для США возможности в Китае, больше внимания, нежели в предыдущих, уделено критике инициаторов послевоенной китайской политики Вашингтона, направлявших свои основные усилия на спасение разлагавшегося режима Чан Кай-ши.

Критика такого рода в условиях пересмотра американо-китайских отношений оказалась к месту. Фэрбенка как представителя старшего поколения азиатоведов теперь часто выслушивают в сенате. Он дает советы правительству. Ученого принимают в качестве видного гостя в Пекине. Недаром известный своими либеральными взглядами сенатор Дж. Фулбрайт, аргументируя необходимость нового подхода к китайской политике, часто обращается к Фэрбенку и его трудам. «Китайское общество в большой степени отличается от нашего собственного, и мы не сможем достичь успехов в нашей политике по отношению к Китаю, если не будем учитывать эти различия,— цитировал Фулбрайт книгу «США и Китай».— Поэтому один из наших опасных врагов — такое направление мыслей, когда желаемое принимается за действительное, субъективизм, сентиментальность... На-

ша политика должна полностью учитывать процесс социальных изменений самого Китая. Мы не можем переделать китайское общество по своему подобию. Мы должны внести свой вклад в процесс сближения Запада с Китаем» [19].

Дж. Фэрбенк уже давно старается формулировать собственные концепции исторического развития Китая и показывает, как некоторые черты исторического опыта влияют на пути развития современного Китая, на взаимоотношения США и Китая. Большое место он отводит изучению влияния традиций на ход китайской революции, на современную политическую жизнь и общественную мысль в Китае. Один из принципов, которому следовали династии Хан, Мин и др. в Китае, осуществляя свою политику в отношении более сильных держав, находил, согласно интерпретации ученого, отражение в изречении древних китайцев: «Использовать варваров против варваров». Не удивительно, отмечает Фэрбенк, что гоминьдан в 40-х годах надеялся на содействие США в деле решения своей проблемы взаимоотношений с СССР или Пекин в настоящее время, обострив свои отношения с СССР, стремится вести переговоры с Вашингтоном [20]. Преимущественное внимание, считает Фэрбенк, нынешнее пекинское руководство уделяет — в этом также усматриваются определенные традиции — внутриполитическим проблемам. В 1965 году, когда США напали на ДРВ, они не встретились лицом к лицу с Китаем. Мао Цзэ-дун действовал тогда, как принц Гун в 1861 году, предпочитавший вести войну с восставшими тайпинами, нежели выступить против Англии и Франции, или как Чан Кай-ши в 1931 году, считавший, что лучше бороться с коммунистами, нежели с японцами. Все эти лидеры главную угрозу для себя видели во внутренних врагах.

Замена императора «кормчим» и конфуцианства идеями Мао Цзэ-дуна не затронула, по мнению Фэрбенка, культивировавшегося веками китайского национализма. Мао, придя к власти с помощью «варваров», сохранил традиционную систему власти с той лишь разницей, что династический абсолютизм («сын неба») был заменен партийной диктатурой [21]. На одном из заседаний в сенате Фулбрайт спросил Фэрбенка, может ли он привести пример из жизни другой страны, равносильный существующей в Китае традиции — «сын неба» и полу-

чил ответ: «Следует взять вместе американского президента, римского папу и еще несколько других комбинаций» [22].

Преимущественное внимание проблемам традиционализма определяет и трактовку проф. Фэрбенком китайской революции. «Режим Пекина менее монолитен, чем принято полагать,— отмечает он,— и в меньшей степени является продуктом марксизма-ленинизма, чем претендует» [23]. Диалектика мирового революционного процесса, естественно, вне внимания маститого автора, и он рассматривает китайскую революцию как явление обособленное, стоящее особняком от предначертанных историей путей социального развития народов, сбросивших с себя цепи колониального гнета.

Дж. Фэрбенк первым изданием книги «США и Китай» предполагал, в частности, объяснить неудачи американской политики, которые, по его мнению, проистекали из-за недопонимания сложных проблем китайской действительности, истории Китая. Он признает: победа КПК показала, что американский пример не повлиял на организацию политической власти в Китае столь эффективно, как советский. При этом Фэрбенк придает большое значение отсутствию у США какой-либо теории или метода для плановой организации экономики и развития коллективизма [24]. В целом же, однако, Фэрбенк, как и многие его коллеги, говоря о необходимости борьбы за «умы в Азии», все же недооценивает влияния идей социализма («Любое иностранное влияние неприемлемо для Китая») на рост и укрепление интернационалистских тенденций в деятельности КПК, рассматривает национальное своеобразие революции в качестве главного и решающего фактора, определяющего деятельность китайских коммунистов.

Заслуживает внимания взгляд Фэрбенка на историю американо-китайских отношений. В первых изданиях книги он признает, например, что в экспансии в Китай до начала XX века впереди шли англичане. Благодаря этому американцы, утверждал автор в первом издании, позволяли себе роскошь постоянно осуждать британский империализм, извлекая в то же время из его политики определенную выгоду [25]. Более категорично высказывался Фэрбенк в сенате: «Мы не можем сейчас охаивать и не признавать старой Английской империи,— напоминал он сенаторам,— хотя бы потому, что сами

позволяли англичанам вести грязные колониальные войны, получая от этого выгоду»[26].

Фэрбенк был прав, хотя и не совсем точен. Американские «антиколониалисты» не прочь были порассуждать с трибуны конгресса о бесчинствах англичан в Китае. В 40-х годах XIX в. руководитель военно-дипломатической миссии в Китае К. Кушинг открыто заклеймил англичан, вставших на путь агрессии против Китая. Многие соотечественники Дж. Фэрбенка из среды историков повторяли вслед за Кушингом и другими политиками антиколониальные декларации, превозносили существовавший якобы американо-китайский альянс и стремились в то же время забыть о совместных позорных акциях американцев и англичан в Китае. Тот же самый К. Кушинг подчеркивал в личном послании государственному секретарю (июль 1845 г.): «Я признаю, что Соединенные Штаты и все другие нации должны быть благодарны Англии за то, что она совершила в Китае. Соединенные Штаты извлекли из этого для себя немало пользы...»[27]. Да и разве не США воспользовались победой англичан и, угрожая военной силой, по существу, вырвали у Китая уступки по первому кабальному американо-китайскому договору 1844 года? Ведь требования чрезвычайного посла США Кушинга в то время подкрепляли жерла пушек тихоокеанской флотилии США, бросившей якорь у китайских берегов. Правительственные деятели США второй половины XIX века величали Ф. Уорда не иначе, как «нашим выдающимся согражданином». А под его командованием банда иностранных наемников заливала кровью китайские города, пытаясь задушить Тайпинское восстание. Когда в 1856 году англичане развернули военные действия в Китае, бомбардировка китайского берега с американских кораблей стала весомым вкладом США в дело агрессии. Эти факты, конечно, ни в коей мере не могут служить подтверждением тезиса о существовании якобы традиционной дружбы между США и Китаем. Но Дж. Фэрбенк, видимо, вынужден отдавать дань официальной точке зрения на проблемы истории американо-китайских отношений. В последнем издании своей книги он явно смягчает тезис о сотрудничестве США с колонизаторами, позволяя себе лишь оговориться: американская политика в ранний период экспансии молчаливо приспосабливалась к английской[28], и идет дальше: США,

следуя своим революционным традициям, «честно противостояли колониализму» («Мы постепенно отделались от договорных привилегий в Китае...», «Американцы находились в Китае для высоких целей — помощь, совершенствования личности...»). Нельзя сказать, что Фэрбенку ранее не было свойственно стремление подчеркнуть бескорыстие, альтруизм, «чувство справедливости», «идеализм» в качестве главных побудительных мотивов американской политики в Китае. Однако в издании 1971 года, как представляется, это стремление прослеживается более явственно. Раньше Дж. Фэрбенк, как отмечалось, мог позволить себе пожурить соотечественников за излишнее лицемерие в осуждении европейских колонизаторов, сегодня он, скорее всего, в большей мере скован политическими нуждами дня.

Иные историки любят представлять доктрину «открытых дверей» в Китае, провозглашенную правительством США в 1899 году, в качестве гуманной, абсолютно бескорыстной, предпринятой в интересах китайского государства мерой. Близок к ним и Фэрбенк. Эта доктрина, согласно его трактовке, обеспечивала на рубеже XIX и XX веков «территориальную неприкосновенность» Китая, «китайское территориальное и административное единство», отражала, в этом Фэрбенк превосходит многих своих коллег, опасения перед движением России в Маньчжурии, демонстрировала стремление американцев к достижению «политической справедливости»[29]. Налицо желание убедить читателя в том, будто США имели в виду обеспечение независимости китайского народа и неприкосновенности его территории перед лицом экспансии империалистических держав. Вряд ли можно отрицать антирусскую направленность провозглашенной Соединенными Штатами доктрины. Известно, однако, что действительные цели «открытых дверей» были намного шире и касались прежде всего необходимости удовлетворения аппетитов быстро растущего монополистического капитала США, пытавшегося потеснить своих соперников за столом империалистических яств, поживиться за счет китайского народа. Доктрина «открытых дверей» — это прежде всего программа экономической экспансии, опиравшаяся на экономическое могущество США, для конкурентной борьбы с колониальными державами в Китае, а затем и в других районах мира. Доктрина «открытых дверей» предусматривала для США

возможность действовать на территории всего Китая, а не какой-либо одной его части.

Вся история американской политики в отношении Китая после первой мировой войны показана в работе Фэрбенка сквозь призму коллективных акций США и европейских держав. Фэрбенк упускает, конечно, то обстоятельство, что в основу компромисса колонизаторов были положены идеи противодействия Советской России, национально-освободительному движению китайского народа. США, в силу различных причин менее связанные, нежели другие империалистические державы, с реакционными, феодальными кругами Китая, старались спекулировать на «антиколониализме», тщательно маскировать экспансионистскую сущность своей политики. Правящие круги США в борьбе с китайской революцией в 1925—1927 годах делали ставку на буржуазию, руками контрреволюции стремились подавить революционное движение китайского народа. Именно тогда рождались и крепли традиции дальневосточной политики США, направленной на подрыв общенациональных антиколониалистских усилий единого антиимпериалистического фронта [30].

В работе Фэрбенка упоминаются «дипломатические меры» против агрессии Японии [31], но ни слова не сказано об американском содействии политике умиротворения Японии, о желании направить японскую агрессию на север — против Советского Союза. Эта политика, как известно, достигла кульминации в переговорах английского посла Крейги и министра иностранных дел Японии Арита (21—22 июля 1939 г.). США, по существу, солидаризировались с Англией, а соглашение Крейги — Арита открывало милитаристской Японии путь для грабежа Китая, подавления революционных сил в Восточной Азии. Фэрбенк приводит пример участия США в «коллективных» акциях ООН в Корее (1950—1953 гг.), хотя ни для кого не секрет, что флаг ООН тогда использовался в качестве фигового листка, которым Вашингтон пытался стыдливо прикрыть наглую агрессию против корейского народа.

В своем подходе к истории политики США в Китае периода второй мировой войны и первых послевоенных лет Фэрбенк стоит на позиции либерально настроенной когорты американских китаеведов. В годы войны сам Фэрбенк ратовал за более тесные контакты американ-

цев с Яньанью, рассчитывая, что таким путем США смогут достичь значительных успехов в «длительном соревновании с Россией». Политик Фэрбенк, действовавший в соответствии с занимаемым положением, иначе поступить тогда и не мог. Патрик Хэрли способствовал больше похвальбой, нежели делами, отмечает Фэрбенк, установлению дружественных отношений между гоминьданом и КПК. Посредническая миссия Хэрли, как, впрочем, и Маршалла (1946 г.), не принесла успеха США, потому что они не могли, приходит к выводу Фэрбенк, контролировать Чан Кай-ши и его генералов, которые предпочитали действовать самостоятельно. Симпатии Дж. Фэрбенка, конечно, на стороне тех его соотечественников, которые были критически настроены в отношении режима гоминьдана, и своей деятельностью он стремится оправдать целесообразность нормализации отношений США с КПК.

Сотрудничество советского и китайского народов в 50-х годах Фэрбенк сравнивает с влиянием на внешнюю политику Китая Англии в 60-х годах XIX в., Японии — после 1900 года, США — в 40-х годах. Многие народы имели возможность, как отмечается, внести свой вклад в трансформацию «Срединной империи», но ни один постоянно. Все отошли [32]. Подобный взгляд свойствен не только Фэрбенку. В соответствии с такого рода позицией получается, что не было союза советского и китайского народов — союза, имевшего прежде всего антиимпериалистическую направленность и ярко продемонстрировавшего свой антиимпериализм в борьбе с агрессией США в Корее, а было всего лишь «преобладающее советское влияние» во внешней политике Китая, каким в свое время являлось английское, японское и американское.

Фэрбенк выступает в роли представителя школы «политического реализма». Подход с позиций «реализма» к оценкам исторических реалий, который проявляется и у Фэрбенка, игнорирует главное противоречие между двумя социально-экономическими системами — империализмом и социализмом. Лозунги маоистов о борьбе с «гегемонией сверхдержав», об «опоре на собственные силы» и т. д. зиждутся, в общем, на такого же рода посылках. Инициаторы особого курса Пекина хотят «теоретически» оправдать свой отход от социалистического содружества, борьбу за достижение великодержавных, гегемонистских целей. «...Полистайте историю борьбы

американского империализма и историю царского (т. е. русского.— *В. В.*) империализма,— советуют авторы статьи «Еще раз об изучении всемирной истории», опубликованной в 5-м номере журнала «Хунци» за 1972 год,— это окажет очень большую помощь в изучении борьбы двух сверхдержав за мировое господство сегодня и других международных вопросов». Лишенный классового содержания, тезис о борьбе с гегемонией «сверхдержав» смыкается с установками школы «политического реализма».

Этот тезис используется идеологами антикоммунизма, поскольку ставит на одну доску политику империалистического и социалистического государств, чем предоставляет врагам социализма «теоретический базис» для выступлений против ведущего социалистического государства с тех же позиций, что и в межимпериалистической борьбе.

На ежегодной сессии Американской ассоциации историков (АНА), 29 декабря 1968 г., Фэрбенк предложил усилить изучение проблемы взаимоотношений США с Восточной Азией, объясняя это необходимостью объединить усилия специалистов различного профиля, но при руководящей роли специалистов в области истории США. Он приветствовал образование Комитета по проблемам отношений США с Восточной Азией при АНА и выступил с призывом обратить особое внимание на американо-японские и американо-китайские отношения. Он, несомненно, думал о вкладе историков в борьбу США за Китай. «Мы, историки,— заключал Фэрбенк,— должны модернизировать древний китайский принцип: если ты сможешь понять себя и своего противника, ты победишь...» [33].

В книге «США и Китай» подчеркивается «несоответствие» между патриотизмом китайского народа и политикой сотрудничества с СССР, с коммунистическими и рабочими партиями различных стран, хотя, как известно, опыт истории показал, что укрепление сил мирового социализма и рядов коммунистического движения отвечает коренным интересам китайского народа. Курс маоистов на раскол международного коммунистического движения выглядит в работе в качестве своеобразного проявления китайскими руководителями патриотических чувств, слишком благородными представлены и намерения инициаторов «культурной революции». «Культур-

ная революция», согласно утверждениям автора, была скорее случайным событием — «Happening», нежели контролируемым процессом, а Мао предстает перед читателем в почтенной роли борца за справедливость против «обюрокрачивания» и «ревизионизма»[34].

Дж. К. Фэрбенк — ученый, широко известный в политических кругах как человек, способный оказывать влияние на формирование общественного мнения. Он частый гость в комиссии по иностранным делам сената. Недаром во время беседы с группой американцев, находившихся в КНР накануне визита Р. Никсона, Чжоу Энь-лай сказал: «Например, г-н Фэрбенк наш очень старый друг. Он был весьма хорошо осведомлен о положении в Китае...»[35]. Его судьба оказалась тесно связанной с изменениями американо-китайских отношений. Когда в конце 40-х годов Фэрбенк входил в состав совета опекунов американского Тихоокеанского института, соотечественники из среды маккартистов считали его «коммунистом». В Пекине Фэрбенка называли в то время «империалистическим шпионом» и «главным секретным агентом США». Усиление антисоветизма в Пекине привело к эволюции взглядов на китайскую политику в Вашингтоне даже в кругах, известных своими консервативными настроениями. Теперь на Фэрбенка смотрят иначе и в Пекине. Таковы сюрпризы истории.

Историк Барбара Тачмен

Б. Тачмен — член организации, объединяющей американских историков, и принадлежит, как отмечается в справочнике «Кто есть кто? Американские женщины (1970—1971 гг.)», к числу «опытных авторов, известных по ряду опубликованных работ и проявляющих интерес к международным делам».

Б. Тачмен начинала свою карьеру в Тихоокеанском институте, и, видимо, это повлияло на ее взгляды. Помог и опыт журналистской деятельности — сначала работа от журнала «Нэйшн», деятельность в Управлении военной информации в 1943—1945 годах. Одна из книг Б. Тачмен — «Августовские пушки» стала чуть ли не настольной книгой Дж. Кеннеди. Президент перечитывал ее и рекомендовал другим — сотрудникам, послам и генералам, и даже подарил один экземпляр премьеру Англии Гарольду Макмиллану.

Грохотом пушек августа 1914 года начиналась первая мировая война. Об этих событиях пацифистка Б. Тачмен напоминала современникам и призывала: образумьтесь, пусть опыт истории научит вас. Заключительные слова книги «Августовские пушки» стоят того, чтобы процитировать их: «Люди не могли бы выдержать сокрушительной и мучительной войны без надежды, что сама ее чудовищность явится гарантией того, что такая война больше не повторится, надежды, что, когда ее как-то довоюют, будут заложены основы лучшего мира. Как мираж Парижа поддерживал солдат Клюка на марше, так и мираж лучшего мира мерцал за опустошенными снарядами полями и обрубками деревьев, когда-то бывших лесами. Ничто другое не могло придать достоинства или смысла чудовищным наступлениям, когда ради занятия десятка метров или обмена одной залитой водой траншеи на другую гибли тысячи и сотни людей... Когда наконец война закончилась, то основным из ее многих последствий было разочарование» [36].

Книга заставила задуматься не только Дж. Кеннеди. В мире продолжали кровоточить незажившие раны второй мировой войны, куда более ужасной по своему трагизму и жестокости, чем первая. Государственные деятели приходили к выводу — третья мировая война, если она и вспыхнет, то, конечно, будет последней, ее участникам не суждено бить в победные литавры. Подобное убеждение возвысило «Августовские пушки» над другими историческими произведениями современников автора. Книга была отмечена в 1963 году премией Пулитцера.

В 60-х годах Б. Тачмен берется за перо, чтобы поведать читателю о своем взгляде на историю американской политики в Китае. С этой страной ее связывали и трогательные воспоминания молодости. На суперобложке новой книги Барбары Тачмен читатель увидит фото: мужественная, одетая в походный костюм девушка верхом на муле. Такой запечатлели ее в Китае в 1935 году, где она побывала в качестве корреспондента.

Книга Б. Тачмен «Стилуэлл и американский опыт в Китае» вышла в 1971 году, то есть в то время, когда политические шаги администрации Никсона по нормализации отношений с КНР создали благоприятный климат для опубликования такого рода исследований. Для мыслящего либеральными категориями американского уче-

ного проникновение в область истории китайской политики своей страны — дело рискованное. «Освещение этой темы после поражения Чан Кай-ши и потери американского влияния,— признает сама Тачмен,— вызвало нарекания в широких кругах американского общества». Риск уменьшался по мере смягчения политического климата в американо-китайских отношениях. Свою книгу Барбара Тачмен посвятила американскому опыту в Китае. В центре работы — жизнь и деятельность американского генерала Дж. Стилуэлла. Б. Тачмен смотрит на своего героя с откровенной симпатией, полагая, что именно он, генерал Стилуэлл, сочетал в себе черты «подлинного американца». Она подчеркивает, что знание Стилуэллом страны, языка, дружба его с людьми, вера и настойчивость в выполнении поставленной задачи возвысили генерала над другими его соотечественниками, побывавшими в Китае. Выбор героя и оценка его деятельности не случайны. Ведь Стилуэлл был одной из важнейших мишеней маккартистов, а его деятельность привлекала особое внимание сторонников ревизии дальневосточной политики США с правых позиций. Новый взгляд администрации на китайскую политику вдохновил историков на поиск аргументов в пользу активизации китайской политики США, на переосмысление ставшего в 50-х годах стереотипным тезиса о «предательстве» американских интересов в Китае. Новая книга Тачмен — логическое отражение такого рода тенденций.

Воспоминаниями о событиях и их участниках с автором поделились Дж. Сервис, Дж. Дэвис, Дж. Эмерсон, Дж. Винсент (отставных дипломатов Б. Тачмен причисляет к числу наиболее информированных по Китаю людей), Э. Сноу. Проф. Дж. К. Фэрбенк нашел время, чтобы прочесть рукопись и сделать замечания, полковник Дэвид Баррет любовно направлял авторское перо, посол Честер Боулз содействовал Б. Тачмен в поездке по Азии. К этим лицам, а также ко многим другим обращена благодарность автора книги «Стилуэлл и американский опыт в Китае».

Американская политика в отношении Китая (и в отношении других народов Азии) преподносится на страницах книги Б. Тачмен как политика, продиктованная благородными побуждениями, лишенная каких-либо корыстных устремлений. Военные историки, пишет Б. Тачмен, спросили генерала Маршалла, какова была полити-

ка президента (Ф. Рузвельта.— *В. В.*) в отношении Китая, разъяснял ли он ее вам когда-либо? Генерал ответил: «Она состояла в том, чтобы обходиться с Китаем как с великой державой». Это, по мнению Б. Тачмен, более чем лозунг, рассчитанный на заполнение вакуума. Рузвельт считал, подчеркивает она, что время колониальных империй прошло, что западный мир ради своей же безопасности должен перестать относиться к народам Азии как к неполноценным. Позиция Ф. Рузвельта по колониальным проблемам хорошо известна и, конечно, не была выражением только его личного мнения. Ф. Рузвельт, один из виднейших реалистов своего времени, отражал определенные тенденции во внешней политике США. Его антиколониальные декларации, провозглашавшие (зачастую в достаточно туманной форме) право народов на независимость, были вызваны к жизни целым рядом взаимозависимых причин. С одной стороны, на них сказывалось влияние духа времени — освободительные идеи антифашистской коалиции, с другой — действовали рычаги, приводимые в движение отнюдь не благородными, как считает Б. Тачмен, устремлениями американского президента, а корыстными интересами американского капитала, которые проявлялись в наиболее концентрированной форме в попытках США закрепиться в сфере традиционных колониальных анклавов Запада. Один из выводов Б. Тачмен довольно прост: сохранение статус-кво на Дальнем Востоке являлось целью Британии, а отнюдь не Рузвельта [37].

С позиций американского либерализма Б. Тачмен бросает острокритический взгляд на историю американской политики в Азии, главным образом в Китае. В чем же причины многочисленных неудач азиатской политики США? Историк, отвечая на этот вопрос, с укором обращается к инициаторам китайской политики Вашингтона: как они могли попасть во власть иллюзий в отношении того, что путь США приемлем для Азии, что в Азии хотят следовать этому пути и воспримут американские идеалы? Как могли поверить в миф о «всеобъемлющем» китайском рынке?! Как американцы, не успев проститься со старыми легендами, создавали себе новые, в частности миф о возможности «развития в Китае демократии наподобие американской»?!

Переоценка методов и средств внешнеполитической деятельности США в Азии нашла свое отражение в по-

зиции историка Б. Тачмен. Эта позиция начисто отрицает мессианский подход к политическим реальностям современного мира и ставит Б. Тачмен в мощную когорту современных историков-«ревизионистов». «Пора перестать думать, — заключает она, — что все народы на Ближнем и Дальнем Востоке, в Африке ждут наподобие молодых птенцов, когда им вложат в открытые клювы демократию». Действительно, американское общественное мнение относительно китайской политики формировалось под влиянием миссионеров, действительно, многие американцы, следуя своей приверженности идеалам буржуазных свобод, придавая борьбе за суверенитет любой нации значение реального воплощения джефферсоновских принципов, усматривали в движении китайского народа за независимость залог торжества в Китае демократии в ее американском понимании. С этим, вероятно, можно согласиться. Но диалектика дальневосточной политики США была намного сложней, чем это показано в работе Б. Тачмен.

Известно, что США в период войны рассчитывали использовать чанкайшистский Китай для подрыва позиций приверженцев традиционного колониализма. Сами гоминьдановцы, рассматривая Британскую империю в качестве важного препятствия на пути осуществления великодержавных целей в Азии, с надеждой взирали на США и подхватывали антиколониальные декларации Вашингтона. Последний период войны воочию продемонстрировал иллюзорность антиколониалистских деклараций США, выступивших ради спасения капиталистической Европы в защиту колониальных тылов империализма, практически за сохранение статус-кво во многих районах Азии. В своей трактовке целей, мотивов китайской политики США Б. Тачмен идет рядом с гоминьдановскими идеологами. Различие касается прежде всего оценок средств осуществления этой политики. Политики и историки дополняют друг друга. Первые ведут борьбу вокруг выбора средств осуществления китайской политики Вашингтона, вторые предоставляют им исторические аргументы для оправдания проведения в жизнь желательного для той или иной группировки внешнеполитического курса. Первые стремятся опереться на общественное мнение, вторые стараются формировать это мнение в определенном направлении. Деятельность и тех и других тесно взаимосвязана.

Среди тех, кто с особой признательностью упоминается в предисловии, отмечены четыре бывших офицера 38-й китайской дивизии, ветераны бирманской кампании. На Тайване Б. Тачмен получила от них ценную, как отмечалось, информацию, но вынуждена была не упоминать их фамилий, чтобы оградить своих консультантов от возможных осложнений. Этот, казалось, на первый взгляд незначительный штрих подчеркнул тесную связь историка с сегодняшней китайской политикой Вашингтона.

В Тайбэе чутко реагируют на внутриполитическую борьбу в США по проблемам китайской политики и болезненно воспринимают попытки американских теоретиков критически пересмотреть отношения США с гоминьданом. Недаром официальные историки на Тайване в ответ на солидный труд Б. Тачмен издали свою книгу о генерале Стилуэлле. Автор книги проф. Лян Цин-дун жил в Китае в военные годы, а на Тайване возглавил Институт современной истории. Дж. Стилуэлл в этой книге выглядит, в отличие от представлений Б. Тачмен, профаном в области китайской культуры, в делах мировой политики. Гоминьдановский историк, отдавая дань храбрости генерала, в то же время упрекает его в абсолютном невежестве, которое, по мнению Ляна, проявлялось в оценках «глобальных мотивов коммунизма и намерений китайских коммунистов в частности». Основные удары идеолог гоминьдана направил против группы Дэвиса — Сервиса, утверждая, что «частная дипломатия при штабе Дж. Стилуэлла во главе с Дж. Дэвисом как государственным секретарем» сослужила плохую службу интересам США в Китае. Проф. Кьюбек в своей рецензии на эту книгу поднял на щит историка Ляна, противопоставив ее изысканиям Б. Тачмен [38].

Б. Тачмен не испытывает чувства ложной скромности, когда отстаивает свою линию на защиту «американского образа жизни». Она с убежденностью говорит о том, что «сдерживание» коммунизма является целью, к которой она стремится «в большей степени, чем кто-либо другой». Антикоммунизм неизбежно приобщает историка Тачмен к откровенному антисоветизму. Она, как и другие идеологи антикоммунизма в США, рассматривает, например, Советский Союз в качестве основного виновника напряженности в советско-китайских отношениях, стремится доказать традиционность «агрессивного» внешнеполитического курса СССР в отношении Китая. В своих

публичных выступлениях Б. Тачмен, по существу, противопоставляет «агрессивный», с ее точки зрения, курс СССР «миролюбивой» политике Пекина, убеждает своих слушателей в том, что в Китае отсутствовали и отсутствуют какие-либо «экспансионистские устремления», что внешняя политика Китая отличается «традиционным миролюбием». Так, когда на слушаниях в сенате ее спросили, «как относился Чан Кай-ши к возможности установления после войны контроля Китая в Индокитае», Б. Тачмен напомнила о позиции президента Рузвельта — ни при каких обстоятельствах не возвращать Индокитай после войны Франции, установить там контроль Китая, используя в этих целях систему опеки. Но Чан Кай-ши, по ее словам, не проявил интереса к предложениям президента, что и «соответствовало истине»[39].

Неудачный аргумент, прямо скажем, приведен в защиту миролюбия китайских националистов! Разве не Чан Кай-ши в своей книге «Судьбы Китая» (1943 г.) открыто причислял территорию Индокитая к территориям «Великого» Китая? Разве не чунцинские националисты проявляли особый интерес к послевоенному устройству соседних стран (прежде всего Кореи и Индокитая), разрабатывая планы установления там своего контроля посредством насаждения прогоминьдановской агентуры? Наконец, почему гоминьдановские войска вторглись в первые послевоенные годы на территорию Индокитая и продолжали там оставаться, пока внутриполитический кризис в самом Китае не вынудил их покинуть эту страну? Ответы на эти вопросы заставляют усомниться в правильности утверждений об отсутствии экспансионистских устремлений у китайских националистов и, если иметь в виду конкретный пример Б. Тачмен, об отсутствии доказательств о намерениях Чан Кай-ши установить контроль в Индокитае.

Позиция Б. Тачмен, столь остро критикующей исторический опыт США в Китае, отнюдь не противоречит официальным внешнеполитическим доктринам Вашингтона. В ее деятельности отражаются новейшие тенденции в подходе США к китайским проблемам. Историк помогает освободиться от тяжких наслоений, оставшихся со времен политики «сдерживания изоляцией».

Усилия Тачмен, откровенно декларирующей свою приверженность антикоммунизму, не остались незамеченными в Пекине: ее пригласили посетить КНР. И вот спустя

много лет Б. Тачмен снова в Китае. Осенью 1972 года в газете «Нью-Йорк таймс» появляются ее материалы. Один из них — «Американский историк сообщает об озеленении Китая». Интерес автора простирается далеко за пределы важной, но все же частной, проблемы озеленения. Б. Тачмен делится с американским читателем впечатлениями о посещении Китая. Ее, например, поразила бесконечная процессия двухколесных телег, тянувшихся из города в город. На этих телегах, запряженных мулами, лошадьми или движимых мускульной силой человека, стоящего между оглоблями с веревкой на шее, гравий, удобрения, кирпичи, песок, железные трубы, напитки в бутылках, глиняные кувшины, горы зеленого и красного лука, дыни, покрышки, ящики, стулья, мусор, мешки с зерном, мешки с удобрениями, корзины с углем, тяжелые бревна и пр. и пр. Именно эти двухколесные телеги, утверждает Тачмен, отражают китайскую действительность и показывают, насколько Китай далек от «модернизации». Критический взгляд историка, надо отдать ей должное, контрастирует с восторгами, на которые не скупятся сейчас многие ее соотечественники, восхваляя всесторонний прогресс в Китае и пытаясь таким путем оправдать политическую переориентацию руководства КНР, указав на правильность такой трансформации.

Б. Тачмен не могла не заметить пропаганду Пекином преимуществ китайской экономики перед экономикой капиталистического Запада. В центре внимания этой пропаганды — полная занятость, которая достигается тем, отмечает историк, что люди выполняют более или менее номинальную, бесполезную работу, что изнурительный труд китайского труженика не стал легче по сравнению с прошлым [40]. В своем критическом подходе Б. Тачмен не поднимается, однако, выше добросовестной объективности верного сторонника капиталистического пути развития, она не в силах и, наверное, не вправе предложить китайскому народу иной путь. Только разумное, основанное на глубоком научном понимании использование закономерностей социалистического ведения хозяйства способно решить эту задачу. Американские наблюдатели, посетившие вслед за Никсоном Пекин, далеки от такого взгляда. Далека от него и историк Б. Тачмен. Она не может согласиться, что социализм, какой бы сложной ни была диалектика его развития, является исторически закономерным общественным строем.

Он занимал пост консула в Урумчи, генерального консула во Владивостоке, в Мукдене, в Чанчуне, оставался в Китае после победы китайской революции вплоть до закрытия последнего американского консульства в Китае, возвратился в США в 1950 году и стал начальником отдела по китайским делам при госдепартаменте. Казалось, что Клабб был чист в глазах маккартистов. Но 14 марта 1951 г. кадрового дипломата вызвали в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Среди обвинений, предъявленных ему, — связи с журналом «Амерэйша», переправление в США писем Агнессы Смедли, сотрудничество с Тихоокеанским институтом, знакомство с привлеченными по делу «Амерэйша» Дж. Сервисом, Ф. Джаффе и др. Клабб был отстранен от дипломатической службы. С тех пор его имя стало нередко появляться на страницах газет и журналов. Его знают по ряду книг, среди которых можно назвать «Китай XX века», «Коммунизм в Китае» и др. В 60-х годах Клабб читал лекции по истории Китая в Колумбийском, Нью-Йоркском университетах, в Бруклинском колледже.

Клабб — один из первых американских специалистов, публично откликнувшихся на усиление антисоветских тенденций во внешней политике Пекина. Он призвал к пересмотру отношений США с Китаем, к использованию китайского рынка, к возрождению политики «открытых дверей», чтобы не отстать в этом отношении от Англии, Канады, Японии, Франции[41]. В 1964 году, когда пекинское руководство активно приступило к осуществлению раскольнического антисоветского курса, Э. Клабб опубликовал книгу «Китай XX века», где рассматривает теоретическую платформу китайских коммунистов с точки зрения преемственности исторических традиций, синоцентристских идей и конфуцианства. Все шаги КНР, подчеркивает Клабб, диктуются стремлением к гегемонии и восстановлению былого статуса «Срединной империи»[42].

Последняя книга Клабба «Китай и Россия. Большая игра», вышедшая в 1971 году, довольно полно отражает взгляды бывшего дипломата. Клабб выразил благодарность Фонду Рокфеллера и Комитету по изучению современного Китая Восточноазиатского института (Колумбийский университет) за финансовую поддержку при работе над темой.

В книге он попытался в историческом контексте показать «природу отношений между двумя странами» (КНР и СССР) и, основываясь на этом, сделать определенные прогнозы относительно будущих взаимоотношений между ними. Наблюдается тенденция, отмечает Клабб в предисловии, рассматривать китайско-русские отношения прежде всего за прошедшие двадцать лет. Однако основы этих отношений следует искать в глубинах далекого прошлого. Подобная посылка автора стала основной и в большой степени определила структуру книги.

Клабб относит начало китайско-русских отношений ко времени правления утвердившихся в Китае маньчжур-завоевателей и первых царей династии Романовых в России. Антисоветский курс руководства КНР Клабб пытается вложить в схему противоборства двух империй, с чем сам автор связывает определенные исторические реминисценции. Рост «двух империй» и длительная борьба между ними за превосходство «продолжались даже после того, как эти страны распрощались со своими имперскими лозунгами», заключает Клабб, коммунизм настоящего можно лучше понять, постигнув «имперское прошлое России и Китая»[43].

Среди стратегических целей маоистов Э. Клабб выделяет стремление завладеть Сибирью к северу от границ Китая и Средней Азией к западу. Подчеркивая принцип преемственности, он, по существу, фальсифицирует внешнюю политику первого в мире социалистического государства, изображая ее в основном как продолжение политики царской России. В работе явно тенденциозно представлена деятельность советских советников, находившихся в Китае в период революции. С этих же позиций в книге рассматривается, например, проблема вступления Советского Союза в войну с милитаристской Японией. Бывший дипломат отрицает освободительную миссию Советского Союза, приписывает советской стороне корыстные устремления, что явно на руку антисоветски настроенным представителям маоистского окружения.

Заслуживает внимания острокритический взгляд Э. Клабба на деятельность Мао и сущность маоизма. «Чан Кай-ши, — утверждает он, — был одним из тех китайцев, которые мыслили категориями восстановления границ Китайской империи. Мао Цзэ-дун стоял на тех же позициях». Китайские коммунисты, как и гоминьдановцы в период расцвета своего влияния, вспоминает Клабб,

поднимали голос в защиту права национальных меньшинств Китая на самоопределение. Но, по мере того как КПК укрепляла свои позиции, они все в большей степени демонстрировали великоханьский шовинизм, отстаивали право китайцев распространить свою власть над всеми народами, которые были насильно включены в далеком прошлом маньчжурами в состав империи. В доказательство бывший дипломат приводит беседу Мао с Эдгаром Сноу в 1936 году, в которой руководитель КПК заявлял, что после победы революции в Китае Внешняя Монголия автоматически станет частью китайской республики. Демонстрации имперского духа выразились также в требованиях вернуть «утерянные» территории, в попытках проводить политику диктата не только в отношении Бирмы и Кореи, но и Японии. Они показали, что современные китайские лидеры, хотя и называют себя коммунистами, в действительности выступают в роли представителей великоханьской державы [44].

Бывший дипломат смотрит на мир, следуя традициям американского либерализма и «политического» реализма. Рассматривая основные движущие силы развития современных международных отношений, он уповает прежде всего на «эгоистические устремления» руководителей великих держав, возвеличивает роль исторических традиций, абсолютно игнорируя при этом важнейшую особенность исторического процесса — борьбу двух социальных систем. В то же время от многих американских пропагандистов (особенно от тех, кто стремится положить антисоветизм в основу отношений США с Пекином) Клабба отличает то, что он, придавая своим работам антисоветскую нагрузку, отнюдь не приукрашивает политику маоистов, а на многочисленных примерах показывает их великодержавные амбиции, воинствующий национализм.

Э. Клабб усматривает негативные для США моменты в использовании китайского фактора против Советского Союза, в демонстрации силы в Юго-Восточной Азии. Сдержанность и государственная мудрость советского руководства, обратился Э. Клабб к читателям «Нью-Йорк таймс», позволит СССР «добиться соответствующего результата в смысле уважения во всем мире» [45]. Опыт дипломата подсказывает историку магистральную для США линию в мировой дипломатии. Спекуляции на антисоветизме в КПК ради временного выигрыша не стоят того, чтобы ставить под угрозу национальные интересы США.

Лоббист У. Джадд

В середине 60-х годов во времена блистательных дискуссий, шумных сборищ, устроители которых вдохновенно взвешивали дивиденды от нововведений в китайской политике, как и ранее, демонстрируя преданность Тайваню и прежним стереотипам, гремел Уолтер Джадд, бывший миссионер в Китае, конгрессмен и один из основных лоббистов в пользу Тайваня. Но уже тогда он начал ощущать слабость своего положения. Редели ряды сторонников Чан Кай-ши. Не было в живых сенаторов Маккарена, Маккарти, генералов Ченнолта и Хэрли. Давно сошли со сцены дипломаты У. Буллитт и У. Робертсон, сенаторы У. Ноуленд и У. Дженнер. Покинул этот мир и глава китайских лобби А. Кольберг. Предана была забвению активная деятельность издателя «Тайм» Генри Люса по содействию гоминьдановским лоббистам, а его супруга Клара Бут Люс, такая же горячая в прошлом сторонница чанкайшистов, выступила с признанием необходимости нового подхода к китайской политике, что было равносильно публичному раскаянию. В 1961 году была прекращена публикация списка членов конгресса, поддерживающих линию лоббистов на противодействие принятию КНР в ООН.

В послевоенные годы китайское лобби группировалось вокруг «Комитета одного миллиона против допуска коммунистического Китая в ООН». Джадд шел в первых рядах движения и был инициатором создания этого комитета в 1953 году. В середине 60-х годов антиамериканизм Пекина позволял Джадду с решимостью обрушиваться на коллег в конгрессе, выступающих в пользу пересмотра китайской политики и уповавших на возможность повлиять каким-либо путем на характер и сущность власти в Китае. Главный аргумент Джадда — характер власти в государстве определяет внешнюю политику, и, основываясь на нем, он продолжал рассуждать об опасном заблуждении американцев, видевших в маоистах прежде всего националистов, маскирующихся под коммунистов («Китайская традиция... была бы составной частью мировоззрения коммунистов, но, по-моему, они олицетворяют полный разрыв с прошлым», «Все коммунисты сходятся в вопросе о мировой революции»). Джадд и его соратники подчеркивали интернациональный характер коммунистического движения, представляли Коммунистическую

партию Китая в качестве неотъемлемой части этого движения.

Джадд оперировал и историческими аргументами. Выступая в марте 1966 года в сенатской комиссии по иностранным делам в качестве специалиста по дальневосточным проблемам, он предпринял попытку ревизовать американо-китайские отношения прошлого ради подтверждения правильности дальневосточной политики США даллесовских времен. По его мнению, когда специальный представитель США Хэрли посетил в 1944 году освобожденные районы Китая, США предоставили «официальный статус коммунистическому восстанию» и в результате была «подорвана мораль» американского союзника в лице гоминьдана. Джадд пришел к выводу, что предлагаемые некоторыми его коллегами переговоры с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) деморализуют правительство Сайгона таким же путем, каким был подорван «авторитет Чунцина» в 1944—1946 годах переговорами США с китайскими коммунистами [46].

Джадд встретил в штыки предположение о том, что президент Никсон поддержит прием Пекина в ООН. Он отверг ставшее популярным в Вашингтоне в начале 70-х годов мнение о том, что советско-китайские отношения не могут быть улучшены («Это соперничество не между двумя нациями, а между двумя течениями в мировом коммунизме»). Расхождения между Советским Союзом, как их представлял Джадд, касались не того, что делать, а прежде всего того, как делать («Расхождения касаются лишь поиска путей к тому, как сокрушить нас») [47]. Джадд не упускал возможности припугнуть американского обывателя опасностью «экспорта революции».

Усиление антисоветских тенденций во внешней политике Пекина внесло разлад в протайваньскую общину в США. Визит Никсона в Пекин и продемонстрированная китайской стороной заинтересованность в развитии отношений с США, казалось, окончательно поколебали позицию Джадда и его сторонников. «Самым значительным результатом отмены президентом Никсоном существовавшего 21 год эмбарго на торговлю с Китаем, — подмечала «Вашингтон пост», — является отсутствие в стране шумной реакции на это решение... Отрицательные отклики в конгрессе носили единичный характер, что отражает

лишь тень той всеобщей оппозиции любым контактам с Пекином, которая организовывалась в 50-х годах китайским лобби»[48]. Этой тенью был Джадд. За приемом КНР в ООН последовала еще большая сумятица среди китайских лобби.

Уолтер Джадд взял на себя бремя по сплочению дрогнувшей когорты лоббистов. В феврале 1972 года его имя было названо прессой как имя создателя нового «Комитета за свободный Китай», призванного заменить «Комитет одного миллиона». «Мы не намерены торпедировать поездку (Никсона. — *В. В*), — заявил секретарь прежнего комитета Ли Эдвардс, — но было бы полезно, чтобы о нашем существовании знали». Комитет предполагал предпринять и изучение роли ООН, взвесить пользу и вред, которые приносит эта Организация для США. Джадд так выразил свою точку зрения: «Сейчас ООН — другая организация, и ее польза может быть гораздо меньше, чем прежде». Противники нового подхода Вашингтона к проблемам китайской политики из среды лоббистов представляли пекинских руководителей в роли «улыбающихся тигров», ожидающих, что им «преподнесут Тайвань на серебряной тарелочке».

Отставной дипломат Дж. Сервис

Во время подготовки визита президента Никсона в Пекин имена Дж. Сервиса и некоторых его соратников по дипломатической службе вновь появились на страницах американских газет. Многие годы отставной дипломат упрямо воздерживался от комментариев в публичных и академических дискуссиях по поводу китайской политики, хотя его осаждали многочисленными просьбами: соотечественники хотели знать подробности о яньаньском периоде.

В свое время Дж. Сервис не скрывался от жрецов Фемиды, и они оправдали его. Обвинения, выдвинутые против дипломата во время расследования дела «Амерэйша», были отвергнуты. Однако оправдание не могло принести ему полного удовлетворения, поскольку путь к китайским делам, да и к дипломатической службе, был наглухо закрыт. В 50-х годах, когда он прибыл в Нью-Йорк, ему было трудно даже снять квартиру. «Я чувствовал себя, — признал Сервис, — как представитель меньшинств, которому чрезвычайно сложно найти крышу.

Я чувствовал себя отверженным». В те годы бывший дипломат вынужден был даже взяться за дела, далекие от его профессии, работая в одной из нью-йоркских инженерных фирм. Вскоре он был восстановлен на дипломатической службе, но в мае 1962 года ушел с нее окончательно.

Невиновность не всегда можно доказать, хотя она очевидна, утверждает Дж. Сервис. В данном случае «доказательства», представленные Пекином, превзошли все ожидания. Это, несомненно, стимулировало переоценку прошлой деятельности специалистов-китаеведов, и правящая Америка выносила оправдательный вердикт пострадавшим по делу «Амерэйша». В академических и университетских кругах китайская проблема вновь оказалась в центре острых дискуссий, и Дж. Сервис, простившись с дипломатической карьерой, прибыл в Беркли для получения очередной степени по политическим наукам. Дж. Сервис становится героем, мучеником, имя его склоняют профессора и журналисты, и он без особых хлопот получает степень магистра политических наук.

Слово бывшего дипломата снова приобрело вес в сложной политической игре, и он выступил на стороне сил, борющихся за новый подход в китайской политике. В ответ на появление в печати документов по делу «Амерэйша» под редакцией проф. Кьюбека Дж. Сервис издает книгу «Документы «Амерэйша»: некоторые проблемы истории американо-китайских отношений». Но деятельность нового магистра политических наук выходит далеко за рамки обычных академических дискуссий.

В начале августа 1971 года американский журналист Рестон, находившийся в Пекине, беседовал с Чжоу Энь-лаем. Он упомянул об американцах, переживших «трудные времена» (маккартизма. — *В. В.*) и пострадавших из-за своих взглядов по Китаю в 40-х годах. Было бы хорошо, говорил Рестон Чжоу Энь-лаю, позволить некоторым из них посетить Китай снова. Чжоу согласился и назвал четырех американцев, которых он пригласил бы с готовностью. Одним из четырех был Дж. Сервис. Через несколько недель он получил приглашение посетить с супругой Китай. Хозяева разрешили посещать гостю любое место, которое он хотел видеть, — никаких ограничений!

27 октября 1971 г. Дж. Сервис беседовал с Чжоу, посетил Нанкин, Шанхай, Ханчжоу, Кантон и закончил свой вояж 10 ноября.

С 7 по 8 февраля 1972 г. в сенатской комиссии по иностранным делам состоялись слушания по теме: «Китай и США сегодня и вчера». Главной фигурой на них был Дж. Сервис. Он только что возвратился из поездки в Пекин и горел, видимо, желанием поделиться впечатлениями. Выступая перед сенаторами, Дж. Сервис вспомнил о своих встречах с Чжоу Энь-лаем в годы второй мировой войны. Воспоминания приобретали актуальность — ведь встречи повторились.

Отвечая на вопрос, какие перемены произошли в Китае, Дж. Сервис рассказал о поразившей его обстановке «равноправия» граждан, что, по его мнению, явилось результатом усилий Мао Цзэ-дуна, направленных на устранение «различий» между классами, между образованными и необразованными людьми, которые в Китае составляют большинство. Объективный наблюдатель, в отличие от Дж. Сервиса, непременно отмечает, например, что на фоне населения, одетого в синие куртки и ватные штаны, выделяются «маоцзэдуновки» ответственных работников, сшитые из тонкого серого сукна. Часто под этими костюмами можно увидеть трикотажные свитеры, дорогие швейцарские часы и т. д. Пробивает себе дорогу принцип материальной заинтересованности. Так что восторг, с каким Дж. Сервис встречает эгалитаристский подход к решению социальных проблем китайского общества, отнюдь не оправдан.

Основные интересы Сервиса, ставшего магистром наук, были, как и прежде, связаны с проблемами международными. Мы должны, настойчиво рекомендовал он, убедить китайцев с помощью практических действий и пропаганды в том, что американцы не пытаются сдерживать Китай средствами агрессивной политики. Было время, когда гоминьдановские лоббисты могли без особых усилий обуздать усердие дипломата в поисках компромисса с руководством КПК. Однако времена изменились, и Дж. Сервис почувствовал себя в центре китайской эйфории. Антисоветизм сторонников Мао мог служить и служил для него важнейшим аргументом, подтверждающим его правоту.

Советы Дж. Сервиса конгрессу охватывали широкий круг проблем: вывести войска с Тайваня, удалить ядерное оружие с Окинавы и вывезти это оружие подальше в зону Тихого океана, и уж, конечно, не на Тайвань, а, скорее всего, на Гуам, быстрее убрать войска из Индокитая.

Может быть найдено и решение тайваньской проблемы. Чжоу Энь-лай в разговоре с Сервисом часто использовал термин «мирное объединение», заявляя, в частности, что Пекин предлагал Чан Кай-ши сохранить «честное имя», если бы он ушел в отставку. В КНР, однако, передавал мнение китайских руководителей Дж. Сервис, не ожидали, что тайваньская проблема может быть решена в одночасье, считали, что решение это может быть достигнуто при определенных условиях, что невозможно идти по пути «ассимиляции» Тайваня («Народ живет в условиях иного режима, имеет довольно высокий уровень жизни и т. д.»).

В Тайване Дж. Сервис справедливо видел одну из важнейших проблем американо-китайских отношений. В день, когда ООН проголосовала за принятие КНР в свои члены, Дж. Сервис беседовал с Чжоу Энь-лаем. «Сейчас, когда КНР стала членом ООН, — сказал Сервис, — я надеюсь, что смогу увидеть Вас, по крайней мере, в телевизионной передаче, когда Вы прибудете в Нью-Йорк». «Никогда, никогда, — моментально отреагировал премьер, — пока тайваньский посол в Вашингтоне, вы никогда не увидите меня в США». В то время китайская сторона ставила в качестве непременного условия для установления нормальных дипломатических отношений между США и Китаем отказ от американо-тайваньского военного договора, разрыв дипломатических отношений США с Тайванем. Чжоу Энь-лай заявил: не может быть двух посольств США в одной стране, и Дж. Сервис пришел к выводу, что если США имеют посольство на Тайване, то не могут иметь его в Пекине. Но эта проблема, как выяснилось после поездки Киссинджера в КНР в феврале 1973 года, не стала камнем преткновения в отношениях между Пекином и Вашингтоном. В столицах обоих государств — США и КНР были учреждены специальные «группы связи», которые стали практически выполнять функции посольств. Пекин, учреждая свою миссию в Вашингтоне, где обретается тайваньский посол, приблизился, по существу, к признанию давно пропагандируемой американцами идее «двух Китаев».

Во время слушаний в сенате в феврале 1972 года не остались без внимания и вопросы советско-китайских отношений. Фулбрайт задавал вопросы, и Сервис в ответ утверждал, что деятельность Пекина в направлении нормализации отношений с США продиктована отчасти же-

ланием укрепить свои позиции против Советского Союза. Не отказался Дж. Сервис и от соблазна представить развитие отношений между США и КНР в более благоприятном с точки зрения интересов Пекина свете, нежели перспективы советско-китайских отношений. Дж. Сервис заявил, например, что Мао Цзэ-дун, которого он знает довольно хорошо, «всегда ненавидел русских и русские всегда недолюбливали его». США и Китай, согласно Дж. Сервису, должны сосуществовать [49].

Дж. Сервис выступил не только в роли посредника между Пекином и Вашингтоном; пробуя свои силы в пропаганде, он пытается ревизовать историю и делает это с антисоветских позиций. Он оказался в рядах суровых критиков курса США на сотрудничество с СССР в годы второй мировой войны на Тихом океане. Президент Рузвельт, делает открытие отставной дипломат, решил, что он может сотрудничать с СССР на Дальнем Востоке таким же путем, как в Европе; именно это заблуждение определило признание Ф. Рузвельтом СССР в качестве основной силы на Дальнем Востоке, привело к началу целой цепи событий, которые закончились Ялтой, соглашением по Дальнему Востоку и обязательствами, принятыми там. Госдепартамент, оправдывались дипломаты, находился в полном неведении относительно соглашения в Ялте, глава Дальневосточного управления госдепартамента узнал о соглашении в Ялте лишь спустя пять месяцев.

Парадокс в том, что маккартисты, подвергшие гонениям Дж. Сервиса, в свое время тоже обрушивались на Ялтинское соглашение, называя его «предательской сделкой». Недалеко ушел от своих преследователей и Дж. Сервис. Он, пытаясь принизить значение вступления СССР в войну на Тихом океане, оправдывает, например, варварскую бомбардировку Хиросимы и Нагасаки («Обычные бомбы уничтожили больше людей, чем это сделали атомные бомбы»), подчеркивает отсутствие, с его точки зрения, необходимости сотрудничать с СССР на Дальнем Востоке («Не было нужды платить цену, которую мы заплатили в Ялте») [50].

Восхваление маоистских концепций построения общества «социальной справедливости» требовало от Дж. Сервиса решения сложной головоломки: каким путем примирить откровенный деспотизм, организованную систему подавления личности с милыми сердцу американского

либерала идеалами буржуазной демократии? И он нашел выход в признании закономерности проявления в Китае авторитарных форм управления, полезности «убедительных» и более «законченных» (чем это было при императоре) методов социального контроля в стране («Китайцы, никогда не знавшие демократии.., не жалеют об отсутствии демократических институтов в их стране»).

Фулбрайт, проводивший слушания в сенатской комиссии по иностранным делам, обратил внимание на содержание бесед Дж. Сервиса с Мао Цзэ-дуном, опубликованных в книге Сервиса «Документы «Амерэйша»: некоторые проблемы истории американо-китайских отношений». Председателя сенатской комиссии заинтересовали прежде всего мысли Мао относительно перспектив отношений КПК с США, а эти мысли были связаны с твердым намерением добиваться у США содействия. Привлекли также внимание заверения Мао в его приверженности демократии в Китае. Какое отношение имеет Мао Цзэ-дун к демократии? Китайские коммунисты, отвечал Дж. Сервис, считали себя демократами, поскольку верили в то, что служат интересам большинства народа, что опираются на поддержку всего народа. Уверенность сторонников Мао, полагал Сервис, в наличии предпосылок для взаимопонимания и сотрудничества с США основывалась на обоюдной преданности делу ««благополучия большинства» (?!). В годы второй мировой войны Дж. Сервис изображал коммунизм в Китае в качестве всего лишь преуспевающего, сугубо националистического течения. Он пропагандировал, как мы видим, идею общности интересов Мао и США, связывая и сегодня эту идею с преданностью делу «благополучия большинства». Маоистский эгалитаризм он приравнивает, таким образом, к идеалам буржуазной демократии. Такое решение не что иное, как определенный вклад в пропаганду маоизма, общности интересов США и маоистского Китая.

Во время слушаний в сенатской комиссии состоялся диалог:

Дж. Сервис: Любая критика в Китае, любое несогласие с официальной линией становятся ересью и весьма твердо отвергаются режимом... У нас нет такого положения.

Председатель: Как же вы расцениваете свой опыт? Разве вас не считали еретиком?.. Что обозначает еретик?.. Их направляют на сельскохо-

зяйственные работы и предоставляют возможность поразмышлять там? Так ли это?

Дж. Сервис: Да, это так.

Председатель: Вас не послали на сельскохозяйственные работы. Вам позволили остаться свободным в Нью-Йорке.

Дж. Сервис: Случай со мной и Дж. Дэвисом всего лишь исключение, он не типичен... Мы были жертвами особой ситуации, общественной истерии, но я не думаю, что наш опыт подтверждает серьезные ограничения возможности выражать в нашей стране критическую точку зрения и противоположные взгляды... И что очень важно: в Америке я имел возможность обратиться в суд, я мог одержать победу, быть восстановленным на службе, реабилитировать себя в глазах общественности.

Очевидно, Дж. Сервис, как и многие его коллеги, несмотря на прошлые гонения, оставался верным защитником своего общества, идеалов буржуазной демократии. Американские либералы, уповавшие на спасительную силу реформ в деле «морального» усовершенствования общества, искали примеры, способные, как им представлялось, подтвердить преимущества демократических институтов капиталистической системы. Реабилитация Дж. Сервиса в глазах американцев должна была стать одним из таких примеров.

Даже в сравнительных оценках американскими либералами прав человека в США и в КНР прослеживается явное стремление к деидеологизации общественных отношений, полное игнорирование общественных закономерностей. Только осуществляемое на научной основе строительство социализма и коммунизма может обеспечить полный расцвет личности, сохранение достоинства человека, творческую деятельность гражданина на благо всего общества. Это давно доказали марксисты. В соответствии с конституцией КНР 1954 года в Китае, как известно, учреждалась система представительных органов власти, декларировались важнейшие принципы социалистической демократии, гарантирующие права личности. Развитие демократических принципов организации ки-

тайского общества, несомненно, способствовало бы повышению уровня сознательности, развертыванию творческой инициативы трудящихся. Однако такое развитие демократии оказалось в противоречии с маоистскими представлениями о власти, о культе вождя, о диктаторских методах контроля над обществом, личностью. В китайском обществе оказались довольно сильными прежние представления о положении и роли личности в государстве. Уничтожение основных эксплуататорских классов, что само по себе являет первостепенный залог подлинной демократии, не привело к резкому повороту в мышлении, соответствующем старым общественным отношениям. Сторонники тоталитарных форм правления не только поддерживали, но и культивировали выгодные для них традиции. Прежние представления о месте личности в обществе вылились в морализирующее учение, набор готовых формул, претендующих на новое слово в науке об обществе. Такого рода теоретические упражнения могут принести и приносят вред практике, ведут к отрицанию роли рабочего класса в социалистическом строительстве, необходимости защиты социалистических завоеваний и социалистического интернационализма, к подавлению личности. Дж. Сервис говорит о подобных явлениях как о вполне закономерных и оправданных с точки зрения интересов китайского народа.

В начале 70-х годов в американском сенате, как и во времена «холодной войны», бушуют страсти, но теперь там стараются осудить «ретроградов» и поддержать «новаторов в китайской политике.

Но было ли восстановление «честного имени» Дж. Сервиса личной заслугой бывшего дипломата, величайшим успехом американской демократии, как это хотят представить некоторые пострадавшие по делу «Амерэйша»? Могли ли, наконец, США стать «другим государством», если бы его руководители послушались, как говорит Дж. Фулбрайт, советов Дж. Сервиса? Эти два вопроса тесно связаны между собой.

Реабилитация Дж. Сервиса отражала независимо от его воли новые тенденции в американо-китайских отношениях. Антисоветизм Пекина подтолкнул правящую Америку, а отнюдь не хранителей ценностей буржуазной демократии, на поиск новых путей китайской политики, и она почувствовала острую нужду в активных пропагандистах линии Мао, в опытных посредниках в диалоге

между Пекином и Вашингтоном. Дж. Сервис, как и другие его коллеги, олицетворял собой особые интересы всеамериканского, а если иметь в виду глобальные интересы империализма, то и международного масштаба. Родившаяся в недрах государственной машины США новая китайская политика нуждалась в услугах дипломатов, входивших в контакт с яньаньскими коммунистами.

До поездки в Пекин Дж. Сервис, выступая в сенатской комиссии по иностранным делам, говорил о захвате власти как главной цели маоистского руководства в годы второй мировой войны, об отсутствии у руководства КПК желания сражаться ради интересов антифашистской коалиции, то есть ради коренных интересов освободившихся от ига колониальной зависимости народов, в том числе и китайского народа. После возвращения из Пекина, видимо, этот визит не прошел даром, Дж. Сервис воздал лишь хвалу Мао и его окружению. Он называл его «необычайной личностью», «отцом успехов коммунистов» и т. д. и т. п., активно пропагандировал идеи общности американо-китайских интересов[51]. Воспитанный в духе приверженности к идеалам буржуазной демократии, американский либерал отдавал свои знания защите дорогих его сердцу политических ценностей. И поскольку интересы его капиталистического отечества сталкивались с интересами мирового социализма, он искал, опираясь на свои знания и опыт — в данном случае в китаеведении, — наиболее приемлемые пути противостояния ведущей социалистической стране — Советскому Союзу. Этот поиск учитывал существующие реалии, прежде всего объективное влияние на развитие революционного, освободительного движения социалистической идеологии, опыта первого в мире социалистического государства, сложившееся соотношение сил на международной арене. Большинство привлеченных по делу «Амерэйша» специалистов отрицали тезис о «советском экспорте» революции и указывали на самостоятельный с точки зрения интернациональных связей характер развития освободительного движения китайского народа. Такими либерально мыслящими интеллектуалами были, в сущности, Дж. Сервис и многие другие американские специалисты по дальневосточным делам, чьи имена фигурировали в деле «Амерэйша».

Глава IX

●

ПРЕЗИДЕНТ США В ПЕКИНЕ

Демократы и республиканцы

Чжоу Энь-лай говорил, сообщал французский «Париматч», что «для Пекина лучше вести переговоры с Никсоном и республиканцами, чем с правительством демократов». Ведь демократы, возглавляемые Рузвельтом и Трумэном, делали ставку на Чан Кай-ши, за что их обвиняли американские избиратели. Республиканцы же свободны от этого бремени.

Действительно, США при демократах до начала американской агрессии в Корее не пошли навстречу КПК, не откликнулись на призывы сторонников Мао. Но дело здесь было, конечно, не в партийной принадлежности власть имущих. Никсону, как лидеру республиканцев, было хорошо известно, что именно демократы выступали в роли носителей идей нормализации с КНР. Эта идея связывалась представителями от демократов с необходимостью противодействовать линии «Азия прежде всего», которая предполагала активную военную вовлеченность США в Азии и которую отстаивали видные деятели республиканской партии. Ведь именно демократы (Э. Стивенсон, Дж. Фулбрайт) указывали на важность при определении китайского курса учитывать интересы своих атлантических союзников, интересы глобального противостояния социализму и выступали против необдуманной военно-политической вовлеченности на «периферийных рубежах». Даже во время войны в Корее правительство демократов, опасаясь расширения корейского конфликта и раскола среди союзников, пошло на отставку Макартура. Демократы стали инициаторами расследования деятельности в США чанкайшистских лобби, а их связи с верхушкой республиканской партии были хорошо известны. Демократам принадлежит первое слово в политике «сдерживания без изоляции». Наконец, многие идеи демократической оппозиции относительно китайской политики были положены в основу многих внеш-

неполитических шагов Никсона. Демократы в конгрессе поддерживали взгляды либерально настроенной интеллигенции, выступающей по проблемам китайской политики с позиций американского «политического реализма».

Сторонники Никсона готовы были отнести политику «малых шагов» в сторону Китая исключительно к заслугам республиканской администрации. Однако такой взгляд мог удовлетворить лишь легковерного обывателя, но отнюдь не рассудительного политика. Путь Никсона в Пекин — результат не только личных усилий республиканского президента, хотя они и сыграли известную роль, а отражение определенных тенденций в американо-китайских отношениях, в международном положении, во внутриполитической жизни как в США, так и в Китае.

Политика китайского руководства стала фактором, влияющим на позиции сторонников различного подхода к китайской политике и степень их воздействия на администрацию.

Продемонстрированное китайской стороной желание достичь взаимопонимания с США относительно рамок агрессии в Юго-Восточной Азии, обструкция Пекином совместных действий социалистических стран на мировой арене убеждали сторонников жесткого курса в том, что демонстрация военной мощи может обеспечить благоприятные условия для диалога с Пекином. Такого рода выводы импонировали и самому Никсону, и он предполагал приступить к «диалогу» с Пекином в начале 70-х годов. Свои взгляды по этому поводу Р. Никсон изложил на страницах «Форин афферс» еще в 1967 году. Элементы «сдерживания» должны были, согласно его утверждениям, включать создание «буферной зоны в Азии», направленной против Китая (на основе, в частности, АЗПАК)[1].

В 1964 году комиссия республиканской партии призвала в своей «Белой книге» к еще более решительной демонстрации американской мощи в Азии. Даже Клэр Люс, некогда ярая противница нового режима в Китае, верная интересам своей семьи (у ее супруга, газетного магната Г. Люса были на Тайване солидные капиталовложения), теперь предложила использовать против Китая «не только палку, но и пряник». Следует, рекомендовала она, рассмотреть вопрос о торговле с «коммунистическим Китаем», предоставить ему помощь, возможно, в счет излишков пшеницы. Г-жа Люс, выдвигая столь необычные для правого крыла республиканцев предложе-

ния, руководствовалась отнюдь не филантропическими соображениями. В основу прожектов было положено намерение выиграть, опираясь на китайский фактор, у Советского Союза, а также добиться у Мао приемлемого соглашения по Тайваню.

Усиление антисоветизма сторонников Мао уменьшило возможности приверженцев жесткого курса в отношении КНР, содействовало ослаблению их позиций во внутриполитической борьбе, усиливало давление на администрацию со стороны либерально настроенной оппозиции, призывавшей к активизации поощрительных шагов.

Путь Никсона в Пекин пролегал по запутанным лабиринтам внутриполитических схваток в США. Этот путь осложнялся приобщением к борьбе вокруг острых проблем внешней политики, в том числе китайской политики, более широких, чем это было ранее, общественно-политических кругов, активизацией антивоенного движения в стране, ростом недовольства ближайших союзников, ревниво следивших за поспешностью Вашингтона в осуществлении «малых шагов» в сторону Китая и обостряющихся на этом фоне разногласий внутри партии, особенно в связи с кризисом военной политики в Юго-Восточной Азии. Наиболее серьезные трудности внутриполитического характера во многом были связаны с войной в Индокитае. «Малыми шагами» в сторону Пекина президент пытался отвлечь внимание общественности от глубокого политического кризиса в стране, предполагал использовать новую обстановку для престижного выхода из индокитайского кризиса. В данном случае цели Никсона и оппозиции по проблеме китайской политики в основном совпадали. В этих условиях администрация была готова удовлетворить требования двухпартийной китайской политики в отношении Китая.

Демократы, будучи менее связанными, в отличие от республиканцев, с наследием мессианско-антикоммунистического подхода к внешней политике (период Эйзенхауэра — Даллеса), получили более благоприятные возможности для спекуляций на китайской проблеме в предвыборной борьбе. Их кандидат на пост президента, сенатор Макговерн подверг критике китайскую политику правительства, настаивая на признании КНР, на поддержке ее приема в ООН, на отмене эмбарго в торговле с Китаем, на предоставлении китайцам возможности самим решать судьбу Тайваня.

Показательными в этом смысле были внушительные дебаты в конгрессе вокруг путей китайской политики. Обсуждение в 1970 году американо-китайских отношений в палате представителей, которая, как известно, отличалась особой консервативностью в решениях по внешнеполитическим вопросам *, выглядело как попытка умеренно либеральных кругов использовать проблему отношений с Китаем в качестве средства укрепления своих позиций, а также позиций демократической партии на предстоящих выборах. Публикация материалов дискуссии вокруг китайской политики [2], как и публикации обсуждений такого же рода проблем в сенатской комиссии по иностранным делам, предназначена была не только для внутреннего пользования. Предавая гласности различные точки зрения по этим проблемам, Вашингтон, видимо, рассчитывал провести своеобразную рекогносцировку. Заявления участников обсуждения включали и пробные шаги, направленные на определение рамок конфликтных ситуаций в Азии, а также на то, чтобы указать Пекину желаемое направление китайской политики и желательные для американской стороны уступки, которые могли бы привести к сдвигам в американо-китайском диалоге. Таким путем США пытались выяснить пределы и допустимость как военных, так и дипломатических акций, связанных с политикой в Азии. Сама дискуссия имела также своей целью оказать воздействие на общественное мнение США и подготовить почву для осуществления более активных шагов в направлении нормализации с КНР.

Участники обсуждения отмечали определенный прогресс в американо-китайских отношениях, указывая на происшедшие за последние годы «желательные изменения» в общей позиции США в отношении Китая. США проявили большую, нежели в 50-х годах, гибкость. Американские официальные лица не раз подчеркивали отсутствие у США каких-либо агрессивных намерений в отношении Китая, желание нормализовать отношения с Пекином. Впервые за всю историю американо-китайских отношений Вашингтоном были предприняты реальные шаги в сторону нормализации: сняты, в частности, огра-

* Председателю подкомитета по азиатско-тихоокеанским делам Клементу Заблоцки принадлежит, например, план организации в ЮВА «Малого НАТО». Заблоцки, ссылаясь на угрозу КНР, предложил государствам ЮВА объединиться в военный блок, а США — предоставить ему помощь и ядерные гарантии.

ничения на торговлю зарубежных филиалов американских фирм с КНР, дано разрешение американским туристам на ограниченные покупки китайских товаров. В конце декабря 1969 года 7-й американский флот прекратил патрулирование Тайваньского пролива. Все эти меры, как отмечалось, привели к определенным результатам. 20 января 1970 г. возобновились американо-китайские встречи на уровне послов в Варшаве. КНР, в свою очередь, проявляла интерес к приобретению американских товаров через филиалы фирм (грузовые автомобили в Италии, телетайпы фирмы ИБМ в Англии и т. д.). Единичные случаи открыли путь для многочисленных торговых сделок с КНР.

В обсуждении проблем американо-китайских отношений принимало участие большинство ученых, на которых опиралась демократическая оппозиция в конгрессе. Д. Барнетт, А. Уайтинг, А. Экштейн вошли, например, в состав Комитета американо-китайских отношений, ратующего за активные действия США в направлении нормализации отношений с КНР и поставлявшего идеи для программы возможных оппонентов Никсона от демократической партии. Один из участников обсуждения — М. Гальперин, не раз выступавший в сенатской комиссии Дж. Фулбрайта, подал в отставку с поста консультанта Совета национальной безопасности из-за несогласия с агрессивными действиями в Камбодже.

Несомненно, что на политику «малых шагов» по нормализации отношений с КНР оказала свое влияние и оппозиция внутри страны, в самом конгрессе. Участники дискуссий предлагали Белому дому быть «более щедрым»; идти на «односторонние шаги», способные поощрить Пекин на большую гибкость и компромиссы; отменить, в частности, ограничения на торговлю нестратегическими товарами; открыть пути для въезда в КНР американских граждан, для торговли и культурных контактов (Уайтинг, Барнетт); избегать таких действий, своих и союзников, которые могли бы быть расценены Пекином как провокационные; уменьшить количество американских баз в Западном районе Тихого океана (Загория); воздержаться от всех специальных мер в области организации систем ракетного вооружения, направленных против Китая (Барнетт); активизировать усилия по возобновлению политического диалога; быть готовыми поднять уровень переговоров (Уайтинг, Барнетт). Такая позиция

была занята в основном представителями интеллектуальной общины азиатоведов, тяготеющих к демократам.

Члены палаты представителей в большинстве своем выступили в оценках американо-китайских отношений с иных позиций. Они, хотя и не отвергали возможности оказать влияние на КНР в желательном для США духе, демонстрировали стремление добиться осуществления в отношении Пекина более жесткого курса.

Консервативное большинство в конгрессе призывало планировать китайскую политику Вашингтона, исходя из того, что СССР и КНР объединяет единая идеология: «по обе стороны бамбукового занавеса — коммунисты» (Заблоцки), «Китай следует той же философии, что и Советский Союз, в отношении достижения коммунизмом мирового господства» (Мэрфи). Оно подчеркивало агрессивность Пекина (Вольф), незаинтересованность Пекина в мирном урегулировании с внешним миром, несовместимость китайских целей с интересами «безопасности некоммунистических стран», ошибочность для Запада ставить «свою безопасность в зависимость от предположения, будто советско-китайские разногласия в значительной степени ослабляют угрозу коммунизма» (Заблоцки), и т. д., и т. п. Исходя из предпосылок такого рода консервативное большинство палаты выступило против действий США в направлении признания («признание Пекина будет глупостью и абсурдом» — Заблоцки, Майкл) и представительства КНР в ООН («наивно ожидать изменения поведения КНР в ООН» — Заблоцки, Бакэнен, Майкл). Сторонники подобной точки зрения говорили о возможности военного столкновения США с КНР, призывали «сдержать коммунистическую агрессию в Азиатском регионе» (Заблоцки).

Помощник государственного секретаря М. Грин указал на «своеобразный» путь Китая «к мировому господству». Причины расширения влияния Китая на международной арене кроятся, по его мнению, в усилении в мире тенденции к поляризации государств на бедные и богатые. Заявление Грина о том, что Китай, причисляющий себя к группе бедных стран, может в этих условиях добиться большего влияния в мире, несло в себе, конечно, определенную пропагандистскую нагрузку и, скорее всего, было призвано показать Пекину, что он может добиться больших успехов в борьбе за достижение великодержавных целей, выступая вне рядов социалистического

содружества. Грин в то же время отметил желание администрации улучшить отношения с КНР.

Во время обсуждений в конгрессе, если оставить в стороне всю гамму различных точек зрения по отдельным вопросам, выявлялись в основном два подхода к проблемам американо-китайских отношений.

Первый подход (видные американские синологи, международники) имел в виду неизменное и преимущественное влияние на внешнюю политику КНР факторов националистического характера, хроническую напряженность в отношениях между СССР и КНР и необходимость для США делать все возможное для стабилизации такого положения.

Второй подход (главным образом консервативное большинство палаты представителей) основывался на том предположении, что и цели СССР и Китая на международной арене, и теоретические основы политики (коммунизма) совпадают, а расхождения между ними носят временный характер, что предполагает примирение, особенно в случае ослабления активности маоистов в борьбе за мировое лидерство. Сторонники этой точки зрения ратовали за более жесткий курс в отношении КНР.

Теоретический фундамент первой точки зрения формировался под влиянием школы американского «политического реализма», ставящего во главу угла международных отношений психологические факторы, отдающего предпочтение националистическим тенденциям во внешней политике и, если говорить о Китае, даже восхваляющего их.

Теоретические взгляды сторонников второй точки зрения смыкались в большей степени со стереотипами даллесовской политики: они полностью, по крайней мере до 70-х годов, отрицали преобладание националистических тенденций во внешней политике руководства КНР. Сторонники такого подхода демонстрировали приверженность концепциям приоритета военных решений, военно-политического противостояния (в том числе с использованием системы военно-политических блоков) интересам социализма в мире. Отсюда и отрицание поощрительных шагов, отрицание необходимости приема КНР в ООН, поиска компромисса по Тайваню и т. д. Однако сторонники различных точек зрения на проблемы китайской политики в правящих кругах США в своем основном большинстве рассматривали проблемы американо-китайских

отношений в плоскости достижения долгосрочных целей, поиска более приемлемых путей внешнеполитического маневрирования в отношении социализма и национально-освободительного движения, и расхождения их касались главным образом выбора средств и методов достижения этих целей.

В осуществлении китайской политики первая администрация Никсона стремилась — особенно в предвыборный период — лавировать между сторонниками различных точек зрения на взаимоотношения с Пекином и на осуществление всей азиатской политики. Это лавирование касается и толкования основ советско-китайских отношений. Помощник государственного секретаря М. Грин занял в конгрессе, например, по многим поднятым в процессе обсуждения вопросам промежуточную позицию. Так, он уклонился от прямого ответа на вопрос Мэрфи, следует ли Китай «той же философии, что и СССР». Грин признает лишь возможность косвенной агрессии со стороны КНР и отсутствие прямой угрозы. Как в свое время видные лидеры демократов, отражая натиск справа, проголосовали за Тонкинскую резолюцию, так и республиканская администрация в своих попытках ослабить накал внутриполитической обстановки, нейтрализуя давление слева, шла по пути осуществления политики «малых шагов» в отношении Китая. Это лавирование во многом сказалось на противоречивости всей азиатской политики Никсона. С одной стороны, подчеркивалась приверженность старым милитаристско-глобальным комплексам (ответ на «угрозу» со стороны как СССР, так и Китая) — отсюда и критика неоизоляционизма, и, с другой стороны, учет реальной позиции китайского руководства, вставшего на путь антисоветизма.

Внешнеполитический курс Пекина (обострение кризисных ситуаций, локальных конфликтов в мире, игра на противоречиях между двумя социальными системами и сохранение взаимопонимания с Вашингтоном относительно раздела сфер влияний и рамок противоборства, проверка допустимости военных, дипломатических акций и т. д.) непосредственно влиял на деятельность и укрепление позиций экстремистских группировок в Соединенных Штатах Америки, имеющих зачастую в виду частные интересы монополистических кругов и оказывающих серьезное давление на администрацию при планировании азиатской политики.

Пестрели сенсационные заголовки газет, американское радио и телевидение восхваляли миссию «великого миротворца» — впервые в истории президент США отбывал в Китай. Возобновление бомбардировок ДРВ в невиданных до этого масштабах служило своеобразным аккомпанементом для «миссии мира». Инициаторам визита нужно, было, видимо, обладать твердой уверенностью в том, что меч войны в одной руке не помешает пальмовой ветви мира — в другой.

21 февраля 1972 г. небольшая группа высокопоставленных деятелей Коммунистической партии Китая во главе с Чжоу Энь-лаем встречала в пекинском аэропорту высокого гостя.

Могут ли измениться цели политики? Этот вопрос тщательно изучался в Белом доме. Перед отъездом в Пекин Никсон встретился в своем кабинете в Белом доме с Андре Мальро. О содержании беседы не сообщалось в печати. А. Мальро слыл хорошим знатоком маоистского руководства КПК, и в его советах нуждались. Известна, однако, беседа Р. Кеннеди в 1967 году с А. Мальро — тогда министром культуры Франции, — только что возвратившимся из Китая. Мао, по словам А. Мальро, задал ему тогда вопрос: почему Америка столь прочно связала себя с Чан Кай-ши? Если бы США, утверждал, согласно Мальро, Мао, поддержали его в 40-х годах, это могло бы обеспечить союз богатейшей и беднейшей наций в мире. Мальро сказал Р. Кеннеди, что антиамериканизм в Китае «выдуман» и в условиях «формируемого тоталитарным путем» общественного мнения с ним может быть покончено в одночасье. Серьезных сдвигов в положении в Китае, по мнению А. Мальро, однако, не могло быть в течение ближайших пятнадцати лет. Администрация готова была благоприятствовать сдвигам такого рода [3].

Во время визита Р. Никсон встретился с Мао Цзэ-дуном и премьером Чжоу Энь-лаем. Государственный секретарь У. Роджерс вел переговоры с министром иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэем. Эти встречи породили реминисценции, связанные с «Миссией Дикси». Вряд ли, конечно, можно сопоставлять значение американо-китайских переговоров 70-х годов и контактов яньаньского периода, но последние не прошли бесследно — они помогли сторонникам Мао приобрести определенный опыт, выявив-

ли круг людей, способных со знанием дела вести диалог с Вашингтоном и в 70-х годах.

Обе стороны — китайская и американская — демонстрировали убежденность, что «мост через Тихий океан они перекинули». Однако Никсон, несмотря на все ожидания, не сумел разбить стену, созданную на солидном фундаменте тайваньской проблемы. Этот фундамент был поколеблен лишь признанием, что «Тайвань является частью Китая». Давалось обещание сократить там американский контингент из 8 тыс. человек. Сокращение ставилось в зависимость от «ослабления напряженности» в регионе.

Подписанное в Шанхае Никсоном и Чжоу Энь-лаем коммюнике должно было, по замыслу сторон, символизировать успех встречи. Но шанхайское коммюнике, пестрящее довольно туманными выражениями, вошло в историю как один из документов, констатирующих двусмысленность положения. Участники переговоров изложили свои позиции в отношении важнейших проблем Азии. Китайская сторона заявила о поддержке народов Индокитая и КНДР, а США — о своем намерении продолжать политику «вьетнамизации» в сочетании с ведением переговоров. КНР выступила против возрождения японского милитаризма («возрождения и экспансии»), США дали самую высокую оценку своим связям с Японией, указали на свое стремление к полной поддержке Южной Кореи. В коммюнике дважды говорилось о выступлении сторон против любых попыток какой-либо державы «установить гегемонию» в районе Тихого океана.

Последнее положение нашло свое развитие в дальнейших американо-китайских переговорах. Китайские лидеры, по существу, одобрили военное присутствие США в зоне Тихого океана. Уход США, как утверждали китайские лидеры, согласно заявлению американских конгрессменов, побывавших в Пекине, привел бы к нестабильной ситуации в районе Тихого океана. Хотя это заявление, по сообщению Франс Пресс, опровергалось в «компетентных китайских кругах», конгрессмен Дж. Форд, не колеблясь, подтвердил достоверность высказываний Чжоу Энь-лая в пользу американского военного присутствия на Тихом океане. Опровержение выглядело в данном случае как уловка, призванная сгладить нежелательный для Пекина резонанс на мировой арене, среди социалистических стран, отвести возможные обвинения маоистов в непоследовательности своей внешней политики.

С началом процесса китайско-американской нормализации американская сторона опиралась на свои военные форпосты в Азии для давления на Пекин с целью получения определенных выгод в ходе переговоров. В Пекине, в свою очередь, использовали тезис об американской военной угрозе в Азии как для подтверждения общности интересов азиатских народов в сфере противостояния США, так и для демонстрации своего намерения представить проблему военного присутствия Вашингтона в этом регионе в качестве дела, относящегося исключительно к компетенции участников американо-китайского диалога. («Никсон... готовится постоянно оставаться в Азии и вопреки всему противопоставляет себя китайскому народу и народам других стран Азии», агентство Синьхуа о политике Никсона, июль 1969 г.; «Почему вы не отзовете свои агрессивные военные силы из Формозского пролива, из Вьетнама, из Азии и Латинской Америки?», «Жэньминь жибао», 20 февраля 1969 г.)

Решимость правящей Америки обеспечить военные гарантии для своих экономических интересов в Азии крепла по мере усиления экономических позиций США в регионе. В то же время определенные круги в США спекулировали на якобы усиливающейся на границах КНР «угрозе» со стороны СССР, намереваясь таким путем добиться, в частности, взаимопонимания на антисоветской основе с Пекином по вопросам своей военной политики в Азии. Американская сторона в ответ на известные уступки Пекина шла на ослабление своего присутствия в районах, непосредственно примыкающих к китайским границам (Тайваньский пролив, Корея).

В результате активизации китайско-американских отношений и продемонстрированного Пекином и Вашингтоном желания достичь определенного взаимопонимания относительно modus vivendi в Азии китайская сторона изменила свое отношение к проблеме военного присутствия США в Азии. Мысль о том, что сокращение «обязательств» США на Тихом океане поощряет «Японию и другие страны» играть более значительную военную роль в регионе, была отмечена Чжоу Энь-лаем в беседе с Рестоном [4].

Американский курс на модификацию своей военной политики в бассейне Тихого океана, политика «вьетнамизации» и осуществляемое в рамках этой политики сокращение американских войск в военных действиях со-

провождались общим усилением и качественным обновлением военно-морской мощи на периферии азиатского материка. Военно-морские силы США, расположенные на Тихом океане, оснащенные межконтинентальными ракетами, все в большей степени приобретали глобальное стратегическое значение.

Китайская сторона, демонстрируя желание ослабить свое внимание к району Южной и Юго-Восточной Азии, Тайваню, предоставляла, таким образом, большую свободу действий для США. Такая позиция определялась, скорее всего, стремлением обеспечить более благоприятные — с учетом определенных сдвигов в советско-американских переговорах — условия для китайско-американской нормализации. Слишком откровенными выглядели намеки Вашингтону на то, что ослабление китайского и американского давления в Южной и Юго-Восточной Азии не должно компенсироваться усилением влияния какой-либо другой державы в этом регионе, что для китайской стороны предпочтительней американское военно-политическое присутствие в Азии, что оно ожидает в перспективе возможного содействия США в укреплении своих позиций в этом регионе. При наличии различных и противоречивых интересов как у США, так и Китая проблема американского военного присутствия в Азии выступала в качестве одного из важнейших для китайской стороны моментов политического балансирования в мире. Позиция китайского руководства являлась важнейшим стимулом для деятельности тех американских кругов, которые всегда активно ратовали за упрочение военно-политических позиций США на Тихом океане.

В результате визита американского президента в Пекин была, по существу, закреплена тенденция к сближению между этими двумя странами. Появился, в частности, новый канал американо-китайских связей на более высоком уровне, что открывало благоприятные возможности для дальнейшего американо-китайского диалога с целью урегулирования спорных проблем. Маоистское руководство, принимая президента США в Пекине, рассчитывало использовать нормализацию отношений с Вашингтоном для подкрепления своего великодержавного курса на международной арене, для давления на СССР и другие страны социалистического содружества.

В связи с визитом президента США в Пекин газета «Правда» отмечала: «Делу мира и безопасности народов

служат лишь те действия, которые укрепляют позиции социализма, сил свободы и национального освобождения.

Долговременные интересы народов, в том числе народов КНР и США, требуют решений, укрепляющих дело мира и международной безопасности. Что же касается внешнеполитических комбинаций, направленных против других государств, то они в конечном итоге неминуемо оборачиваются против их инициаторов»[5].

Здравомыслящие государственные деятели различных стран мира усматривали в улучшении американо-китайских отношений не необычное, а вполне естественное явление, обусловленное целым комплексом самых различных факторов. Они лишь следили за тем, на какой основе будут развиваться эти отношения после визита президента США в Пекин. Отношение к оценке пределов использования китайского фактора в глобальной стратегии Вашингтона становилось критерием трезвости мышления инициаторов американской политики в отношении Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

●

Когда писались заключительные строки этой книги, советский читатель получил возможность познакомиться с дневниками П. П. Владимирова — связного Коминтерна при руководстве ЦК КПК, военного корреспондента ТАСС (1938 — май — середина 1940 года, 1941 — август — ноябрь 1945 г.). Многие страницы дневника посвящены деятельности «Миссии Дикси» в Яньани. Теперь благодаря опубликованным в США документам, связанным с дискуссиями вокруг дела «Амерэйша», нам известно содержание многих бесед Мао Цзэ-дуна и его сторонников с американскими представителями в Яньани, и приходится поражаться глубиной и трезвостью политических оценок, которые давал П. П. Владимиров, наблюдая за деятельностью «Миссии Дикси». «Главная черта контактов Мао Цзэ-дуна и союзников — это обоюдный антисоветизм. Откровенность этого антисоветизма, — записывал П. П. Владимиров, — была принята верхами Америки как тактическая уловка. Во всяком случае, они не решились пожертвовать Чан Кай-ши, но Мао выдал себя с головой. Подоплекой любого соглашения был антисоветизм («некая национальная обособленность Компартии»)» [1]. Американские дипломаты, такие как Дж. Дэвис, Дж. Сервис, учитывая сугубо националистическое направление деятельности маоистского крыла в КПК, советовали своему правительству идти на более широкие и тесные контакты с маоистами даже в ущерб связям с Чан Кай-ши. Конечно, американские политики, ратовавшие за установление контактов с Яньанью в годы войны, руководствовались отнюдь не идентичными мотивами: одни, действуя в рамках задач антифашистской коалиции, готовы были сотрудничать с КПК в интересах борьбы с милитаристской Японией и не могли в связи с этим не встретить взаимопонимания в среде здоровых сил китайской компартии, другие, напротив, отдавали предпочтение необходимости достижения стратегических целей империализма и уповали в связи с этим на антисоветские, нацио-

налистические тенденции в деятельности КПК. Симпатии американцев к маоистам определялись главным образом их отношением к международному коммунистическому движению. Большинство из них интересовалось марксизмом лишь как идеологией классового противника; они не могли примириться с идеями социалистического переустройства общества и, следуя классовой природе империалистической политики, шли на поиск взаимопонимания с Мао на антисоветской основе. Некоторые из них, будучи приверженцами мелкобуржуазной демократии, связывали с маоистским эгалитаризмом свои утопические представления об обществе социальной справедливости. Всех американских дипломатов — специалистов по Китаю и буржуазных журналистов, посетивших Яньань, несомненно, объединяло главное — их приверженность тем ценностям, верность которым заботливо воспитывало в них капиталистическое общество. И они стремились возложить на алтарь своего капиталистического отечества знания, приобретенный за многолетнюю службу опыт. Именно такими людьми и были Дж. Сервис и другие его коллеги. Дж. Сервис, согласно характеристике советских специалистов — очевидцев событий в Яньани, производил впечатление хорошо воспитанного, блестяще знающего китайский язык умного человека («Когда Сервис в Яньани — все начеку» — П. П. Владимиров).

Имена пострадавших по делу «Амерэйша» лиц приобретали особую популярность в мире американской буржуазной науки по мере активизации особого внешнеполитического курса маоистов. Американская печать стала представлять их в роли жертв несправедливости, а в качестве доказательства невиновности зачастую приводились оценки современных событий в Китае.

Вспомнили об этих людях и в Пекине. 19 июля 1971 г. в беседе с членами делегации американского Комитета ученых специалистов по Азии Чжоу Энь-лай заявил: «Во время войны на Тихом океане китайский и американский народы имели много возможностей для контактов друг с другом. Возьмите, например, меня. У меня в вашей стране много давних друзей старшего поколения. Разве ваш комитет среди прочих целей не предусматривает привлечения к деятельности правительства старшего поколения азиатоведов? Или же они хранят молчание?». Да, они долгое время хранили молчание. Деятельность американских китаеведов, в том числе и тех, кто не прочь был спе-

кулировать на националистических настроениях в КПК, была втиснута в определенные рамки, которые диктовались задачами фронтального противостояния империализма единому потоку сил социализма и национально-освободительных движений.

В Пекине понимают, что нынешняя политика США в отношении Китая в большей степени связана с внутриполитическими делами, нежели какой-либо иной аспект американской внешней политики, и пытаются в меру сил оказать воздействие на ход внутриполитической борьбы в США. Среди многочисленных гостей, посетивших в начале 70-х годов КНР, можно встретить имена американских ветеранов китаеведов, занимавшихся активной политической деятельностью в годы второй мировой войны и привлеченных по делу «Амерэйша». Некоторые из них, называемые в сообщениях агентства Синьхуа «американскими друзьями», известны были в свое время симпатиями к яньаньским руководителям маоистской ориентации; они восхваляли националистические тенденции в КПК, с особой настойчивостью подчеркивали стремление Мао Цзэ-дуна и его окружения идти своим, независимым от мирового коммунистического движения путем, уповали, наконец, на помощь США яньаньским коммунистам. Именно это обстоятельство учитывали в Пекине, когда приглашали гостей из США в КНР.

«Американские друзья» нужны были китайскому руководству как пропагандисты и даже пособники авантюристической политики Пекина. Во многих из них маоисты не ошиблись. «Два-три года назад апологетами Мао Цзэ-дуна, — справедливо отмечалось в 1972 г. в газете «Правда», — выступали лишь представители «пекинского лобби» в Соединенных Штатах, а сейчас популяризаторами маоизма порою становятся влиятельные империалистические круги США»[2]. На путь фальсификации истории политики СССР и восхваления маоизма встали некоторые «американские друзья», которых с особым гостеприимством встречали в Пекине. Среди них — бывший дипломат Дж. Сервис и рядом с ним, несмотря на некоторые различия, выступили: историк Б. Тачмен, американские обозреватели Дж. Рестон, Д. Олсоп. Но стоило видному востоковеду О. Латтимору не покривить душой и выступить с объективными впечатлениями о событиях в Китае, как из «американских друзей» он попал по воле маоистской пропаганды в разряд «международных шпио-

нов». Трагикомический парадокс! В то время, когда бушевали страсти вокруг дела «Амерэйша», самые отъявленные маккартисты величали О. Латтимора не иначе как опасным «шпионом».

Рост великодержавно-шовинистических, антисоветских тенденций в политике Пекина вдохновил сторонников заигрывания с маоистами, в том числе и на антисоветской основе; они стремятся воздействовать на общественное мнение в США: во-первых, в целях создания более благоприятного политического климата для закрепления антисоциалистических тенденций во внешней политике Пекина; во-вторых, своей трактовкой американского опыта дальневосточной политики они пытаются в определенной мере доказать и торжество неолиберализма как идеологии государственно-монополистической буржуазии.

Многие эксперты по Китаю, специалисты-международники, игравшие еще в годы второй мировой войны заметную роль в планировании американской политики в Китае и формировании общественного мнения, обрели «вторую жизнь» на ниве новой китайской политики США. В июле 1971 года американский специалист по Китаю проф. А. Уайтинг провозгласил в сенате: «Позиция Мао сейчас идентична его позиции в 1945 году — призывы к отказу от поддержки Чан Кай-ши, за «развитие свободных контактов со всеми странами»[3]. А раз так, то необходимо — раздались сочувствующие голоса законодателей — учесть опыт прошлого. «Конечно, мы склонимся к одной стороне, — напоминал А. Уайтинг сенаторам обращение Чжоу Энь-лая к Маршаллу в 1945 году, — но насколько далеко мы пойдем в этом отношении, зависит от вас»[4].

Американцы, услышавшие призывы к критическому переосмысливанию опыта контактов своей страны с Яньанью, действительно могли бы задать вопрос: а не ошибалось ли правительство США, отказавшись последовать советам экспертов-китаистов и не установив более тесные контакты с маоистами в 40-х годах? Ведь деятельность видных американских дипломатов и политиков, усилия многих американских публицистов, связанных с журналом «Амерэйша», подчеркивала их надежды на националистическое крыло в КПК, стремление поощрить националистические тенденции в коммунистическом движении Китая, подорвать позиции интернационалистов, вызвать, в том числе и недоверие к Советскому Союзу. Но надежды

эти были слишком далеки от действительности. И дело здесь, конечно, не в «ошибках» американской администрации.

Бесперспективность расчетов американских политиков, делавших ставку на антисоветизм маоистов, объяснялась не «ошибками», «заблуждением» американской администрации, как это хотят представить и сегодня иные политические деятели и историки, а целым рядом взаимозависимых объективных причин. Во-первых, решение США всесторонне поддержать Чан Кай-ши, что по сути дела сводило на нет советы ряда американских дипломатов, проистекало не из-за недопонимания обстановки в Китае, а было продиктовано логикой развития событий того времени, диалектикой китайской политики Вашингтона. Среди этих причин ведущее место занимала роль Советского Союза — первого в мире социалистического государства, на его плечи была возложена основная тяжесть борьбы с немецким фашизмом. Открытая игра на антисоветских настроениях маоистов в годы выдающихся побед антифашистской коалиции несомненно компрометировала те благородные идеи, которые были заложены в фундамент этой коалиции; США должны были считаться с ролью СССР в решении проблем послевоенного мира не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Во-вторых, контакты американцев с Яньанью, борьба маоистов с интернационалистическим крылом в КПК не могли, несмотря на старания американских экспертов-китаистов, серьезно поколебать сложившееся у политических деятелей США представление о китайской компартии как о партии с антиимпериалистической, антифеодальной направленностью своей деятельности. Вашингтон вынужден был учитывать революционный подъем в китайском народе и поставить под сомнение возможность использования националистического крыла в КПК в стратегических целях империализма. В-третьих, на политику правительства США и на американское общественное мнение серьезное влияние оказывали тесно связанные с гоминьдановской верхушкой силы. Связи гоминьдана с определенными кругами в США цементировались многие годы, и с ними не мог не считаться Белый дом. В-четвертых, неоправданно было бы игнорировать и инерцию в американской политике на Дальнем Востоке, а она предполагала во времена президентства Ф. Рузвельта создание сильного Китая под эгидой Чан Кай-ши.

Серьезные причины провала американских расчетов на антисоветизм маоистов в 40-х годах крылись в самой позиции КПК и окружении Мао. Подвиг советского воина-освободителя, сокрушившего ценой невиданных в истории жертв ненавистный фашизм, высоко поднял авторитет Страны Советов среди угнетенных в прошлом народов, возвысил ценность идей социализма на мировой арене. Огромно влияние борьбы и побед советского народа в годы Великой Отечественной войны на судьбы боровшихся за свое освобождение народов, в том числе и китайского народа. Китайских трудящихся вдохновлял пример стойкости и мужества советского народа, пример жизненности идей социалистического переустройства общества.

Именно в связи с этим некоторые американские дипломаты видели ограниченные возможности Мао в игре с американцами в 40-х годах. Хотя Мао и заявил, что он будет приветствовать иностранные инвестиции в Китае, подобное утверждение, отмечает, например, Дж. Дэвис, мало что значило для тех, кто долгое время требовал ликвидации иностранной собственности в Китае. Признание антиимпериалистического характера деятельности КПК не останавливало, конечно, многих американских политиков от игры на национализме Мао. Они считали чрезвычайно важным пропагандировать идею о «справедливости» национализма Мао[5], хотя эти усилия и не приносили серьезных политических дивидендов.

Оценивая деятельность Дж. Дэвиса и его коллег в Особом районе Китая, П. П. Владимиров писал, например: «Американцы не сомневаются в допустимости прочного альянса с Мао Цзэ-дуном. Их даже не тревожит Компартия как ведущая сила Особого района, а, возможно, и будущего Китая. Им крайне важно, чтобы КПК была «самостоятельной, независимой от Москвы». Это уже предполагает определенные националистические аспекты в политике КПК. Словом, «социализм националистический» в Особом районе или в Китае устраивает Вашингтон. Это уже откровенное признание националистических тенденций в политике верхушки КПК... В действиях американцев проглядывает желание вбить клин между КПК и ВКП(б), между Советским Союзом и Особым районом»[6].

Подобного рода желаниям американцев не суждено было осуществиться. Открытая демонстрация «дружбы»

с США в ущерб сотрудничеству с советским народом таила для маоистов серьезные политические трудности, и они стремились ограничить свой флирт с американской стороной определенными рамками, тщательно маскировать свои антисоветские настроения.

Это обстоятельство с особой очевидностью выявилось после образования КНР в 1949 году, в начале 1950 года, когда были заложены основы послевоенного сотрудничества между советским и китайским народами.

Опыт прошлых контактов Вашингтона с КПК показывает, таким образом, что попытки экстраполировать идеи сотрудничества американцев с маоистами на антисоветской основе в 40-х годах на китайскую политику 70-х годов не оправданы с исторической точки зрения, и этот опыт не может в этом смысле служить подтверждением позиции американских политиков, уповавших и уповающих на националистические тенденции в КПК.

Американские специалисты по Китаю, пропагандировавшие в годы второй мировой войны необходимость развития контактов с яньаньскими руководителями и ратующие за активизацию новой китайской политики с учетом маоистского антисоветизма в 70-х годах, тяготеют по своим взглядам в своем основном большинстве к школе так называемого «политического реализма», противостоящей иному направлению в сфере буржуазной политической мысли, — «политическому идеализму». Речь, конечно, идет не об идеализме и реализме в общепринятом значении этих терминов, а об определенных направлениях в американской буржуазной политической науке. В соответствии с концепцией сторонников «политического реализма» борьба людей за силу, за власть («борьба всех против всех») выступает в качестве детерминанты общественного развития в целом и политических отношений в частности. Приверженцы «идеалистической» доктрины взывают к моральным ценностям, призывают подняться выше эгоистических национальных интересов. И «реалисты» и «идеалисты» стоят на позициях антикоммунизма. Первые — за реальный учет соотношения сил в мире и использование при благоприятных условиях силы, вторые — за торжество универсальной морали.

Политика мыслится «реалистами» как явление надклассовое, в основе которого лежат не социально-экономические предпосылки, а политические либо сугубо психологические факторы. Забвение моральных принципов в

международных делах — важное кредо сторонников школы «политического реализма». Именно с этих позиций они оправдывают, например, варварскую бомбардировку Хиросимы и Нагасаки и тем самым отбрасывают прочь принцип признания нравственных норм в политике, признают произвол на международной арене закономерным явлением, считая, что это необходимо с точки зрения «национальных интересов их страны». Такой подход, который якобы отбрасывает в сторону любые субъективно-идеологические предубеждения, в действительности согласуется с принципами и нормами буржуазной морали.

Американский «политический реализм», если его рассматривать в политическом аспекте, — очередная ступень в развитии идеологии антикоммунизма. «Политические реалисты» умеренно либерального толка — чаще всего квалифицированные, с достаточно широким, конечно в рамках своих идеологических представлений, кругозором люди, сознающие границы возможностей США на международной арене, их подход к проблемам мировой, и в частности китайской, политики, более гибок, нежели у сторонников доктринерского антикоммунизма. Они призывают тщательно изучать, взвешивать накопленный политический опыт, всю гамму различных факторов, способных повлиять на политическую обстановку, внимательно изучать и учитывать уроки истории. Именно это обстоятельство объективно приводит многих политических деятелей США к пониманию необходимости учета существующих на арене мировой политики реалий, к вынужденному переосмыслению своего отношения к антисоветизму маоистов.

Разрядка в мировой политической обстановке, хотя и сковала в определенной мере, но не остановила многих американских специалистов по Китаю, пытающихся использовать антисоветский, антисоциалистический курс маоистов в идеологическом наступлении на социализм. Разоблачение различного рода вымыслов, фальсификаций, распространяемых идеологами антикоммунизма и внушаемых в Пекине китайскому народу, является первейшим долгом ученых-марксистов. Эта задача была четко сформулирована на XXIV съезде КПСС. «В условиях, когда китайские руководители выступают со своей особой, несовместимой с ленинизмом идейно-политической платформой, направленной на борьбу против социалистических стран, на раскол международного коммунистиче-

ского и всего антиимпериалистического движения, — отмечается в резолюции съезда, — ЦК КПСС занял единственно правильную позицию — позицию последовательного отстаивания принципов марксизма-ленинизма, всемерного укрепления мирового коммунистического движения, защиты единства интересов социалистической родины»[7].

Внутриполитические дискуссии в США по вопросам китайской политики ярко продемонстрировали тот ущерб, который нанесла антисоветская деятельность руководителей КПК делу социализма, единству мирового коммунистического движения. Маоистское руководство своей антинародной, антисоциалистической политикой активно подыгрывает наиболее реакционным кругам империализма. Провозгласив КНР государством «третьего мира», оно пыталось, в частности, содействовать тем силам в империалистических государствах, которые стремятся строить свои отношения с Пекином на антисоциалистической основе.

Маоистам, однако, не удалось добиться поставленных целей и использовать, в частности, улучшение отношений с капиталистическим Западом, в том числе с США, против Советского Союза. Изменения, происшедшие в мире в послевоенный период, обусловили создание новой обстановки: к концу 60-х годов окрепло экономическое и оборонное могущество Советского Союза, всего социалистического содружества, соотношение сил между социалистической и капиталистической системами приобрело новое качество, сложились благоприятные условия для разрядки международной напряженности.

Активная внешняя политика Советского Союза, осуществление советским правительством Программы мира стали важнейшими факторами, которые сковали деятельность маоистов, рассчитывающих получить в конце 60 — начале 70-х годов от капиталистических государств, в том числе и США, взамен на антисоветизм большие, нежели это было на самом деле, уступки.

Советско-американские переговоры на высшем уровне внесли решающий вклад в дело разрядки международной напряженности. Вашингтон, как показали эти события, придавал первостепенное значение американо-советским отношениям как фактору, который оказывает решающее влияние на развитие международной обстановки. Как СССР, так и США, предприняв переговоры в верхах, исходили прежде всего из необходимости содействовать не-

обратимости позитивных сдвигов, происходивших в мировой обстановке и обозначавших начало реальной разрядки международной напряженности. Участники советско-американских встреч на высшем уровне, понимая необходимость предотвращения ядерной войны и видя в этом главную сферу совпадения своих интересов, указали на то, что действенные гарантии мира требуют улучшения отношений между СССР и США, роста взаимопонимания и доверия между ними.

Разрядка международной напряженности, провалы расчетов Пекина на обострение советско-американских отношений оказали воздействие на развитие внутриполитической борьбы в КНР. В руководящем звене КНР обострилась борьба вокруг средств осуществления внешней политики, в том числе политики в отношении США. Маоистская пропаганда в начале 1974 года заострила внимание на китайско-американских переговорах, в частности на нерешенности тайваньской проблемы. В китайской печати участились антиамериканские выступления.

В американском обществе действуют силы, стремящиеся использовать торговлю и другие аспекты межгосударственных отношений для политического давления на Советский Союз, то есть пытающиеся, по существу, поддерживать состояние напряженности. Идейным знаменем противников разрядки напряженности становится ложный тезис о том, что от происходящих на международной арене перемен (обуздание гонки вооружений — «нарушение в пользу СССР принципа паритета», «потери американцев от развития торговли» и тому подобные легенды) выигрывают только социалистические государства. Носителем такого рода взглядов в американском сенате выступил, как известно, сенатор Г. Джексон. Выступления Джексона во многом сходны с демагогией маккартистов 50-х годов: иная терминология, но сущность та же. С надеждой стали смотреть в Пекине на тех американских политических деятелей, которые идут в первых рядах антикоммунизма и реакции. Иначе, чем еще можно объяснить приглашение сенатора Джексона в Пекин летом 1974 года?! Маоисты, видя в разрядке напряженности угрозу своим авантюристическим замыслам, любыми путями стремились подорвать позитивные тенденции в советско-американских отношениях.

«Выступая против нормализации советско-американских отношений, против разрядки вообще, — отмечал

А. Н. Косыгин на встрече с избирателями 12 июня 1974 г., — пекинское руководство перешло в один лагерь с агрессивными кругами империализма. Оно все более открыто заявляет о своей поддержке милитаристских кругов Запада, любых, без разбора, их акций, лишь бы они были направлены против социалистического содружества, против разрядки напряженности и укрепления мира»[8].

В Пекине пытаются преуменьшить влияние на мировые события советско-американских переговоров на высшем уровне, активно пропагандируют идеи противников разрядки напряженности, в том числе наиболее авантюристических деятелей в США, ратующих за дальнейшую гонку вооружений, за возвращение к временам «холодной войны». В этом смысле пропаганда Пекина смыкается с призывами к спекуляциям на антисоветизме маоистов, исходящих со стороны определенных кругов США (как делали, например, американские обозреватели Дж. Рестон, Д. Олсоп, ряд представителей леворадикального направления в американском азиатоведении Р. Преффер, И. Оджа и др.). Подобного рода действия не служили и не служат делу оздоровления международной обстановки, созданию благоприятных условий для укрепления взаимопонимания и доверия между народами.

Реалистически мыслящие американские политики отдают себе отчет в том, что попытки установить отношения с китайским руководством за счет третьих стран, сыграть на разногласиях между СССР и КНР могут обернуться и против самих США. В то же время стремление определенных кругов в США взять на вооружение идеи заигрывания с националистически настроенными лидерами КПК, столь популярные среди американских дипломатов — китаеведов 40-х годов, использовать антисоветизм маоистов для ослабления социалистического содружества для подрыва его позиций на международной арене, означает лишь рецидивы «холодной войны» и расходится с национальными интересами как китайского народа, так и США.

Примечания

●

Вместо введения

[1] Л. И. Брежнев, О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи, М., 1973, стр. 567—568.
[2] «Foreign Service Journal», March 1973, vol. 50, N 3, pp. 21—24.
[3] См., например, «The Amerasia Papers: A Clue to the Catastrophe of China, vol. 1—2, prepared by the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary United States Senate», Wash., 1970 (далее: «The Amerasia Papers...»); J. Service, The Amerasia Papers. Some Problems in the History of U. S. — China Relations, Wash., 1971.

Глава I. «Амерэйша» в Яньани

[1] «Revolutionary Leaders of Modern China», ed by Chün — Tu Hsüch, New York — London — Toronto, 1971, pp. 397, 403, 415, 419—420.
[2] Ibid., p. 421.
[3] См. A. Smedley, Chinese Destinies, N. Y., 1933;. A. Smedley, China's red Army Marches, N. Y., 1934.
[4] См. R. Shewmaker, Americans and Chinese Communists. 1927—1945, A Porsuading Encounter, Ithaca (N. Y.), London, 1971, p. 194.
[5] См. B. Tuchman, Stilwell and the American Experience in China. 1911—1945, N. Y., 1971, pp. 175—176.
[6] См. B. Porter, Britain and the Rise of Communist China, London — New York — Toronto, 1967, p. 16.
[7] H. Forman, Report from Red China, N. Y., 1945, pp. 177—178.
[8] Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, М., 1953, стр. 227—228.
[9] См. «Ленинская политика СССР в отношении Китая», М., 1968, стр. 106—107, 113—114.
[10] См. E. Snow, The Red Star over China, N. Y., 1938, p. 211.
[11] См. «Amerasia», VIII, Apr. 28, 1944; «Amerasia», IX, March 23, Apr. 20, 1945.

Глава II. Дж. Стилуэлл — Чан Кай-ши: кризис доверия

[1] См. A. Kubek. Now the Far East was Lost. American Policy and the Creations of Communist China, 1941—1949, Chi., 1963, p. 212 (далее: A. Kubek, How the Far East was Lost).
[2] См. «The Amerasia Papers...», vol. 1, p. 253.
[3] См. Р. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, т. 2, М., 1958, стр. 419.
[4] A. Wedemeyer, Wedemeyer Reports, N. Y., 1958, p. 309.
[5] См. «The Amerasia Papers...», vol. 1, p. 21.
[6] См. A. Kubek, How the Far East was Lost, p. 211.

[7] Цит. по B. Tuchman, Stilwell and the American Experience in China, 1911—1945, p. 1.
[8] См. «Очерки по новой истории Китая», М., 1956, стр. 131; Т. Уайт и Э. Джекоби, Гром из Китая, М., 1948, стр. 220.
[9] Т. Уайт и Э. Джекоби, указ. соч., стр. 150.
[10] Цит. по Ch. Romanus and R. Sunderland, Stilwell's Mission to China, W., 1953, pp. 252—253.
[11] «The Viscount Slim, Defeat into Victory», N. Y., 1961, p. 216.
[12] См. «United States Relation with China. With Special Reference to the Period 1944—1949. Based on the Files of the Department of States», Wash., 1949, p. 552. «United States Relation with China».
[13] Цит. по Ch. Romanus and Sunderland, op. cit., p. 306.
[14] Ibid., pp. 304—305.
[15] Ibid., pp. 30, 174, 460—461.
[16] См. Р. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, т. 2, стр. 308.
[17] S. Pawlak, Polityka stanów zjednoc zonych wobec Chin (1941—1945), Warszawa, 1973, ctp. 49.
[18] См. «The Amerasia Papers...», vol. 1, pp. 255—256, 998.
[19] См. «Важнейшие решения», М., 1964, стр. 307.
[20] Ch. Romanus and R. Sunderland, U. S. Army in World War II, China — Burma — India Theatre, vol. II, Stilwell's Command Problems, Wash., 1956, p. 58 (далее: Ch. Romanus and R. Sunderland, Stilwell's Command Problem).

Глава III. Дж. Сервис в Яньани

[1] См. «United States Relations with China», p. 569.
[2] «The Amerasia Papers...», vol. II, p. 1663.
[3] «The Amerasia Papers...», vol. I, p. 88.
[4] Ibid., pp. 86—87.
[5] См. J. Service, op. cit., p. 176.
[6] См. «The Amerasia Papers...», vol. I, p. 983.
[7] См. J. Service, op. cit., pp. 179—180.
[8] См. «The Amerasia Papers...», vol. I. p. 91—101.
[9] Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 2, М., 1953, стр. 386.
[10] См. R. Menon, Many Worlds on Autobiography, Bombay — New York, 1965, pp. 178—179.
[11] «The Amerasia Papers...», vol. I, p. 597.
[12] Ibid., p. 598: см. также «Amerasia», 1946, vol. X, N. 1, «China Kai — Shek's Economic Credo: A Zaibatzu China», pp. 34—36.
[13] См. E. Snow, The Red Star over China, N. Y., 1944, p. 96.
[14] «The Amerasia Papers...», vol. I, p. 21.

Глава IV. Миссия Хэрли

[1] «United States Relations with China», p. 67.
[2] Цит. по Tang Tsou, America's Failure in China, 1941—1950, Chi., 1963, p. 117.
[3] См. J. Service, op. cit., p. 81.
[4] См. «United States Relations with China», p. 68.
[5] См. B. Tuchman, op. cit., p. 506.
[6] См. Ch. Romanus and R. Sunderland, Time Runs out in CBI, Wash., 1959, p. 72.
[7] См. J. Service, op. cit., p. 95

[8] «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran, 1943», Wash., 1961, pp. 102—103.
[9] J. Service, op. cit., p. 85.
[10] Ibid., pp. 8, 81.
[11] B. Tuchman, op. cit., p. 478.
[12] «The Amerasia Papers...», vol. II, p. 1141.
[13] Цит. по Лю Да-нянь, История американской агрессии в Китае, М., 1953, стр. 233—234.
[14] См. «Foreign Relations of the United States. The Conferences at Malta and Ylta, 1945», Wash., 1955, pp. 347—348.
[15] См. A. Wedemeyer, Wedemeyer Reports, pp. 318—319: J. Service, op. cit., p. 84.
[16] «The Amerasia Papers...», vol. II, pp. 104, 1014—1017.
[17] См. J. Service, op. cit., pp. 187—189.
[18] См. «America's Retreat from Victory. The Story of G. G. Marchall by Senator Joseph R. McCarthy», N. Y., 1962, p. 51.
[19] См. J. Service, op. cit., pp. 191, 8, 95.
[20] «Foreign Relations of the United States. The Conferences at Malta and Ylta, 1945», p. 352.
[21] Цит. по J. Service, op. cit., p. 126.
[22] «America's Retreat from Victory», p. 52.
[23] J. Service, op. cit., p. 118.
[24] «The Amerasia Papers...», vol. II, pp. 1401—1402.
[25] Ibid., pp. 1402—1403.
[26] Ibid.
[27] Ibid., p. 1264.
[28] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 168.
[29] W. Cohen, America's response to China, N. Y. — L., 1971, p. 162.
[30] «United States Relations with China», p. 61.
[31] См. Ch. Romanus and R. Sunderland, Stilwell's Command Problems, p. 433.
[32] См. Б. Г. Сапожников, Китайский фронт во второй мировой войне, М., 1971, стр. 150—158.

Глава V. Канун маккартизма

[1] A. Wedemeyer, Wedemeyer Reports, pp. 316—317.
[2] См. Tang Tsou, America's Failure in China, 1941—1950, p. 371.
[3] A. De Conde, A. History of American Foreign Policy, N. Y., 1963, p. 692.
[4] B. Robinson, Marshall in China, N. Y., 1970, p. XVII.
[5] «China and Ourselves: Explórations and Revision», ed. by B. Douglass and R. Terrill, Boston, 1970, p. 131 (далее: «China and Ourselves...»).
[6] См. «Foreign Relations of the United States, 1946», vol. II. «The Far East: China», United States Goverment Printing Office, Wash., 1972, vol. IX, p. 253 (далее: «Foreign Relations of the United States, 1946...»).
[7] Ibid., pp. 131—132.
[8] См. «China and Ourselves...», p. 134.
[9] См. «The Amerasia Papers...», vol. I, p. 27.
[10] См. «Foreign Relations of the United States 1946...», vol. IX, X.
[11] Ibid., vol. IX, p. IV.

[12] Ibid., vol. IX, pp. 149, 152.
[13] Ibid., p. 875.
[14] Ibid., pp. 149, 151, 152.
[15] Ibid., vol. X, pp. 387, 119, 116, 1275.
[16] Ibid., p. 1455.
[17] Ibid., p. 1459.
[18] Ibid., vol. IX, pp. 1326—1427.
[19] См. «The New York Times», March 21, 1947.
[20] См. «United States Relations with China», pp. 237—238.
[21] См. «The New York Times», May 3, 1947.
[22] «United States Relations with China», p. 759.
[23] См. J. Sparrow, History of Personnal Demobilization, Wash., 1951, p. 300.
[24] См. J. Keeley, The China Lobby man. The Story of Alfred Kohlberg, N. Y., 1969, p. 170.
[25] См. A. Stelle, The American people and China, New York — Toronto — London, 1966, pp. 116—117.
[26] J. Keeley, op. cit., p. 92.
[27] См. Green, A Curtain of Ignorance, N. Y., 1964, p. 56.
[28] C. Sulzberger, A Long Row of Candles. Memoir and Diaries, 1934—1954, Toronto, 1969, p. 436.
[29] См. Lin Yatang, Mao Tse-Tung's «Democracy», «China Magazine», N Y., Apr., 1947, No 4, p. 16; Chen Tien-Fang, The Case for China, «China Magazine», May, 1947, No 5, pp. 14, 55.
[30] См. C. Sulzberger, op. cit., p. 436.
[31] См. F. Devis and R. Hunter, The Red China Lobby, N. Y., 1963, p. 53.
[32] «North Weast Arkansas Times», Febr. 2, 1955.
[33] См. «The New York Times», Jan. 18. 1950.
[34] C. Sulzberger, op. cit., pp. 17, 564.
[35] «Department of State Bulletin», 21 Jan. 1950.
[36] См. «Senate Committee on Foreign Relations. Hearings on State Department Employee Loyalty Iivestigation. 81st Cong., 2d Sess., 1950».

Глава VI. Тяжба в сенате

[1] R. Rovere, Senator Goe McCarthy, N. Y., 1960, p. 149.
[2] «Congressional Record. 81st Cong., Ist Sess., 1950», p. 4408.
[3] R. Rovere, op. cit., p. 153.
[4] J. Service, op. cit., p. 29.
[5] См. «China and Ourselves...», p. 124.
[6] J. Keeley, op. cit., p. 5.
[7] См. R. Rovere, op. cit., p. 174.
[8] Ibid., p. 175.
[9] См. B. Robinson, Marshall in China, N. Y., 1970, pp. XVI, 11, 114.
[10] См. «China and Ourselves...», p. 149.
[11] «North West Arkansas Times», Apr. 9, 1964.
[12] См. G. Coffin, Senator Fulbright. Portrait of a Public Philosofer, N. Y., 1966, pp. 112—113.
[13] См. C. Sulberger, op. cit., p. 569.
[14] См. «The New York Times», May 6. June 22, 1951.
[15] «Institute of Pacific Relations: Report of the Senate Committe of the Judiciary, 82nd Cong., July 2, 1952».

[16] «China and Ourselves...», p. 47.
[17] J. Keeley, op. cit., pp. 127—129 .
[18] «The New York Times», May 25, 1951.
[19] J. Keeley, op. cit., p. 409.
[20] «The New York Times», May 9, 1951.
[21] «The New York Times», Oct. 19, 1951.

Глава VII. «Если есть шанс, то его следует использовать!»

[1] См. «China and Ourselves...», p. 123.
[2] Ibid., pp. 126—127.
[3] Ibid., pp. 131—133.
[4] См. F. Davis and. R. Hunter, The Red China Lobby, N. Y., 1963, p. 252.
[5] См. A. Steele, The American People and China, pp. 84—85.
[6] F. Grein, Curtain of Ignorance, pp. 79, 80.
[7] T. Lutz, China and The Christian Colleges, 1850—1950, Ithaca, London, 1971, p 451—452.
[8] «The New York Times», Nov. 28, 1958.
[9] C. Sulzberger, The Last of the Giants, N. Y., 1970, p. 150.
[10] Lord Lindsay of Birker, Chiña and World Peace, «The Manchester Guardian Weekly», Oct. 21, 1954, p. 7.
[11] C. Sulzberger, The Last of the Giants, p. 150.
[12] Ibid., p. 173.
[13] Цит. по A. Bording, Dulles on Diplomacy, N. Y. — L., 1965, p. 57.

Глава VIII. Политики, журналисты, ученые

[1] Ch. Bowles, Promises to Keep. My Years in Public Life. 1941 — 1969, N. Y., 1971, p. 393.
[2] «Eastern Economist», Dec. 27, 1963, p. 1436.
[3] «The Hindustan Times», Jan. 29, 1965.
[4] См. Ch. Bowles, op. cit., pp. 402—403.
[5] Ibid., p. 399—400.
[6] «The Secret History of the Vietnam War, The Pentagon Papers», N. Y., 1971, p. 295.
[7] См. Ch. Bowles, op. cit., p. 339.
[8] «Эпока», 11 апреля 1971 г.
[9] «The New York Times», July 6, 1966.
[10] См. «Жэньминь жибао», 11 июля 1966 г.
[11] См. E. Snow. Mao and the New Mandate, «The New Republic», May 10, 1969, pp. 17—21.
[12] См. H. Morgenthau, A New Foreign Policy for the United States, N. Y., Wash. — L., 1969, p. 9, 99.
[13] Ibid.
[14] H. Morgenthau, Truth and Power. Essays of a Decade 1960—1970, N. Y. — Wash — L., 1970, pp. 393—394.
[15] H. Morgenthau, A. New Foreign Policy for the United States, pp. 134—135.
[16] H. Morgenthau, Truth and Power. Essays of a Decade 1960—1970, p. 326.
[17] См. «The New York Times», May 12, 1971.
[18] J. Fairbank, The United States and China, Cambridge (Mass.), 1971, pp. 324—325.

[19] «U. S. Policy with Respect to Mainland China. Hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate, 89th Cong., 2d Sess.», Wash., 1966, pp. 177—178 (далее: «U. S. Policy with Respect to Mainland China»).
[20] См. J. Fairbank, op. cit., p. 416.
[21] Ibid., pp. 417, 406.
[22] «U. S. Policy with Respect to Mainland China», p. 153.
[23] См. J. Fairbank, op. cit., p. 4.
[24] Ibid., p. 311.
[25] J. Fairbank, The United States and China, Cambridge, 1949, p. 313.
[26] «U. S. Policy with Respect to Mainland China», p. 106.
[27] А. А. Мурадян, «Историография» против истории, «Проблемы Дальнего Востока», 1972 г., № 4, стр. 120.
[28] См. J. Fairbank, The United States and China, 1971, p. 288.
[29] Ibid., p. 298.
[30] Подробнее см. Л. А. Березный, Политика США в Китае в период революции 1924—1927 гг., Изд-во ЛГУ, 1956.
[31] См. J. Fairbank, The United States and China, 1971, p. 299.
[32] Ibid., pp. 308, 310, 387.
[33] J. Fairbank, Assignment for the 70's «The American Historical Rewiew», 1969, Febr., vol. LXXIV, N. Y., pp. 861—879.
[34] См. J. Fairbank, The United States and China, 1971, pp. 395, 392.
[35] «The New York Times», Febr. 8, 1972.
[36] Цит. по Н. Н. Яковлев, Преступившие грань, М., 1970, стр. 210—211.
[37] См. B. Tuchman, op. cit., pp. 239, 240.
[38] См. «Issues and Studies. A Monthly Journal of Communist Problems and World Affairs», vol. IX, Oct., 1972, No I, Taipei, Taiwan, pp. 85—90.
[39] «United States Relations with the People's Republic of China. Hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate, 92d Cong., Ist Sess., June 24, 25, 28 and 29 and July 20, 1971», Wash., 1972, p. 98.
[40] См. «The New York Times», Sept. 7, 1972.
[41] См. «Toward and Affirmative Approach to China», pp. 11—14; «The Progressive», Nov., 1963.
[42] См. E. Clubb, 20th Centuary China, N. Y., p. 432.
[43] E. Clubb, China and Russia. The «Great Game», N. Y. — L., 1971, p. 4.
[44] Ibid., p. 513.
[45] «The New York Times», May 24, 1972.
[46] См. «U. S. Policy with Respect to Mainland China», p. 448.
[47] См. «Congressional Record», vol. 117, No 87, p. H4928.
[48] «Washington Post», June 14, 1971.
[49] «Washington Post», July 26, 1971.
[50] «Hearings before the Committe on Foreign Relations. United States Senate. 92d Cong., Ist Sess., on Evolution U. S. Policy towards Mainland China. Executive Hearing Held, July 21, 1971; Made Public, December 8, 1971», pp. 33, 38.
[51] См. «China and the United States: Today and Yesterday. Hearings before the Committee on Foreign Relations. United States Senate, 92d Cong., 2—Sess., February, 7and 8, 1972», Wash., 1972, pp. 45—50, 81—82.

Глава IX. Президент в Пекине

[1] См. «Foreign Affairs», Oct., 1967, p. 115.
[2] См. «United States China Relations: A Strategy for the Future; Hearing before the Subcommittee in Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives, 91 st Cong., 2d Sess», Wash., 1970.
[3] См. W. Heuvel and M. Gwirtzman, On His Own Robert F. Kennedy, 1964—1968, N. Y., 1970, p. 230.
[4] См. «The New York Times», Aug. 10, 1971.
[5] «Правда», 27 июля 1971 г.

Заключение

[1] П. Владимиров, Особый район Китая. 1942—1945, М., 1973, стр. 505
[2] «Правда», 5 сентября 1972 г.
[3] «China and U. S. Foreign Policy. Congressional Quarterly», Wash., 1972, p. 77.
[4] «United States Relations with the People's Republic of China», Wash., 1972, p. 195.
[5] J. Davies, Dragon by the Tail, Americans, British, Japanese and Russian Encounters with China and One Another, N. Y., 1972, pp. 363—364.
[6] П. Владимиров, указ. соч., стр. 370.
[7] «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 192.
[8] «Правда», 13 июня 1974 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения 3
Глава I. «Амерэйша» в Яньани 9
Глава II. Дж. Стилуэлл — Чан Кай-ши: кризис доверия 21
Глава III. Дж. Сервис в Яньани 31
Глава IV. Миссия Хэрли 48
Глава V. Канун маккартизма 71
Глава VI. Тяжба в сенате 92
Глава VII. «Если есть шанс, то его следует использовать!» 106
Глава VIII. Политики, журналисты, ученые . . . 125
Глава IX. Президент США в Пекине 176
Заключение 189
Примечания 200

В 1974 году
издательство «Международные отношения»
выпускает следующие книги:

США: научно-техническая революция и тенденции внешней политики. 255 с., 13 000 экз., 1 р. 09 к.

ИВ. СЕВОСТЬЯН. **Планирование внешней политики в США.** 200 с., 10 000 экз., 70 к.

УСАЧЕВ И. Г. **США: милитаризм и разоружение.** 104 с., 30 000 экз., 14 к.

БЕЛОНОГОВ А. М. **Белый дом и Капитолий.** 200 с., 20 000 экз., 69 к.

ЧЕТВЕРИКОВ С. Б. **Кто и как делает политику США,** 245 с., 25 000 экз., 89 к.

Эти книги продаются в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу. В случае отсутствия литературы в местных книжных магазинах книги можно приобрести по почте, направив запрос по адресу: 103009, Москва К-9, проезд МХАТ, 6, магазин № 84, Дом политической книги. Отдел книга — почтой.

Книги будут Вам высланы наложенным платежом.

71 коп.

ДЕЛО «АМЕРЭЙША»

В. Б. БОГОНЦОВ

ИМО